

ЛЛОЙС

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Дмитрий Панасенко

Дмитрий Панасенко

Ллойс

«Автор»

2018

Панасенко Д. С.

Ллойс / Д. С. Панасенко — «Автор», 2018

Что может объединять наркоманку наемницу - бывшего чемпиона арены вольного города Сити, поборника новых порядков - фанатика механиста, циничного и жестокого охотника за головами и хитрого торговца? Взаимная выгода, общая цель или жгучая ненависть? Что более значимо, личная выгода или жизнь этого катящегося в ад мира? А может, любовь? Кто знает... Читатель, смелей, запрыгивай на ржавую подножку боевой фуры - прокатимся. А в пути я расскажу тебе историю про одну оторву по имени Ллойс. Знатный был стрелок...Содержит нецензурную брань.

© Панасенко Д. С., 2018

© Автор, 2018

Содержание

Пролог	6
Глава 1	8
Глава 2	20
Глава 3	34
Глава 4	50
Глава 5	65
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Благодарности.

Татьяне Панасенко, ставшей моей совестью и не давшей опустить руки.

Сергею Панасенко, за молчание.

Булату Фанавину, чьи глаза устали читать эти строки, а пальцы листать страницы.

Дмитрий Шибанову, за идею. Покойся с миром, друг.

Пролог

– По сообщениям MSNBC News конфликт между компаниями «Hyper» и «Prismatic international» разгорелся с новой силой. На этот раз камнем преткновения оказались «Мусорные острова» у северного побережья Индийского океана. миллиардов Обе стороны отрицают применение химического оружия...

– Согласно официальным данным международной фондовой бирже цена на нефтепродукты поднялась более чем на двести пунктов. В связи с этим, Объединенное правительство Североатлантических Штатов объявляет о расконсервации скважин высокого бурения...

– Сегодня в 10.03 подвергся кибернетической атаке глобальный сервер А3076. Жители северного полушария отмечают падение скорости глобальной связи...

– В западноевропейском зоопарке дала потомство последняя панда на планете. Клонированные малыши чувствуют себя отлично. На зрелище пришло посмотреть более ста тысяч человек...

– Компания «Nanotech LTD» анонсировала новую линейку продуктов «Lumen». По заверениям разработчиков нанокультура усиливает когнитивные и мнемонические процессы мозга, доводя их до физиологического максимума...

– На территории Южной Африки отмечена вспышка неизвестного заболевания. По предварительным оценкам смертность при заражении достигает более семидесяти процентов. Ходят слухи о посмертной активности зараженных. ВОЗ отрицает версию искусственного возникновения вируса и распространения их через гуманитарные пайки...

– Корпорация «Armlight» заявляет о готовности оказания помощи в преодолении продовольственного кризиса. Репликаторы нового поколения позволят увеличить скорость выращивания белковых продуктов более чем в двадцать раз. Также компания объявила об успешном завершении испытаний искусственного мозга. Болезнь Альцгеймера окончательно побеждена...

– Компания «Nanotech LTD» объявляет о скором появлении на рынке препарата «Med Shoot 2». Согласно предоставленным данным, временная наноклония не только регенерирует пораженные ткани и органы, но также успешно борется с большинством известных бактерий и вирусов. Новый продукт оснащен блоком эвристического анализа, позволяющих нанороботам выявлять доселе неизвестные штаммы заболеваний...

– Мы прерываем показ развлекательной передачи «Адская гонка» в связи с экстренным сообщением. Четыре минуты назад неизвестными были осуществлены подрывы семи представительств компании «Dhal». При террористическом акте были использованы ядерные заряды мощностью более тридцати килотонн. Спасательные бригады приступили к разбору завалов и очистке пораженных территорий. Напоминаем, что компания «Dhal» является монополистом на рынке производства микроядерных батарей. Количество пострадавших уточняется...

– Великая Китайская Империя, заявляет, что не собирается придерживаться доктрины ООН о неприменении ядерного оружия, мотивируя это недавним роспуском ассамблеи. На спорных территориях Урала продолжаются ожесточенные бои. По заверениям Объединенного Восточного Каганата, в случае не прекращения бомбардировок, Совет Ханов оставляет за собой право ответного удара по крупнейшим городам и военным базам Империи....

– В продукции двадцати крупных ферм социализирующихся на клонировании фруктов обнаружены псевдобелковые иглы с нервнопаралитическим ядом. На данный момент госпитализированы более шестидесяти тысяч человек. Пострадавшие находятся в тяжелом состоянии.

Ответственность за террористический акт взяла на себя запрещенная организация «Исконное семя»...

– Покупайте шампунь для собак «Най». «Най» – ваш питомец скажет вам спасибо!

– В мире зафиксирована новая вспышка наночумы. Компания «Nanotech LTD» отрицает слухи о намеренном повреждении партии иммуномодуляторов...

– Компания «Dhal» объявляет о наборе новых рекрутов в службу безопасности. Корпорация гарантирует сотрудникам установку бланков «Ali», «Lait» и «Taurus», а также комплексную страховку в случае получения ранений во время боевых действий. Для семей рекрутов предусмотрено проживание в комфортабельных убежищах – бункерах...

– Для жителей восточного сектора Североатлантических штатов введены продуктовые и водные карточки. Это позволит разрешить длящуюся уже больше месяца проблему обеспечения продовольствием мирного населения...

... Применение тектонического оружия... все крупные города... ядовитое облако движется... оставайтесь в домах... службы... ответный удар... Кобальтовые бомбы... уровень радиоактивного заражения...

– Привет всем слышащим. Это радио Сыть и мы вещаем на коротких и ультракоротких, а также длинных волнах. Слушайте бродяги, кому дома не сидится, и не говорите, что не слышали. Предупреждаем, что между поселками Малая мудь и Лазарь отмечена необычная активность волколаков. Так что, проезжая мимо держите оружие наготове, а патрон в патроннике. Кто думает, что самый умный и по верхам место объедет – знайте, в холмах тоже стая. Только двуногая. По слухам с тяжелыми пулеметами... Уже неделю как сидят, поганцы. На тракт к Сити тоже соваться не следует – там сейчас буря, лучевуху схватить как два пальца. Уже месяц как прекратилась связь с Жабьей Харей – для тех, кто не в теме, это не чувак со стремной рожей, а поселок, и не просто деревня задрипаная, а городок почти на полторы тысячи душ... Ей! Легионеры мать вашу так! Спасители человечества, ежика вам в штаны! Вы то точно меня слышите – пошли бы разобрались, в чем дело. Заодно и рейдеров бы с холмов выбили! И хватит меня глушить! Плевать я хотел на ваши глушилки с высокой колокольни. Имейте совесть рождество все-таки скоро. Кстати – Красного Клауса всем в дом!!! А сейчас немного музыкики...

Глава 1

Оторвав от лица монокуляр, Элеум Ллойс по кличке Нежить не торопясь присела за крупным обломком торчащей из земли бетонной плиты. Задумчиво провела ладонью по жесткой щетке выкрашенного в ярко-фиолетовый цвет ирокеза, спрятала оптику в закрепленный на портупее исцарапанный, покрытый многочисленными сколами пластиковый футляр, выщелкнула из слегка помятой пачки неприлично дорогую по нынешним временам, изготовленную еще до Черных лет сигарету, прикурила от сделанной из старого пулеметного патрона зажигалки и, откинув голову на нагретый полуденным солнцем бетон, с наслаждением выдохнула дым. Ллойс не любила торопиться. Торопыги долго не живут. Эта истина, въевшаяся, а скорее вдолбленная в мозг еще в детстве, давно стала почти инстинктом. Если есть возможность – не торопись, подумай, оцени обстановку. Потом времени на раздумье может и не оказаться. А за ошибки часто приходится расплачиваться. Кровью расплачиваться, и хорошо, если чужой. Во всяком случае, в ее профессии дело обстояло именно так. Ллойс была наемным стволом: личная охрана, устранение конкурентов, сопровождение и грабеж торговых караванов, доставка и перехват сообщений и грузов, защита должников и выбивание долгов – все это входило в весьма обширный спектр предоставляемых ею услуг. Кто-то по старой памяти называл ТАКИХ громилами и быками, кто-то – боевиками, кто-то – кондотьерами, или даже сипаями. Дикие гуси, солдаты удачи, псы войны – так или иначе конкуренция в цеху была достаточно велика, смертность тоже, и Элеум совершенно не улыбалось превратиться в гниющий на солнце скелет только потому, что она решила сэкономить пару минут. Выдохнув очередное, тут же развеянное ветром облачко шершавого, дерущего горло дыма, Ллойс слегка поморщилась: поганая привычка. Табачный запах любое зверье за пару километров чувствует. В темноте лучшей наводки для снайпера, чем огонёк тлеющей сигареты, не придумать. А если у противника еще и тепловизоры... Чёрт, но думать помогает.

Ленивец не солгал. Не то, чтобы она ожидала обмана или большой подставы от работодателя, согласившегося отдать больше половины платы авансом, но в глубине души наемница ожидала совсем другого. Думала, что хитрый и прижимистый старик преувеличивал. Слишком неправдоподобным было рассказанное старостой поселка. Слишком это было... сказочно. Зачем было строить огромный супермаркет посреди леса, вдалеке от перекрестков крупных дорог, в сотне километров от ближайшего, если верить довоенной карте, хоть скольконибудь крупного поселения? Почему его не разворовали в первые же месяцы Черных дней, когда подобные карты не успели стать редкостью, большинство техники было еще на ходу, патроны, буквально, валялись под ногами, а за каждый контейнер с консервами, коробку батареек или упаковку чистой воды могла разгореться нешуточная война? Почему Ленивец не направил сюда добытчиков из местных, а предпочел расстаться с почти половиной цинка девятки и аж двумястами граммами серебра? Благо, до поселка – не больше шестидесяти километров. Два дня в одну сторону, если не торопиться. Правда, надо обойти одно «горячее» пятно, а в лесу помимо расплодившихся и до неприличия обнаглевших в отсутствие человека оленей-мутантов обитало, как оказалось, и более опасное зверье, но, всё же, выгода выходила намного больше риска. Старик, правда, отговорился, мол – место глухое, никто о нем не знает, так пушай все там и лежит, пока в край не понадобится. Ллойс ему не поверила. В каком бы диком и заброшенном углу не было место нычки, добро всегда лучше держать поближе. Пока на него кто-то другой лапу не наложил. Но старый хитрец почему-то предпочел оставить всё как есть, и за хабаром отправить не пару деревенских, а профи. Ленивец не был дураком, чтобы просто так выкидывать патроны и серебро. Много серебра, кстати, подозрительно много. А еще целый отбор претендентов устроил. Благо, позволить себе мог. Радиоточка в поселке была не так чтобы мощная, но призыв услышали аж четверо. Первого старик отправил восвояси сразу:

детина увешанный броней и оружием, будто новогодняя елка шарами, на взгляд Ллойс был слишком наглым и жадным, сходу заломив слишком большую цену. Вторым, отсеянным старостой, оказался высоченный и тощий, как черенок от лопаты, рано поседевший мужик с холодными глазами и здоровенной снайперской винтовкой, представившийся Слепым Пью. Почему у снайпера кличка «Слепой», наемница так и не успела выяснить. Очередь дошла до нее. Цепкий взгляд старосты долго скакал с тяжелых, укрепленных на носках стальными накладками армейских ботинок до гребня ирокеза, елозил по истертому наполовину, прикрытому потрепанными, не единожды залатанными чапаррехас [1] брезенту штанов, по ремням портупей, увешанным подсумками. На мгновение остановился, прикидывая калибр вложенного в закрепленную на животе кобуру старого охотничьего карабина, превращенного в подобие «обреза». Переметнулся на последнего наемника, вооруженного исшарканной двустволкой, дергающегося и постоянно почесывающего предплечья паренька с едва пробившимся над губой пушком.

– Как звать-то, крашенная? – Брезгливо скривился глава поселка.

– Нежить, – задумчиво протянула в свою очередь наёмница, внимательно изучающая руки старосты. – Можешь Дохлой звать, если удобнее.

– Вечно у вас клички, будто не люди, а псы цепные, – огорченно покачал головой старик.

– А ты-то сам – человек, ведро с гайками? – Ощерила зубы в недоброй усмешке Ллойс.

Староста скептически хмыкнул, проследил взгляд наемницы, и, горько усмехнувшись, досадливо сплюнул под ноги.

– Если ты об этом, – он неопределенно махнул левой кистью после долгого молчания, заставив при этом ладонь несколько раз провернуться вокруг своей оси, – то у меня и ноги биомеханические, и сердце искусственное. И еще кое-что тоже. Показать? Или на слово поверишь? Ну, что за молодежь пошла? Уже обычных протезов боятся. Ты хоть читать-то умеешь, а Нежить?

– Меньше, чем за цинк девятки, не работаю, дедуля, – скривилась в ответ наемница.

Сигарета дотлела до фильтра. Встряхнувшись, Элеум развернулась и снова, осторожно приподняв голову, оглядела здание супермаркета. Огромная стоянка не давала лесу подойти к постройке, но многочисленные прошедшие после Черных лет бури щедро завалили растрескавшийся асфальт буреломом и палой листвой. Время доделало остальное. Остовы проржавевших насквозь машин напрочь блокировали вход на склад. Центральный портал был щедро завален сломанными стволами, поваленными столбами освещения и прочим мусором. В паре мест слегка просела крыша, но в остальном здание выглядело практически целым. Особенно, если сравнивать с жалкими остатками генераторной, среди обломков которой и устроила себе остановку Ллойс. Возможно, случился перегрев, и генератор просто взорвался, а может, супермаркет, всё же, пытались разграбить, но делали это не слишком аккуратно, и начали с того, что попытались таким оригинальным способом отключить электричество, чтобы разблокировать двери и разобраться с роботами охраны. Ллойс на мгновение замерла. Охранные дроны? А что, вполне себе уважительная причина, чтобы сюда не соваться... Да нет, если бы эти штуки работали – они давно бы разобрали завал. Так или иначе, от железобетонной будки остались только куски фундамента и пара оцетинившихся ржавой арматурой обломков. Кстати, почти не фoniaщих, что давало повод для надежды. Генератор был, скорее всего, не атомный, а значит, основные мощности наверняка находились внутри. Вполне возможно, старик был прав, и ядерные батареи оставались до сих пор подключенными, может, даже работали. Забавно. Перед самой войной человечество, практически, отказалось от концепции временных и одноразовых вещей, снова начало строить и делать на века. Было ли это предчувствием лихолетья? Массовое осознание близкого конца цивилизации?

В желудке наемницы заурчало. Чертов мирный атом, говорят, с него все и началось. Холодный ядерный синтез и роботы со способностью к обучению. Биомеханические протезы, ядерные батареи, что помещаются в кармане и могут освещать дом хоть сотню лет, выращен-

ные в колбах полусинтетические органы, операции по пересадке чего угодно куда угодно; первые радикальные генетические манипуляции и нанороботы-медики, способные за несколько часов собрать человека, буквально, по частям; клонированные, а не выращенные овощи и животные; безграничные возможности обмена информацией, переработка оставленных предками бесконечных гор мусора, автоматическое производство... Человечество действительно вошло в новую эру стало почти бессмертным и... ненужным. И тогда кто-то посчитал, что держать больше пятнадцати миллиардов потребителей, неожиданно ставших не более, чем досадной помехой, неоправданно затратно. И предпринял некоторые шаги по экстремному сокращению стада. Сейчас, спустя почти восемьдесят лет, уже сложно сказать, кто конкретно это начал и почему. Но, видимо, что-то пошло не совсем по плану. План проведения Судного дня – даже не смешно. Старики говорили, что уже в первый день ядерные удары сократили население земли до полутора миллиардов, может, чуть меньше. Крупные города сгорели в первые же дни, а эпоха всеобщей автоматизации не предполагает большого количества сельских жителей. Последующие радиоактивные осадки, страшные эпидемии, вызванные «утилизированным» биологическим и химическим оружием, изменениями климата, народившиеся, будто из ниоткуда многочисленные кровожадные твари-мутанты, серия почти непрерывных локальных войн за сохранившиеся ресурсы и относительно чистые территории, сократили популяцию хомо сапиенса еще раз в десять. Может, больше. Связь с другими континентами пропала, еще когда начали падать первые спутники. А лет пять назад, когда «Железный легион» – один из мощнейших образованных после войны конклавов фанатиков-механистов – в очередной попытке обозначить свое главенство в регионе принялся активно глушить любые коротковолновые передачи, со связью стало еще хуже. Так или иначе, сейчас, спустя, больше семи десятков лет после первых взрывов, кормовая база почти соответствовала потребностям населения. Почти. Желудок Ллойс снова взвыл, напоминая наемнице, что за последние два дня ему досталось только одна банка довоенных, а значит, просроченных минимум на добрых полвека овощных консервов и несколько раскрошенных галет. Староста не посчитал нужным кормить наемницу бесплатно, заломив за продукты и возможность ночлега такую цену, что Ллойс осталось только рассмеяться ему в лицо. Как впоследствии оказалось, пожадничала она совершенно напрасно. Вероятно, во всем был виноват сигаретный запах, а может, ей просто не повезло, но за два дня блужданий по лесу единственным ей встретившимся живым существом оказался тощий, облезлый, почти целиком покрытый язвами и отвратной на вид коростой медведь-мутант. Тварь, напавшая на нее из кустов, когда она набирала во флягу воду, мало того, что оказалась двухголовой, так еще и «светилась» настолько сильно, что Ллойс предпочла не подходить к ней ближе, чем на десяток шагов. О том, чтобы есть добытое мясо, даже речи не могло быть.

Вытащив из кобуры обрез, Ллойс выскользнула из своего укрытия и начала осторожно пробираться к супермаркету, стараясь держаться так, чтобы от здания ее прикрывали наваленные по всей стоянке кучи бурелома и остовы машин. То, что строение обитаемо, и без драки, скорее всего, не обойтись, она поняла давно. Осталось выяснить, кто облюбовал себе этот уютный уголок. Не люди, это точно. Любая банда, анклав, община или другое сообщество людей организовали бы намного более заметную оборону. Или наоборот сделали бы так, чтобы место со стороны казалось совершенно заброшенным. Зверье и мутанты отпадали сразу. Не стали бы звери так целенаправленно заваливать основные выходы. Оставались только условно разумные. Из-за ближайшей кучи бурелома раздался шорох. Ллойс крепче перехватила оружие и зло зашипела. Она терпеть не могла упырей.

Упырями, гулями, вурдалаками, зомби, а иногда просто гнилушками называли тех несчастных, кто видел войну собственными глазами. Тех, кто оказался достаточно умным и богатым, чтобы позволить себе постоянную «поддерживающую» нанокультуру, или, как последнее время все чаще говорили, бланк, наноботов-медиков, но недостаточно везучим,

чтобы не попасть под ядерный удар. Как нетрудно догадаться, главной задачей микроскопических, обитающих в крови и спинномозговой жидкости наноботов было сохранение жизни и здоровья вверенного им организма. Боты справлялись, как могли. Носитель колонии нанитов мог смело забыть обо всех проблемах с собственным здоровьем. Со старостью, кстати, тоже. Считалось, что минимальный срок жизни наколовшегося ботами человека, составлял триста-триста пятьдесят лет, пока не истечет гарантийный срок бланка. Три века вечной молодости. Слепые начинали видеть, парализованные – ходить, более того, счастливым были нипочем большинство болезней и ядов, ранения заживали в считанные часы, и даже с радиацией боты справлялись более, чем успешно. До определенного предела. Ударные дозы жесткого излучения не могла «переварить» ни одна, даже самая продвинутая колония микромедиков. Схватившие лишний десяток рад нанороботы становились источником вторичного излучения, сходили с ума, начинали бесконтрольно размножаться, в попытке сохранить жизнь носителя проникали почти в каждую клеточку тела, постепенно разрушали гематоэнцефалический барьер головного мозга, в конечном итоге почти полностью парализуя высшую нервную деятельность. Включался собственный иммунитет. Человеческое тело довольно забавно устроено: лишившись своей защиты, мозг неизбежно начинал отторгаться собственным организмом. Наноботы приступали к борьбе уже с этой напастью. Обычно справлялись, но как... Рождалась проблема: перед «исцеленным» организмом остро вставал вопрос добычи и переработки пищи, и колония микроскопических роботов, не больше вируса обыкновенного гриппа, начинала спешно менять тело под новые задачи. Ураганные мутации проходили в течении пары-тройки дней. На выходе из носителя получались упыри: вечно голодные, ведь, поддерживающие жизнь бланки требовали огромных затрат энергии, наполовину разумные, гниющие заживо, почти бессмертные чудовища. Твари год от года развивающиеся, становящиеся все сильнее и опасней. Хуже всего, что упыри были вирулентными. Упырь зараза, черная гниль, некрочума – болезнь входила в список главных страховок селян. Действительно, частенько достаточно было получить всего лишь пару царапин и счастливчик, сумевший вырваться из когтей твари, через пару недель сам начинал «обращаться». Его кожа покрывалась язвами, зубы заострялись, на руках и ногах вырастали шипы и когти.. В таком случае правильней всего было бы сразу, не дожидаясь конца трансформации, отрубить несчастному голову, а тело сжечь, но многие почему-то этого не делали, то ли надеясь на чудесное выздоровление, то ли прислушиваясь к расплодившимся в последнее время бродячим целителям, в большинстве своем обыкновенным мошенникам, которые предлагали лечить больного самыми невообразимыми способами. Начиная от «медшотов» – временных нанокультур, аптек первой помощи, и заканчивая отпаиванием пациента собачьей кровью или маканием его в настоящую на гнилой капусте коровью мочу. Как результат, зачастую отрядам «Хранителей» Железного легиона приходилось выжигать целые селения живых мертвецов.

Звук повторился. Ллойс положила палец на спусковой крючок. Выбрала слабину. Из-за завала вылез барсук. Нагло покачивая жирным задом, протопал в пяти шагах от замершей в настороженной позе наемницы и скрылся за кучей прелых листьев. Ллойс зло сплюнула. Тратить на скотину пулю – переполошить всю округу. Попробовать метнуть нож? Девушка искренне сомневалась, что сможет попасть в зверька достаточно точно, чтобы убить одним ударом. Отбросив навязчивые мысли о полосатой мягкой шкурке и сочащемся жиром, скворчащем над огнем мясе, наемница продолжила движение.

Вблизи дверь служебного входа выглядела устрашающе. Массивный, в равной мере покрытый вздувшейся краской и ржавчиной лист металла держался на не менее массивных петлях. Дверная коробка была, видимо, рассчитана на то, что дверь будут выбивать тараном. Венчал конструкцию портала здоровенный, несмотря на прошедшие десятилетия сверкающий хромом, висячий замок. Внимательно изучив дверь, Ллойс осуждающе покачала головой и усмехнулась. В метре от грандиозного входа лежали остатки огромного кондиционера. Проби-

тое в стене вентиляционное отверстие выглядело достаточно большим, чтобы в него мог спокойно пройти даже очень жирный барсук. Или протиснуться не слишком крупный человек.. Ллойс была не очень крупной.

Изо всех сил давя подступающий к горлу кашель – четыре метра вентиляционной трубы, что ей пришлось проползти, извиваясь будто червяк, оказались щедро забитыми паутиной и пылью – наемница, ловко перекувыркнувшись, приземлилась на покрытый грязью пол. Ботинки с глухим стуком ударили в кафель. Элеум гордилась своим умением двигаться бесшумно. Девушка довольно оскалилась. Именно способность пересекать незначительные пространства, не привлекая внимания и не издавая лишних звуков, она, будь ее воля, назвала бы главным среди навыков ее профессии. Но нанимателей почему-то всегда больше интересовало ее умение делать больно. Осторожно вытерев с лица грязь, Элеум с неодобрением взглянула на облепленные клочьями паутины чапаррехас, и осматриваясь по сторонам, принялась осторожно стряхивать с баллистической ткани особенно настырных пауков. Энтомология в список талантов наемницы не входила, а подцепить какую-нибудь дрянь от судорожно дергающихся, каких-то неправильных, слишком ярких для приличных насекомых [2], несимметричных, противных даже на вид букашек, не хотелось совершенно. Комната оказалась большой и захлавленной. Кухня, вернее то, что от нее осталось. В этой части супермаркета, наверняка, был ресторан или еще что-то подобное. Видимые в полумраке чудесным образом работающего аварийного освещения, покрытые ржавчиной электроплиты, смятые и почерневшие от времени сковороды и кастрюли, несколько разбросанных по столам и полу ложек и вилок, огромные покрытые подозрительными потеками разделочные доски, запах перегретого масла, паленого волоса и прогорклого жира... Глаза наемницы расширились.

– Вот дерьмо.

С шипением втянув воздух, Ллойс медленно положила палец на спусковой крючок обреза и сделала небольшой шаг назад. Элеум умела ходить бесшумно. Не один десяток раз она подкрадывалась к неприятелю, незаметно обходила засады, сбегала прямо из-под носа охотников до ее шкуры. Кое-кто даже в шутку называл ее тихой смертью. Вот и сейчас все движения девушки были четкими и выверенными. То, что под пятку подвернулась металлическая ложка, было чистой случайностью. Потеряв равновесие, наемница, размахивая руками, повалилась назад. Прямо на заставленный кастрюлями стол. Грохнул выстрел, с потолка посыпалась штукатурка. Ушам стало больно, и Ллойс почти не услышала звона покотившихся по полу кастрюль.

– Тут прятаться есть? Выходи!

Голос, прозвучавший из темноты коридора, мог бы принадлежать человеку. Мог бы, если до этого его «слегка» модифицировать. Возьмем обычного гомо сапиенса. Увеличим рост немного, раза эдак в полтора. Нарастим костно-мышечной ткани, «разгоним» периферическую нервную систему, увеличивая и без того немалые силовые показатели, поработаем с кожей, превратив ее в естественный бронезилет, способный выдержать даже винтовочную пулю, поиграем с метаболизмом, предоставив почти полный иммунитет к большинству боевых вирусов и ядам. Поработаем с митохондриальной группой, заставив клетки организма постоянно вырабатывать ионы водорода, тем самым поднимая устойчивость к радиации. Что – для мозгов места не осталось? Не страшно, солдат не должен быть слишком умным. Генная модификация необратима? Так это даже хорошо, не хватало, чтобы противник какую-нибудь дрянь прямо на поле боя распылил. Склонность к жестокости? Отторжение мутагенной сыворотки по гендерному признаку? Вспышки ярости? Канибализм? Солдат и должен быть злым. И жрать все подряд. А что бабы от этой дряни не меняются, но дохнут – даже лучше. Второго поколения этих уродов нам только не хватало. Как это возможно? Гипертрофированное либидо и парафилии? Неконтролируемые мутации? Сохранение возможности скрещивания с базовым видом? Абсолютная доминантность модифицированных генов? Недопустимость применения

на практике? Закрыть проект? Медицинская этика? Что-то вы яйцеголовые слишком правильные стали. Про совесть вспомнили, этику. Для вас тоже пара слов есть. Вернее, даже одно: война. А ну, выполняй приказ, крысы тыловые, пока не расстреляли!

Серокожие были солдатами. Вернее, последним поколением солдат, созданных, когда первые бомбы уже падали на города. Супероружием, резервом, генетически модифицированными бойцами. Старики говорили, что поначалу в Черные годы их было немного. Одна лаборатория всего-то их делала. Сначала только добровольцев «модифицировали», а потом... Кто присягу давал – уже не человек, инструмент, а там... война все спишет.. Но Черные дни закончились, пыль ядерных взрывов осела, Землю сначала сковала, а потом нехотя отпустила мертвая стужа казавшейся бесконечной ядерной зимы, уступив не менее бесконечному зною ядерного лета, и тут неожиданно выяснилось, что серокожие оказались намного более приспособленными к новым реалиям. Искушая недостаток изобретательности силой, и почти полной неуязвимостью, они составляли великолепную конкуренцию некогда чуть не уничтожившему себя виду. словно вырвавшиеся из страшных сказок про людоедов серокожие великаны вырезали целые селения, захватывали торговые обозы, крали детей и женщин. И безудержно плодились, медленно, но неуклонно занимая все новые и новые территории. Их экспансия была приостановлена только лет шесть назад, когда «Железный легион» раскопал информацию, что прямо под одним из поселений мутантов находится довоенный резервный склад боеприпасов. Несмотря на то, что уровень интеллекта большинства мутантов был на уровне четырех-пятiletних детей, кто-то другой, может быть, и постарался бы договориться. Разделить неожиданно найденные сокровища, поторговаться, тем более, прецеденты были, но столпы веры Железного легиона строилась на полном уничтожении «нечистых». И неважно, послужил ли причиной мутации генный материал родителей, получивший серьезную дозу жесткого облучения и химикатов, или вызвана она искусственным вмешательством в ту основу, что делает людей людьми. Боевые столкновения принесли множество сюрпризов для обеих сторон. Выяснилось, что даже сверхсильный, способный в одиночку перевернуть грузовик четырехсоткилограммовый мутант мало чего стоит в рукопашной с человеком в полутонном моторизованном экзоскелете. Также неожиданно оказалось, что серокожие вполне способны использовать трофейные крупнокалиберные пулеметы, как ручное оружие. Черепа серокожих лопались в стальных манипуляторах, металлокерамическая броня боевых машин крошилась, не выдерживая ураганного огня сжимаемых могучими лапами станковых пулеметов и зенитных орудий. Рвались бомбы, горел напалм и, хотя, своего производства боеприпасов у людоедов не было, «Железный легион» понес огромные потери, прежде чем выдавил великанов с их территории. Гиганты оказались очень злопамятны. Легионеры, впрочем, мало им уступали. Кончилось тем, что Верховный Совет фанатиков объявил генным солдатам анафему, что на языке механистов значило полное истребление серокожих как вида. Истребления конечно не получилось, но какой-то паритет сил в регионе удалось установить.

Вскочив на ноги, Ллойс передернула затвор и, машинально подхватив вылетевшую из экстрактора гильзу, спряталась за разделочным столом. Темнота в конце длинного, лишнего освещения коридора дрогнула, сгустилась, и в кухню с трудом протиснулась огромная, замотанная в какие-то тряпки, туша. Плоское, покрытое оспинами, чем-то напоминающее старую помятую сковородку, отливающее в полумраке металлом лицо расплылось в обманчиво широкой улыбке.

– Выходи. Моя не убивать. Самка – чую. Моя с твоя делать сыновей. Не жрать твоя, пока делать сыновей. – Мутант на минуту задумался. – Если не сильно голодный. Тогда твоя руки жрать. Ноги жрать. А потом ты – делать сыновей.

– А ты мне тоже нравишься, чушка чумазая, – глухо рассмеялась скорчившаяся в укрытии наемница. В смехе девушки отчетливо проскочили истерические нотки. – Разговорчивый ты парень. Очень умный, наверное?

– Моя умный, да. Самый умный в племя. Да. – Гордо кивнул великан. – Моя не чушка. Моя – Клык. Выходи. Я не злой. Совсем не злой. Баба слушаться – моя не ломать. Грым злой. Грым тебя сразу в куски рвать. Любит, когда много кровь и баба кричать. Твоя хочешь моя Грым звать?

– Слышь, Клык, может, договоримся, – осторожно, стараясь не издавать шума, Ллойс принялась обходить разделочный стол. Переступать на корточках было неудобно – гребень ирокеза так и норовил выглянуть из-за засыпанной мусором столешницы, в нос опять набилась пыль, и Элеум отчаянно захотелось чихать, так что дело продвигалось медленно. – Я тебе оружие подарю, патроны, а ты меня отпустишь, ну как?

Великан на некоторое время глубоко задумался, а потом отрицательно покачал головой.

– Бум палка? Человек слабый. Бум палка плохой. Маленький. Воин стыдно, когда бум палка маленький. Клык у твоя, все равно, заберет. Будет менять. Кулак отдаст мне смешной человек наверху. Человек глупый, говорит – железный, а сам мягкий. Много кричит. Весело моя.

– Что за смешной человек? – Осторожно переступив через лежащую на пути огромную поварешку, Ллойс, отбросив далеко в сторону зазвеневшую по полу гильзу, кувыркотом нырнула за следующий стол. Трюк не удался. Голова серокожего дернулась. Маленькие, почти скрытые под мощными надбровными дугами глазки безошибочно устали на скорчившуюся за стойкой наемницу. На большом лице мутанта расплылось выражение обиды и злости.

– Плохой волос. Некрасивый. – Проскрипел великан. – Больной баба. Неправильный. Будет плохая сыновья. Моя твоя Грым и Большой кулак отдать. Моя умный. Менять твоя на смешной человек и бум палка. Хороший бум палка, большой, а человек мягкий. Будет вместо баба. Только плохой волос у твоя сначала оторвать.

– Много теряешь, Клык. – Поняв, что обнаружена, девушка, глубоко вздохнув, встала из-за стола и принялась демонстративно прочищать ноздри. Громко чихнула. Брезгливо осмотрела измазанную соплями руку и вытерла ее о изгаданную штанину чапаррекас. – Может, всё же, договоримся? У меня еще еда есть. Тут недалеко, в лесу лежит. Много еды – тебе одному, ладно? Любишь медвежатину?

– Красивый баба. – Покивал каким-то своим мыслям мутант. – Большой, сильный, морда чистый. Надо только плохой волос рвать – тогда совсем красивый будет. Сначала себе оставить, потом менять. Если сильно не поломать, на бум палка, всё равно, обменять. – Озвучив свой необычайно коварный по отношению к товарищам план, серокожий широко улыбнулся. – Сюда ходи, баба. Бум палку отдай. – Протянув руку, гигант сделал сотрясающий землю шаг по направлению к девушке.

От звука выстрела снова заложило уши. Оружие Ллойс было неудобным. Слишком тяжелым для пистолета. Слишком коротким и неточным для полноценной винтовки. Требовало перезарядки после каждого выстрела, лягалось с такой силой, что запястье потом ныло несколько часов. Слепило дульной вспышкой. Да и патроны последнее время достать было большой проблемой. На взгляд Элеум, оно того стоило. Лицо серокожего раскололось, на стену брызнуло красным. Покачнувшись, туша мутанта с грохотом обрушилась на пол. Какая бы толстая ни была у тебя шкура, какими бы крепкими ни были кости черепа, вряд ли они выдержат бронебойный патрон пятидесятого калибра[3] с десяти шагов. Даже если из-за слишком короткого ствола теряет больше половины мощности. На ходу передергивая затвор, наемница, перепрыгнув через падающий труп великана, бросилась в коридор. Скрываться смысла уже не было. Девушка понимала, что вляпалась. Причем вляпалась по собственной дури. Старый урод, не моргнув глазом, отправил ее в гнездо серокожих. Скорее всего, просто, чтобы отвлечь их на пару дней. Выбрал женщину, чтобы наверняка сработало. А следом отправил группу из местных, или еще одного наемника. Чтобы те, пока мутанты заняты с новой игрушкой, аккуратно пролезли в подвал. Или...

– Черт, черт, черт, терт... – Ленивцу не маркет был нужен, а генераторная. Если верить закрепленному на запястье наемницы счетчику Гейгера, там почти не фонило. И кто-то взорвал будку. Здоровенную железобетонную будку со стенами в полметра, там, где хватило бы простого железного сарая. Освещение в супермаркете работает аварийное. Значит, наверху были только трансформатор и распределители, а генератор и ядерные батареи... Пару часов работы лопатой... Люк, наверняка, сделан так, что и сейчас откроется. Ллойс неслась по коридору огромными скачками. Ботинки глухо лязгали по кафелю пола, справа и слева мелькали темные провалы входов в подсобки и кладовые. Все потом. Отступить поздно, даже если она проползет обратно через вентиляцию, серокожие запросто нагонят ее в лесу. А нюх у мутантов – не хуже собачьего. Значит, остается только драться.

– Дерьмо, дерьмо, дерьмо, – повторяя ругательства, словно желтый монах[4] свою мантру, Ллойс выскочила в освещенный тусклыми лампами холл. Ей просто повезло. Серокожие наверняка почуяли ее, когда она еще ползла через вентиляцию. Просто, не ожидали серьезного сопротивления от одного человека. Или им просто было скучно. Потому к ней отправили только «переговорщика» – самого глупого и слабого из стаи. Но даже в таком случае пара одиночных выстрелов – не причина для беспокойства. И уж точно, не повод прерывать трапезу. У костра, разведенного прямо на плитах пола, сидело трое. Один, судя по огромной гипертрофированной правой руке – Большой кулак, грыз кость. Второй, оставшийся безымянным, держал над огнем насаженную на арматурный прут голову. Человеческую. Слишком сильно обгоревшую, чтобы Ллойс смогла сказать, принадлежала она мужчине или женщине, да и не важно это сейчас было. Последний, судя по сжимаемому в руках оружию – Грым, видимо, был самым умным. Или осторожным. «Бум палка» – архаичный L11a1[5] в лапищах мутанта мог бы показаться чем-то незначительным. Мог бы, если бы дуло пулемета не смотрело прямо на девушку. Гигант оскалился. Не останавливая бег, Ллойс сорвала с пояса ингалятор, сунула в рот искусанный носик и вдавила кнопку. Грым опоздал всего на долю мгновенья. К тому моменту, когда тяжелый пулемет отпрыгнул в сторону наемницы сноп смерти, ледяной туман, моментально заполнивший ее легкие, уже скрутился стальной пружиной внизу живота, заполнил вены огнем и залил голову кристально прозрачным слюдяным маревом. Боевой стимулятор «Хронос» был вещью редкой, дорогой и очень, очень опасной. Наверное, поэтому и не нашел широкого признания ни до, ни после войны. Не говоря о зависимости, которая в девяносто процентах случаев развивалась уже после первого применения, «Хронос» имел целый ряд побочных эффектов, среди которых были приступы эпилепсии, временная слепота и глухота, клонические судороги и многие другие «приятные» проявления. В пяти процентах случаев прием клоктоппера[6] вызывал моментальную остановку сердца. Пережить «ломку» смельчаку удавалось в двадцати пяти случаях из тридцати.

Ллойс расхохоталась. Ей неизвестно было: побочный это эффект действия боевого наркотика или психологическая защитная реакция, но каждая доза вызывала приступ, как выражался один из знакомых врачей наемницы, «патологически повышенного настроения». Время сгустилось, стало вязким, словно переваренный кисель, воздух плотно обнял тело, а мир застыл, будто муха в сиропе. В голове привычно затикал таймер. Десять секунд в мирной жизни – исчезающая малая величина. В бою – очень и очень много.

– Это невежливо, мальчики. Так грубо встречать даму. – Хохотнула наемница, плавным движением уходя от веера пуль. – А может быть, мы бы друг другу понравились? – Скользнув к почти успевшему встать, но застывшему на середине движения в раскоряченной позе безымянному, Элеум, крикнув от натуги, толкнула его в сторону сверкающей россыпи, ползущей среди замерших в воздухе пылинок, оставляющей за собой завораживающе красивые, медленно истаявающие огненные нити трассеров. – Нашли бы общий язык, – крутанувшись на одной ноге, наемница совершила длинный прыжок и, вдавив варварски обрезанный ствол карабина в глаз, так и не бросившему кость Кулаку, выбрала спуск. – Подружились. – Оставив оку-

тавшееся облаком раскаленных пороховых газов оружие висеть в воздухе, прыгнула к последнему мутанту, все еще продолжавшему заливать холл свинцом. – Может, у меня к вам дело? – Выхватив из ножен на предплечье боевой нож, Ллойс, с трудом подавив почти инстинктивное желание чиркнуть ножом по запястьям гиганта, нанесла четыре выверенных удара. Почка, селезенка, сердце, горло. Будь ты хоть трижды генетически модифицирован, такого тебе не пережить. Нож был хорош. Рубило, вручную выкованное в Сломанных холмах полудикими кочевниками из настоящей оружейной стали, несмотря на неказистый вид, было шедевром послевоенной металлургии. Способный с одинаковой легкостью разрубить как ребра противника, так и арматурный прут, трехгранный клинок практически не тупился, не застревал в ранах, стойко выдерживал не всегда бережное отношение и не раз выручал Ллойс в самых разнообразных переделках. Кончик ножа обломился на втором ударе. Третий – выбил из лезвия еще несколько мелких осколков. В рукоятке что-то неприятно хрустнуло. Четвертый, вместо того чтобы распороть горло до кости, оставил на коже лишь неглубокую царапину. – Может, у нас бы торг получился? Я рассказала бы вам, где взять патроны для вашей «бум палки» и серебро, а вы мне в обмен – голову одного грязного, лживого старика? – Зарывав от разочарования, Ллойс по рукоятке вогнала обломанный клинок в глазницу Грыма. Провернула по часовой стрелке, потом против. Отступила на шаг от медленно оплывающего на пол монстра, и, захрипев от усилий, мощным пинком загнала рукоятку ножа в череп. Громко расхохоталась и только после этого потеряла сознание.

– Эй! – Пинком по ребрам вышел весьма чувствительный. – Эй!.. – С трудом разлепив глаза, Ллойс уставилась на маячивший перед ее лицом ствол. Самое обидное, что это был ствол ее собственного карабина. Держащие оружие руки ощутимо дрожали. Наемница застонала. Не то, чтобы она хотела, чтобы направленное в нее оружие держал профессиональный убийца, но ситуация была немного... унижительной, что ли. Парню, наверняка, было лет пятнадцать, не больше. Вон, только пух над губой начал пробиваться. Единственное, что настораживало – это одежда подростка... Что-то с этими тряпками было неправильно. Что-то.. В голове задребезжали предупреждающие об опасности колокольчики, но почти успевшая оформиться мысль ускользнула от Ллойс, скрывшись в багровом тумане боли и слабости. Пол больно впиивался обломками мусора в поясницу и раскачивался, словно палуба корабля. Элеум ненавидела корабли... К горлу подкатила тошнота... И стоит этот щегол как-то неправильно... Начавшая снова было погружаться в бессознательное состояние девушка была выдернута из блаженного безразличия следующим пинком.

– Эй! Руки вверх, мутантка! И два шага назад! – Тонким, ломающимся голосом взвизгнул мальчишка.

«Еще и писклявый.» – Вздохнула про себя наемница. Думать было невыразимо тяжело. Но Элеум не тешила себя ложными надеждами. Скоро станет хуже. Намного хуже.

– Парень, я на полу лежу. Назад шагать при всем желании не получится. Может, это ты немного отойдешь? – Собравшись с силами, проворчала она. Несмотря на то, что лицо ощущалось фарфоровой маской, а язык распух так, что с трудом помещался во рту, фраза получилась почти внятной, и это радовало. По крайней мере, временный паралич ей не грозит. Может, этот надоеда оставит ее в покое?

– Молчать, мутантка!! Руки вверх, я сказал! И лицом в пол перевернись! – Срывающимся голосом крикнул мальчишка и снова, как ему наверняка казалось убедительным, грозно встряхнул обрезом. – Медленно! Я не хочу проблем!

Не оставит. Тяжело вздохнув, девушка попыталась собраться с мыслями. В пацане было что-то неправильное, только вот что?

– Парень, ну пол, ведь, грязный. Гильзы стреляные, кровь... Я не хочу лицом. К тому же, ты пялиться будешь. Давай, я просто полежу, пол часика, а ты пока тут приберешься, что ли...

Ллойс попыталась «прокачать» ситуацию. Дело шло медленно. Даже самые простые и яркие мысли проваливались и терялись в застилающей глаза черно-красной дымке.

– Я тебе не парень! Я – господин скриптор «Железного легиона» Райк, – взвизгнул мальчишка, окончательно срываясь на фальцет от возмущения.

В голове наемницы щелкнуло. Дура, какая же она дура. На парнишке, действительно, была форма легионеров. Скриптор. Писец. Ученый. А стоит он так криво потому, что нога у него сломана. И опирается он на выдранную откуда-то доску. Так себе костыль.

Лицо девушки невольно растянулось в хищной улыбке. Вот ведь везенье. Скриптор. Яйцеголовый, мозголом, а не «хранитель» и не «каратель». Хотя... те бы сразу ей горло перерезали. Или пулю в лоб пустили. Так, на всякий случай.

– А... Так точно, господин скриптор... Слава «Железному легиону»! – Во всю силу легких гаркнула Элеум.

Сработало! Мальчишка дернулся, попытался распрямиться. Исполнять свои дурацкие воинские приседания и поклоны новобранцев учили на совесть. Ствол карабина качнулся в сторону. Совсем немного, и ненадолго, но Ллойс было достаточно и этого. Тяжелая ребристая подошва ботинка наемницы впечаталась мальчишке в пах.

– А-А-А!!! – Заорав, парень выпустил из рук оружие и всхлипнув, скорчился на полу. Ллойс довольно оскалилась, собрав последние силы, с кряхтением перевернулась на живот, встала на четвереньки и, подобрав карабин, оттянула затвор. По полу покатила пустая гильза.

– Перезаряжать надо, «Господин скриптор», – прохрипела наемница, постанывая и чертыхаясь при каждом движении, проползла разделяющее их с мальчишкой расстояние. Навалилась сверху, придавила к полу дернувшиеся было к ее шее руки, хлестнув по пути локтем по затылку, а ребром ладони – по примотанной к палке ноге. Остатки сил ушли на то, чтобы перевернуть задохнувшегося от боли, но отчаянно сопротивляющегося подростка, на спину и усесться на него верхом. Ллойс надеялась, что этого будет достаточно. Мир опять начал кружиться, покрытый слоем мусора кафель пола стал стремительно превращаться в сдувающийся водяной матрас, и девушка искренне сомневалась, что ее хватит на второй раунд. Умирать не хотелось. Принимать смерть от рук щенка-фанатика, тем более.

– А-А-А! Уйди! Мутантка!! Я не хочу!! Отстань!! Пусти!! – Заголосил паренек пуще прежнего.

Некоторое время Ллойс рассматривала раскрасневшееся от боли и усилий, покрытое испариной лицо «господина скриптора».

– Я тоже не хочу, – проворчала она, наконец. – А надо. Аптечка, еда. Энергетические батончики. Ваш чудо-напиток? – Не дожидаясь ответа, наемница зашарила по разгрузке парня.

– А-А-А!! – Выгнувшись, скриптор попытался встать на мостик и скинуть с себя девушку. Ллойс мысленно хмыкнула. Физическая подготовка у парня явно хромала. Сейчас с ней и младенец бы справился. Да и не похож пацан на боевика. Даже для умника слишком хилый. Летописец? Из тех чудаков, что на базе с бумажками сидят? Слишком молод, но мало ли что в жизни бывает. Тогда где остальные? Летописцы без охраны не ходят. Взгляд наемницы задержался на лежащей поодаль обугленной голове. Это уже многое объясняло.

– Будешь орать – придушу. – Посчитала нужным пояснить Ллойс и, нашарив, наконец-то, искомое, вытащила из разгрузки увесистый пенал войскового медицинского пакета. Аптечка оказалась почти пуста. «Травматических» не было вообще. Отсек для противошоковых был наполовину пуст. Отделение средств, способствующих выведению боевых токсинов, будто кто-то вылизал. Даже от «умного бинта» осталось меньше половины. В углу под распотрошенным контейнером с перевязочными материалами сиротливо лежала ампула аддиктола[7]. Рассудив, что хуже не будет, Ллойс зарядила оставшиеся ампулы в инъектор и трижды нажала на спуск, после чего отбросила опустевшую аптечку в сторону.

– Ты чего.. Это же... – Шокированный увиденным, скриптор даже прекратил дергаться.

– Жратва и тоник. – Наемница лениво ткнула стволом в лоб парня. – Живо дал!

– В левом кармане, – пробормотал мальчишка. – Это моя последняя еда.

– Вкуф-фно. – Пробормотала запихнувшая в рот энергетический батончик Ллойс. – И тоник хороший. Витамины, стимуляторы, питательные вещества, оздоравливающие наноботы. Все по науке. Мертвого поднимут. Жаль, что одноразовые. Вам, психам, наверняка понравилось бы в шкуре упырей. – В голове наемницы прояснилось. То ли действовал аддиктол, то ли противошоковые. А может, нанороботы действительно решили ударными темпами восстанавливать все, что смогут в течение недолгого часа своей жизни, так или иначе, голова престала кружиться, а слабость медленно отступала. Расплывшись в блаженной улыбке, Элеум выгребла из карманов разгрузки скриптора остальные батончики, шустро распахала их по собственным поясным сумкам, убрала карабин в кобуру и потащила из укрепленного на запястье фиксатора небольшой выкидной нож. Глухо щелкнуло матово сверкнувшее в тусклом свете аварийных ламп лезвие. Не обращая внимания на снова попытавшегося ее сбросить легионера, Ллойс довольно долго разглядывала парня. После чего, видимо, приняв какое-то решение, чертыхнувшись себе под нос, подцепила лезвием крышку висящего на груди скриптора небольшого футляра и сыпала его содержимое себе в карман, еще раз наскоро обшарила подростка в поисках спрятанного оружия и только тогда позволила себе встать. Голова слегка закружилась, но девушка была почти счастлива. Ее шансы на выживание резко возросли.

– Сука, – прохрипел не спешащий подняться на ноги скриптор. На глазах подростка выступили слезы. – Сука, я ведь без лекарств и еды загнусь.

– Ага. Точно загнешься. – Кивнула наемница. – Ты, ведь, ни охотится, ни выживать не умеешь. Поэтому тебе надо к людям. Ты, конечно, совсем без серебра остался, но Легионера в любом поселке примут, сам знаешь... С распростертыми объятьями... До ближайшего, кстати, всего-то километров шестьдесят.

– Сука, – устало повторил подросток.

– Да я и не отрицаю. – Пожала плечами Ллойс. – Только у нас проблема. Сюда идут злые дяди, а может и тети. Я знаю, что сама не подарок, но они, уж поверь, намного хуже. Думаю, уже к вечеру будут здесь. И им выгодно, чтобы все было шито-крыто. У них здесь склад ядерных батареек. От ваших прятали. Понимаешь? Бах! – Направив указательный палец в сторону шмыгающего носом подростка, девушка изобразила выстрел. – И нет скриптора, а тело спрячут. Мутанты, мол, съели. Еще хуже, что примерно через час обезболивающие, твой замечательный тоник, аддиктол и остальная дрянь перестанут действовать, и у меня начнется жесткий отходняк. Про «Хронос» слышал? Наверняка, слышал... Ты, вроде, умный мальчик. По лицу видно. Вон как хитро сопли по роже размазал. Дурак бы так не смог. Умный, но тяжелый. А я почти два дня не ела и без жратвы я просто тебя не унесу.

– К-куда? – Ошарашено выпучил глаза скриптор.

– Подальше отсюда. Пересидим в лесу, подождем, пока я переломаюсь, а потом в поселок, – медленно, почти по слогам, словно разговаривала с умалишенным, пояснила Ллойс, убирая нож наемница. – Шестьдесят километров. Не так, чтоб далеко. За пару-тройку дней справимся. Если совсем край будет, тогда дней пять. Там и больничка, и еда, и кабак. Покупаем, помоемся, сопельки тебе вытрем, девочку симпатичную найдем. Кстати, радио там тоже есть. Так что подмогу позвать – не проблема. А еще мне их староста должен. Сильно. – Рот девушки изогнулся в улыбке. Скриптор зябко поежился. Улыбка у наемницы вышла на редкость многообещающей. И паскудной.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 – Кожаные гетры, гамаша, рабочая одежда, которая надевается поверх обычных штанов, чтобы защитить ноги во время езды или ходьбы по зарослям колючих кустарников.

2 – Мы, конечно, знаем, что насекомые и паукообразные выделены в два различных класса, которые относятся к одному типу животных – членистоногих. У них есть некоторые сходства в строении, но отличий намного больше. Но мы учились в школе, а Ллойс нет. Такие дела.

3 – НАТО, .50 BMG – крупнокалиберный патрон армий НАТО. Он был создан в 1920-х годах в качестве боеприпаса для крупнокалиберного пулемёта Browning M1921, объективно рассчитанный не столько на поражение живой силы противника, сколько на выведение из строя небронированной и легкобронированной техники.

4 – Желтые монахи – недавно появившаяся в пустошах секта странствующих воинов-священников. Одеваются в ярко желтые хламиды, отчего и получили такое прозвище. Основная доктрина их веры: радиация убивает лишь тех, кто ее не любит, а поэтому – возлюби Атом. По слухам имеют обитель где-то на востоке, прямо посреди кратера, оставшегося от разрыва огромной ядерной бомбы. Обладают удивительной устойчивостью к излучению и отменными боевыми навыками. По заверениям Ллойс – забавные ребята, в целом безвредны, если не связываться, но умеют «вынести мозг» так, что сам не поймешь, как отдал им все свои деньги.

5 – L11A1 – это модернизированная версия легендарного пулемета «Браунинг М2» (Browning M2 1932 г.). Многие оружейные специалисты считают этот пулемет лучшим в мире среди тяжелых пулеметов. Масса тела пулемета от 35 до 38 кг, скорострельность 450-650 выстрелов в минуту в зависимости от модели и года выпуска.

6 – Одно из устоявшихся просторечных названий биоты, ускоряющей реакцию боевых стимуляторов.

7 – Нанокультура, позволяющая выводить из организма большинство органических и неорганических токсинов и ядов. Используется при отравлениях, а также, чтобы снять «ломку».

Глава 2

Небольшой костерок, слегка потрескивал, весело поедая палую листву и тоненькие, смолистые веточки. Плавающие в слое вытопленного жира кусочки мяса и корней лопуха, весело скворчали и источали аппетитный запах.

– Я это есть, не буду. – Обиженно оттопырив губу, Райк сглотнул слюну, бросил голодный взгляд на поставленный на угли и теперь служащий то ли сковородкой то ли котелком, зачем-то подобранный наемницей на стоянке супермаркета колпак от автомобильного колеса, и, упрямо скрестив на груди руки, отвернулся.

– Почему? – Удивилась Ллойс, помешивающая варево ложкой-вилкой извлеченного из-за высокого голенища ботинка мультитула. Видимо, удовлетворившись результатом, девушка провела ладонью по вызывающе торчащему гребню ирокеза, с видимым удовольствием обли-зала ложку и, откинувшись назад, оперлась спиной на слегка сырой склон небольшого лесного оврага, служащего прибежищем их небольшому отряду. – Почти готово, – пояснила она. – Сейчас пожрем и дальше двинемся.

– Я. Это. Есть. Не буду. – Нахмурившись, и выделяя интонацией каждое слово, упрямо повторил подросток. – У этой мерзости нога из шеи росла и две пасти было. Кодекс запрещает употребление в пищу мутантов и неклассифицированных растений.

– Да я и не настаиваю. Мне больше достанется. – Пожав плечами, Элеум выщелкнула из пачки сигарету и, прикурив от извлеченной из костерка веточки, с блаженным видом выдохнула небольшое облачко горько пахнущего дыма. – Тем более, мне кажется, что нам пора серьезно поговорить.

– Кодекс запрещает загрязнять тело легионера бесполезными токсинами, а дым демаскирует позиции. – Настороженно глядя на дымящийся кончик сигареты, заявил продолжающий хмуриться скриптор.

– Старшие курить не давали? Ну и я не дам. – Ллойс с видимым удовольствием сделала глубокую затяжку, стряхнула пепел под ноги, достала из кобуры обрез, придирчиво осмотрела, зачем-то потеряла ствол о штанину, после чего вернула оружие на законное место. – Не бойся, не увидят они нас. Уже часа два, как разминулись. Наверняка, эти ребята сейчас к супермаркету подходят. Пока тайник раскопают, пока поймут что что-то не так... Криков моих предсмертных, например, не слышно... – Щелчком отправив окурок в костер, наемница перевела задумчивый взгляд на подростка. – А теперь ты перестанешь пытаться увести разговор в сторону и расскажешь мне, кто ты, мать его, такой и почему здесь оказался.

По большому счету, Ллойс даже не рассчитывала на ответ. В голове у мальчишки явно творился совершенный кавардак. Да и чего ждать от фанатика, росшего, похоже, в совершенно тепличных условиях, и мозги которого, наверняка, методично промывали с самого детства. Скриптор боялся почти всего. Боялся леса. Перепугался вышедшего к ручью, где она набирала во флягу воду, двухголового оленя. Шарахался от каждого ее движения, чуть не падая в обморок от мыслей о том, что с ним будет делать страшная «мутантка», больше половины дня тащившая его на плечах. Почти до мокрых штанов испугался, всё же, накрывшего ее несколько часов назад приступа. Со священным трепетом смотрел, как она, нарушая боевые наставления и заветы кодекса железячников, вкалывает себе остатки найденных в аптечке препаратов. И почему-то практически не проникся видом недавно прошедшей не далее, как в паре сотен метров от них, группы из полутора десятков крепких вооруженных мужчин, видимо, считая, что наемнице, сумевшей отправить на тот свет четверых серокожих, ничем и целая армия. Может, всё же, стоит его припугнуть? Пугать не хотелось. Хотелось есть и спать. А еще, глупо, но этот мальчишка ей нравился. Парнишка почему-то вызывал доверие. А еще оказался довольно симпатичным. Элеум мысленно вздохнула, отгоняя от себя непрошенные

мысли. Слишком долго одна, просто, слишком долго она мотается по этим лесам, где даже поговорить не с кем.

– Кодекс запрещает рассказывать детали операции гражданским. – Прервавший неторопливые размышления наемницы, скриптор громко шмыгнул носом, бросил очередной голодный взгляд на мерно булькающее на огне месиво и упрямо выпятил челюсть. – Ты спасла меня, и я это ценю. «Железный легион» может быть благодарным. Но не надо испытывать мое терпение. Тебе повезло, мутантка, что я вообще...

– Твое терпение? Ну и откуда ты такой взялся, а? – Устало закатила глаза Ллойс. – Либо ты тупой, либо очень хитрый, либо, просто, донельзя наивный. Ты, ведь, даже не рассматриваешь ситуацию, что я буду тебя пытаться, так? – Неуловимым движением нагнувшись вперед, девушка покачала перед носом подростка зажатый в кулаке мультитулом. – Видал аргумент? Будешь выкаблучиваться – в задницу ткну. Четыре дырки за раз – это больно.

– Железный легион... – Несколько секунд подросток заворожено разглядывал нанесенные на фаланги пальцев наемницы наколки, а потом, слегка побледнев, попытался отодвинуться подальше от девушки, но уперся спиной в противоположный склон оврага. Сморщился от боли. Наверняка, сумасшедший бег с препятствиями и запутыванием следов утомил его не меньше, чем Элеум, но в целом мальчишка держался неплохо. Лучше, чем можно было ожидать.

– Не прощает, знаю. – С серьезным видом кивнула Элеум, отодвинувшись от скриптора, и подхватив несколько лежащих под ногами листьев лопуха, используя их как прихватки, сняла с костра «котелок». – Но легион далеко, а я здесь, рядом. И ты здесь. И больше никого, понимаешь? – Кинув долгий взгляд в сторону сосредоточенно жующего губу и шмыгающего носом, покрывшегося красными пятнами, казалось, готового в любую минуту расплакаться Райка, наемница громко вздохнула. – Ну хорошо, обмен[8]. – Возвела очи горе она. – Так лучше?

– Обмен. – После некоторой паузы кивнул заметно расслабившийся подросток и быстро добавил: – Я первый.

– Да не вопрос. – Кивнула наемница и, подхватив первый кусок дымящегося мяса, отправила его в рот.

– Из какой ты банды, где ваша база? Кто главный? Вооружение? Цели? Укрепления? Кто отвечает за переговоры? – Выпалил на одном дыхании скриптор и застыл в ожидании ответа.

Чуть не подавившись едой, Элеум с недоумением взглянула на парня.

– Дурак ты, Райк, – проворчала она после долгой паузы. – Наглый, самодовольный мальчишка. Хотя, что от вас, железячников чокнутых, еще ожидать. – С трудом подавив подкативший к горлу смешок, наемница посмотрела в сторону, казалось, даже переставшего дышать от напряжения подростка, и не торопясь отправила в рот еще одну порцию еды. – Банда моя, а точнее профессия, называется «вольный стрелок», «наемник», «ствол» и много как еще. Дислокация? Да везде, где жизнь носит. Цели? Что скажут, то и делаю, если в цене договоримся, конечно. Главный? Да нет у нас главного. Есть уважаемые люди, к советам которых прислушиваются. Есть командиры больших отрядов, но они начальники только для своих людей. Укрепления? Это, обычно, нанимателя забота, хотя, старики говорят, что лет тридцать назад где-то на севере, у Светящегося моря стоял форт, что-то типа учебного центра для новичков. Вроде как, старая армейская база, а потом ее взорвали... или ледниками затерло. Точно не знаю. До моего рождения это было, и уж точно до того, как я к наемникам пришла. Думаю, враки это все. Армия, те кто выжил, большей частью к вам в Легион попали, а остальные... кто же новичков учить будет – конкурентов себе плодить? Переговоры? Ну, если хочешь весть передать или нанять отряд, запасайся серебром и топай в бар «Боевая зона». Это в Хабе. Там всегда наших полно.

– Врешь. – Засопел скриптор. – А мне говорили, что при обмене только последние подонки врут. Мутантов-наемников не бывает[9]. Их в приличные поселки не пускают. Сканер

пикнет – и все [10]. Даже самые жадные не нанимают. Себе дороже. Ты – из банды. Только не пойму, из какой. «Туннельные змеи», «Коллекторы»? Нет, слишком... чистая. «Операторы»? – тоже нет: снаряжение слишком бедное. «Стая»? – тоже не подходит, ты крепкая, сильная, сразу видно, но зубы не заточены. «Адепты Гейгера?» – нет, там мутанты только с видимыми дефектами...

– Ты ф-сех решил перефифлить? – Прочавкала подбирающая из «блюда» последние куски наемница. – С фефо ты фо-фе фсял, фто я – муфанфка?

– Э-э? – Осёкся подросток.

– Если всех решил перебрать, то до вечера времени не хватит. С чего ты вообще взял, что у меня мутации есть, парень? – Повторила Ллойс. – И что я – из банды?

– Ты в открытом бою справилась с четырьмя боевыми модификантами класса В. Почти без оружия, в одиночку. Такое не под силу даже рыцарю в полной боевой броне. При учете применения нейромодулирующих боевых стимуляторов и полного боекомплекта шанс повышается, но, всё равно, менее десяти процентов... Серьезных нанокультур у тебя нет. Не стала бы ты тогда оленя радиоактивного жрать и воду из ручья пить. Пакет константных, корректирующих состояние организма нанитов совместим только с чистой ДНК. Лишняя доза – лишний риск. Боевых модификантов только до последней войны могли делать. На старуху ты не похожа. Значит, ты – мутант. Внешних признаков визуально не наблюдается, значит, класс не ниже В-плюс-плюс или даже А [11] – элита. И эта твоя прическа... такие рейдеры носят, чтобы круче казаться.

– Чертовы фанатики, – насмешливо цокнув, наемница не торопясь облизала ложку, затем покрытые жиром пальцы и, стряхнув на землю остатки подливки, принялась оттирать автомобильный колпак листьями лопуха. На металле оставались длинные зеленоватые разводы. – А я не верила, что верующим мозги только мешают. У вас в легионе даже ученым-техникам, видимо, весь ум отшибают, чтоб служить было проще.

– Ты – мутантка, – упрямо выпятил челюсть подросток. – Не отпирайся.

– Да я и не отпираюсь, – пожалала плечами девушка, – просто... Тебе не кажется, что ваши рыцари свои костюмчики слишком любят? Прямо-таки заходятся при их виде в священном трепете и воевать без них не хотят, суки. Беда в том, что силовая броня создавалась не для войны, а совершенно для других задач [12]. Это уже потом ее модифицировать начали. В броне клокстопперы практически бесполезны. Ну не сможешь ты двигаться быстрее, чем позволит автоматика. А самостоятельно тонну металла ворочать сил не хватит. У меня еще много доводов. Но ты их слушать не будешь. – Почесав переносицу, наемница придавила подростка тяжелым взглядом и криво ухмыльнулась. – Поэтому у меня предложение. Дойдем до Свиного холма. Это приличный поселок. Под вашим, кстати, протекторатом, да и сканер там есть. Если запищит, можешь называть меня мутанткой, сколько влезет. Можешь даже попытаться толпу сагитировать меня на вилы поднять. А до тех пор, еще раз так меня назовешь – заставлю сожрать тебя угли от костра.

– До чего дойдем? Какого еще Свиного? – Не понимающе моргнул скриптор.

– А я думала, что ты местный... У вас, ведь, форт километрах в трехстах... – Наемница задумчиво почесала переносицу. – Свиной холм – так поселок, куда мы идем, называется. Почему – даже не спрашивай. Спасибо, кстати...

– За что? – удивился подросток.

– За то, что не прирезал богомерзкую, противную природе мутантку, пока ее ломало. – Пояснила Ллойс. – Хотя... Я на твоём месте тоже резать бы не стала, но связала бы. Для спокойствия. Вдруг, как оклемаюсь, мне свежего мяса захочется?

– Ну... я... – отвел глаза подросток и покраснел.

– А-а... – Ллойс понимающе кивнула. Губы девушки медленно изогнулись, сжались, превращаясь в тонкую, будто бритвенный порез, щель. – Понял, что сам до людей не доберешься.

Решил подождать, пока мы дойдем до поселка, вызвать помощь по радио, а когда придут взрослые, сдать меня с потрохами? Умно. Судя по тому, как лихо ты меня проклассифицировал, наверняка ты, пока меня трясло, вместо того, чтобы попытаться помочь, всю прошупал, обнюхал и, может, даже попробовал на зуб и теперь очень надеешься на повышение. Класс В – ценная добыча. – На мгновенье черты в общем-то симпатичного лица девушки дрогнули, и из глубины проступило что-то хищное, жестокое, бешенное. – Тесты, вивисекция, препарирование, как итог – новые знания. Так? – Глухо рыкнула Элеум, не сводя глаз с опасливо отодвинувшегося подростка. – Все для высшей цели. Я права? А еще тебе, озабоченному ублюдку, просто нравилось меня лапать. Надеюсь, ты меня не изнасиловал? Мне не придется лечить гонорею? Меня не начнет мутить по утрам?

– Я. Э-э-э... – Казалось, покраснеть ещё больше уже невозможно, но скриптору это удалось. – Кодекс запрещает контакты с измененными...

– Дурак. – Прокомментировала реакцию мальчишки наемница. Плечи девушки расслабилось. Наполненный скрытыми рычащими обертонами голос снова стал нормальным. – Впрочем, все вы железячники такие. Легион уничтожает мутантов только за то, что они мутанты. Не разбирается, кто зверем стал, а кто и мухи без причины не обидит. Упырей несчастных по кускам живьем режете. А пару лет назад, вообще, целую общину мутов[13] выжгли. Красное называлось. А чем они вам помешали? Ну, живут уродцы кучей, сеют, пашут, пшеницу растят да скот разводят. Торгуют помаленьку. От банд откупаются, вам, когда пришли, хлеб-соль вынесли. А вы их со стариками и детишками... Там до сих пор ничего не растет, только яма огромная. А у них на все село только одно ружье было. Волков от овец гонять. Других бы за то, что тактику применили, давно бы в клочки порвали. Собрались бы всем скопом и порвали. Но легионерам все можно. Грабь, жги, насилуй. Высокие цели. Да? Всеобщее благо, выживание человечества. – Наемница досадливо сплюнула, чуть не угодив на сапог Райка. – Но тех, у кого мутации полезные, надо изучать. Может, когда и удастся понять технологию создания модификантов. А как пойдем, так всех к ногтю... Твоя очередь.

– Неправда, – вскинулся подросток. Кулаки скриптора сжались. Парня затрясло от плохо сдерживаемого гнева, лицо пошло красными пятнами.

– Правда, правда, – лениво протянула наемница, – кстати, твоя очередь. Обмен. Не забыл? Кто ты такой? Куда идешь? Зачем?

– Старший искатель-скриптор «Железного легиона» Райк. Иду на север. Цель – секретно. Задание – секретно. Дело «Железного легиона». – На одном дыхании выпалил Райк и поспешно отвернулся.

– Ну, и кто теперь подонок? Целый «Старший искатель», надо же. – Смешно оттопырив губу, наемница принялась разглядывать покрытую грязью физиономию мальчишки. – Разведчик значит. Профи, мать его. Боевик высшего класса... До брони только не дорос. С обычным охотничьим карабином не сладил. Лопух обыкновенный не узнал. Оленя, почти не «горячего», кстати, жрать отказался только потому, что он выглядит противно. Боль в сломанной ноге глушил сильнейшими протившоковыми из аптечки. Единственный комплексный «Медшот», дорогущую вещь, кстати, на пустячную по сути травму потратил. Тоника со стимулирующими наноботами, который нигде не достать, потому как его только у вас на центральной базе гонят, выхлебал столько, что хватило бы десяток бойцов на ноги поставить. А перед этим даже не додумался вправить кость. Или не смог... Хотя курсы полевой хирургии господину старшему искателю сдавать, наверняка, не раз приходилось... – Хмыкнув, наемница с сомнением оглядела пук измочаленных листьев и снова склонилась над импровизированным котелком. – Ты хоть в курсе, что у тебя нога почти срослась? И что в поселке ее снова ломать придется? Если, конечно, ты дальше без костыля ходить хочешь. А, искатель-скриптор?

Покрасневший, словно его обдали кипятком, Райк, утер рукавом нос. Всклипнул. Раз, другой, третий, и неожиданно заревел в голос.

– Я всегда хилый был... Болел много... Я качался... – Выдавил из себя задыхающийся от слез подросток. – Вакцины мне кололи, стимуляторы, гоняли каждый день. Всё равно, слабый... Сказали: не воин, пойдешь в скрипторы... Я старался... Честно. Читал много... Учил... Запоминал... Меня поставили в медицинский отсек помощником... Оказалось, что мне от крови плохо... Заблевал операционную, сознание потерял... Выгнали... Отправили на радиовышку... Я старался... Я не знал, что провода должны быть красные... На схеме они синие были... В лабораторию меня перевели... Это не из-за меня пожар начался... Я включал вытяжку... И препараты выложил аккуратно... Колония ботов погибла... Хотели меня с базы выгнать... Но меня дядька отстоял. Рыцарь Данс – старший искатель... Сказал, буду оруженосцем... Еду готовить, котелок чистить, оружие полировать, броню красить... Сказал: последний шанс, иначе сам выгонит... Потом ему задание дали на север идти, в Хаб... Дело «Железного легиона»... Святой поход... Он сказал: со мной пойдешь, учиться будешь... Что жизнь в пустошах из меня человека сделает... А не... – Мальчишка громко хлопнул носом, выдув огромную соплю. Утерся рукавом. – Это не из-за меня ядерная батарея села... Я клеммы каждый день полировал... Она просто очень старая была... Я не знал, что водой нельзя, только растворителем можно... Ну, броня у дядьки и встала... Он по карте посмотрел, сказал, что рядом супермаркет довоенный есть... Если местные не знают, там батарей до... много, в общем... Мы и пошли... А там эти... Они его не сразу убили... Отобрали пулемет, руки ему между досок ломали... ноги... Потом ножами резали... На куски рвали... Он еще живой был, когда его есть начали... А меня не убили... Даже не обыскали... Заставили смотреть... Только ногу сломали, чтоб далеко не убежал... Смеялись, сказали – новая невеста у них будет... И мясо свежее... А потом ты пришла... Я знаю, вы мутанты-рейдеры тоже каннибалы... И легион ненавидите... Думал, ты меня... – Последние слова подростка утонули в рыданиях...

– Вот долбоклюй. – Брезгливо покосившись в сторону сотрясаемого плачем подростка, наемница задумчиво покопалась в прическе, вытащила из фиолетовых волос несколько сухих сосновых иголок, сплюнула и спрятала, казалось, ставший после чистки еще более грязным импровизированный котелок в карман небольшого рюкзака, подобранного в том же супермаркете. – Это легионеры всех ненавидят. Мутантов за то, что не такие, рейдеров – за то, что не хотят жить по их законам, нас за то, что вооружены и кланяться не привыкли, кустарей[14] за то, что технологиями владеют. А ты... Сдался ты мне... Из-под серокожих тебя вывела? Вывела. Считай, свой «святой» долг выполнила. От легиона вашего, гробаного, мне ничего не надо. Так что, можешь валить на все четыре стороны. Отпускаю.

– Ты, что, здесь меня оставить хочешь? – Слезы высохли враз, как по волшебству.

– Наверное. Не всю жизнь мне на горбу тебя таскать. – Ллойс пожалла плечами и раздраженно почесала покрытую царапинами шею. – Черт, пока бежали вся иголками искололась. Нам по одиночке сподручней будет. Тут лес – жратвы и воды полно. На запад не ходи только, там пятно «горячее», даже светится ночью. Поселок на северо-востоке. Сделаешь себе костыль, как-нибудь до людей доковыляешь или доползешь. Только не шуми сильно и ночуй на деревьях. Я тут медведя пару дней назад встретила и волколаков парочку. Ну, знаешь, собаки-мутанты такие. Здоровые и слепые. Где одно там и другое, сам знаешь...

– Я... – Подросток икнул и умоляюще взглянул на девушку. – Не надо... Пожалуйста...

– О как пробрало, – хмыкнула внимательно изучающая лицо скриптора Элеум. – Пожалуйста – слово-то какое... Значит, пока к людям не вышли, мы – лучшие друзья. Оруженосец Райк и наемница Ллойс по кличке Нежить. Звучит круто. Оттирай соплю и давай ко мне на закорки. И прошу, как друга, придерживай пулемет так, чтоб он меня по башке каждый шаг не долбил. У меня и без того головной боли полно. – Встав, наемница потянулась так, что защелкали суставы. – Нам еще полдня топать. Хочу успеть в поселок раньше, чем те ребятки с ружьями. Их снайпер мне не понравился. Мутный тип. Ну не бывает у стрелка клички «Слепой»...

– А ты – точно не рейдер?

– Точно, точно, – тяжело вздохнула, присаживаясь на корточки, Ллойс. – И есть тебя не буду. Ну не ем я сопливых – брезгую. А еще ты воняешь...

– Я не воняю...

– Да от тебя штын, будто в выгребной яме ночевал... Лезь, давай.

– Это от медшотов... – Смutilился подросток. – А прическа?

– А что прическа? – В очередной раз проведя пальцами по жесткой щетке ярко-фиолетовых волос, криво усмехнулась наемница. – Год назад в карты проигралась. Денег не было, потому играли на желание. Думала, что все поймут меня и в канаву выкинут. Но Шорох, долбоклой чешуекрылый, выдумал этот хренов ирокез. Долго глумился еще, цвет позыковырестей придумывал. Ну, походила я с ним пару месяцев. Попугала народ. А потом, как-то самой понравилось. Действительно, круто смотрится.

– А... да... наверное... – скриптор отвел глаза в сторону.

– Да не вру я. У стрелков тоже есть кодекс, мальчик[15]. И он намного честнее вашего. Если меня наймут воевать против своих, я могу отказаться, вернуть аванс и послать всех в задницу. И никто не будет меня осуждать, и стрелять в спину. И еще в этом кодексе сказано, что врать можно только врагу. А мы ведь не враги, правда? – Наемница с усилием разогнулась, покачнувшись от веса устроившегося у нее на спине скриптора – Мелкий, засранец, а тяжелый, как наковальня. И чем вас в легионе только кормят?

– Я не засранец. И не мальчик, – угрюмо пробурчал подросток.

– Да? – Удивилась наемница. – А мне казалось, что оруженосец в легионе – это только до семи лет. С семи до четырнадцати – послушники. А потом уже всякие младшие скрипторы, помощники, подавальщики, и тому подобное... Это, вроде, старший послушник называется... Рыцарь – только после двадцати... Паладин, Старейшина, Ментор, Комиссар и все остальное – только за заслуги и после третьего десятка... Крупноват ты для семилетки, не находишь? – Она не увидела, как покраснел подросток. Только почувствовала, как наливается жаром прижатая к щеке скриптора. – Пулемет не вырони, «не мальчик». И в ухо мне не сопи. И хватит меня лапать. А то скину... – Первый шаг дался тяжело. Второй чуть легче. Лицо Ллойс расколола злая, больше похожая на оскал бешеного зверя улыбка. Чуть больше тридцати километров по пересеченной местности. Бегом, с грузом на плечах. В мальчишке килограмм семьдесят, а еще пулемет и батарея... Пустяки. Не впервой. Главное, чтобы этот придурок не отвалился и не потерял от боли сознания. Тащить на плечах коматозника – то еще удовольствие. Тогда они вряд ли успеют в поселок до темноты...

– Слушай, как тебя там, Дохлая, да? Ну, не бузи. Хватит мне дом громить. – Обеспокоенно поглядывая на смотрящий ему куда-то в область живота ствол обреза, старик примирительно поднял руки. – Я, ведь, от оплаты не отказываюсь. Половину цинка девятки и двести грамм серебром. Половину ты уже взяла, значит...

– Это был кидок, Ленивец. А за кидалово платят по-другому, – весело улыбнувшись, Ллойс опрокинула набок очередной шкаф с аккуратно расставленной в нем фарфоровой посудой, дождалась, когда затихнут треск и звон. Удовлетворенно кивнула и смачно плюнула, целясь на стоптанные ботинки замершего у опрокинутого стола старосты. Не попала. – Мой любимый ножик обошелся мне в сто пятьдесят серебром, «Хронос» – почти в триста, придется возместить, дедуля, а это, еще не считая моих нервов. И ручки-то свои механические опусти, опусти. Надеюсь, ты понимаешь, что прежде, чем своими грабками до меня дотянешься, я тебе помидоры-то отстрелю. По бабам бегать уже не получится. Это надо же придумать такое. Мол, у тебя колония наноботов есть, что от всех болячек защищает. И боты, будто только половым путем передаются. И какая курица на такое клюнет?

– Есть колония. «Неприкасаемый» называется. – Вздыхнул старик, медленно опуская руки. – Из семейства клещей, так что действительно передается. Только не надолго. Сломались боты. Размножаться не хотят. У меня отец в «Нанотехе» работал. Я еще совсем мальцом был, когда он мне первичную культуру ввел. Остальные не успел. Под «горячий» дождь попал. За месяц упырем стал. А протезы и остальное я уже потом, в армии сообразил.

– Это сколько же тебе лет, Ленивец? – Удивленно вскинула бровь наемница.

– Сто двадцать восьмой пошел, – угрюмо буркнул старик.

– И не надоело юбки мять? В твоём-то возрасте, дедуля. – Насмешливо хохотнув, Ллойс пинком отшвырнула в угол комнаты письменный стол. – Не развалишься?

– Не твоё дело, пигалица. Ещё учить меня будет. – Раздраженно фыркнул старик. – Ну, так возьмишь, что даю, или дальше этот цирк продолжим? Ты, ведь, не права, Нежить, и сама это прекрасно знаешь. Не обязан я тебе всю информацию по заказу давать. Да и не выполнила ты его вовсе. Батарей у тебя с собой нет.

– Как нет? – Ненатурально огорчилась наемница. – Неужели выпала? – Не опуская оружия, девушка скинула с плеч потрепанный рюкзак и бросила его под ноги старосты. – Смотри-ка, нашлась! Хрен ты старый!

Неожиданно привлеченная донесшимся снаружи гомоном, Элеум, позабыв про старосту, подошла к окну и с интересом проводила взглядом целый выводок одетых в лохмотья детей от пяти до семи лет.

– Тепличных рабочих детки, – пояснил Ленивец. – На учебу идут. Грамоте учиться.

– Всех учите? – Удивилась наемница.

– Конечно. – Кивнул староста. – Всех одинаково. А там уже, как у кого мозги заточены. Кто врачом станет, кто теплицы ставить да технику чинить научится, ну, а кто-то читать-писать научится, и все... Но учить надо всех. А то в скот превратимся.

– В мешке одна, как договаривались. Немного «светится», потому я её автомобильным колпаком прикрыла [16], – буркнула неожиданно растерявшая почти весь боевой настрой девушка. – Остальные твои архаровцы и Слепой Пью принесут. Завтра, может быть. Отстали они немного. Заплутали или еще чего, а может, им моя растяжка не понравилась. Не бойся, там светошумовая. Тоже, кстати, оплатишь мне. Пару часов повоюют и оклемаются. Наверняка, требуху Серокожих еще принесут и историю, как они героически с ними воевали. А я тебя кинула и сбежала. Уж сделай девушке приятное, дай послушать, как они ее тебе, это фуфло, толкать будут. Что все не взяла – не обессудь. Не люблю я тяжести таскать.

– И откуда ты такая взялась, а? – Вздыхнув, Ленивец, заложив руки за спину, начал задумчиво перекатываться с носка на пятку. – Тяжести таскать... Принесла уже... тяжесть... на мою голову. В общинном доме сидит. Третью курицу трескает. Вот проглоти. Что я его дружкам, когда они сюда прибегут, говорить-то буду?

– А ты сам подумай, Ленивец, – наемница, опустив обрез, подняла лежащий среди раскиданных бумаг и книг стул и уселась на него верхом. – Допустим, порвешь ты меня сейчас. Ведь, можешь, дедуля, можешь, не приbedняйся. В тебе боевых имплантатов, наверняка, побольше, чем в самом крутом боевике Операторов. Пару пуль, конечно, словишь, но меня задавишь. А пацана прикажешь бритвой по горлу и в овраг. Но есть одна закавыка: его половина деревни видела. Всё равно, кто-нибудь проболтается. Железячники такого не прощают. С тобой даже разговаривать не будут, просто возьмут поселок в кольцо и раскатают из минометов. Или тактикой долбанут, как в Красном. Любят они это дело. Чтоб в щепки да в дребезги, и только яма осталась. – Разглядывающая во время своего монолога лежащую рядом со стулом чудом уцелевшую в устроенном ею погроме расписную фарфоровую тарелку наемница с усмешкой наступила на нее каблуком. Раздался хруст. Староста болезненно поморщился. – А так... Ну, сдашь ты половину батарей, остальные заныкаешь. Парень, ведь, все равно в подвал не лез, так что не знает, сколько их там было. Скажешь, раскаиваюсь, мол, только недавно о супер-

маркете узнал, да бес попутал. Ветряки, мол, сломаны, а теплицы освещать надо. Еще чего-нибудь наплетешь, слезупустишь... На лапу дашь, конечно, чтоб на запчасти тебя, болезного, не разобрали. Выкрутишься, одним словом.

– Ветряки, действительно, сломаны. А ночи этим летом холодные. – Вздохнул старик. – Урожай пропадает. И производство прятать уже поздно. Рабе, врач от Бога конечно, но придурок конченный, когда парню ногу вправлял, ему сразу несколько колоний впрыснул. Засветил по полной, шлемазл...

– А это тоже мои проблемы? – Мило улыбнулась наемница.

– Авраама зачем покалечила? У парня через неделю свадьба, – буркнул староста и, осторожно подняв с засыпанного осколками пола колченогий табурет, присел на краешек. – Кабинет мне разгромила...

– Не покалечила, а нос сломала. До свадьбы заживет. Нечего было мне в лицо ружьем своим тыкать. И шлюхой называть. Не люблю.

– Серокожих сколько?

– Всех. Их, ведь, четверо было, так? – Задумчиво почесала переносицу Ллойс.

– Четверых. И нож сломала. В рукопашную, значит... Однако. – Покачав головой, тяжело вздохнул староста. – Ну, и чего хочешь?

Элеум неторопливо убрала обрез в кобуру. Выщелкнула из пачки сигарету. Прикурила. И принялась загибать пальцы.

– Помыться. Пожрать. Отоспаться пару дней. Цинк девятки. Килограмм серебра. Три сотни пятидесятого. Чуток аптеки. Пачку умного бинта. Пятьдесят аддиктола. Пятьдесят медшотов. Вы, ведь, здесь и его гоните, насколько я понимаю. Слишком уж в теплицах набор... специфичный. И чаны с фтороморфом^[1] рабочие.

– Глазастая, – хмыкнув, Ленивец задумчиво забарабанил по колену пальцами. – По первым двум пунктам вопросов нет. Можешь хоть месяц здесь жить, столоваться и спать в гостевом доме. Не возьму с тебя ни грамма. В кабак захочешь или еще чего, сама плати. Остальное... ты не обурела, Дохлая? А по пятидесятому... Ну, и где я его тебе возьму?

– У тебя на въезде метрах в трехстах, рядом с дорогой секрет. С «противотанком». Там и возьмешь. – Неопределенно отмахнулась сигаретой наемница. – Знаю, что дефицит. Я тебе взамен пулемет подарю. Мне эта бандура ни к чему. Тяжелая больно, а тебе пригодится. Можешь продать, можешь на вышку поставить или еще куда. Если уж совсем прижмет, можно еще под триста восьмой калибр^[1] попробовать переделать. Его всяко найти проще будет.

– Пулемет отдашь?... – Брови старосты удивленно поползли вверх. – Ты уверена?..

– Не знаю, что ты подумал, Ленивец, но ты неправ. – Криво усмехнувшись, девушка снова с хрустом каблуком придавила тарелку. – Но для ясности поясню еще раз. Никакого прощенья. Он тяжелый. До города мне его тащить не с руки. А ты мне за него заплатишь... Сполна заплатишь..

– Не пойдет. – Покачал головой староста. – Всё, что ты просишь... Ну нет у нас сейчас столько, не сезон, да и из-за батарей производство встало. Опять же легионеры аж три раза приезжали. Хоть, и боевики-дуболомы, а производство приходилось останавливать... Два месяца вместо маржи сплошные расходы. – Староста раздраженно поддел носком ботинка ближайший гроссбух. – Девятки тоже больше не дам. Дам сотню пятидесятого. Полтора десятка «медшотов» и десять «аддиктола». Ну, сама посуди, куда тебе больше? На тачке повезешь? Серебра.. грамм шестьсот наскребу. Остальное... пуцу клич, пусть народ скидывается. Сами меня на подянку подбили, пусть сами и расплачиваются. Так что килограмма полтора наберу, и еще, с меня подарок в качестве компенсации за кидалово, так сказать. Ты погоди, – поднял руку, прерывая начавшую было протестовать наемницу староста. – Не пожалеешь. Я сейчас сейф

¹ Республика Башкортостан, г. Салават 2018 г.

открою. Только не стреляй, ладно? – Медленно, стараясь не делать резких движений, Ленивец опустил на корточки. Смел в сторону осколки, разгреб бумаги и откинул в сторону приметный лючок в полу. Смешно отклячив костлявый старческий зад, нырнул в открывшуюся полость, повозился несколько минут и, кряхтя, вытащил оттуда промасленный сверток. Пихнул к ногам наемницы.

Поколебавшись, Ллойс нагнулась, развернула ткань. Хмыкнула. Подняла глаза на старика.

– Все, что мне помимо протезов с войны осталось. – Пояснил Ленивец, чуть улыбнувшись. – «Арматех» – слыхала? Нет? Откуда тебе... Хорошая фирма была. С умом люди, с понятием. Мне сразу твое ружье приглянулось. Надежная машинка и мощная. Я его в обмен заберу, если не возражаешь. И не думай ничего, тот, что тебе даю, много повеселее будет. Укороченный боевой штурмовой карабин с тактическим прикладом и стабилизирующей рукоятью. Сделан для боя в помещениях и городской застройке. С врагом в тяжелой броне и легкими боевыми дронами. Калибр – твой любимый. Магазин съёмный, штатный на двадцать патронов. Можешь поставить более емкий, если, конечно, найдешь. В прикладе еще два. Больше, извини, нет. Ложе из полимеров, не смотри, что как пластмасса дешевая выглядит. Оно внутри полое, с компенсатором отдачи, значит. Так что отдача, как у пистолета... почти. Ствол тридцать миллиметров. Точность... достаточная. Ты, ведь, не снайпер? Не морщись, – старик проследил полный сомнения взгляд осматривающей оружие наемницы. – Знаю, что легкий. Три кило всего. Не треснет коробка, хоть, кувалдой бей. Видишь вмятину? Ага, вон ту – чуть заметную. Это я в то место пулю из двадцатки поймал. Там что-то хитрое намешано. Крепче любой стали. Система заряжания, сама видишь, потеряла магазин, можешь «кормить» с затвора, как винтовку. А так – полуавтомат.

– Царский подарок, – хмыкнула Ллойс. – По рукам. Но по аддиктолу не уступлю. Пятьдесят доз. Не меньше.

– О как. – Староста еще раз смерил взглядом наемницу. На секунду Ллойс показалось, что в глазах старика мелькнуло что-то вроде сочувствия. – Ну, тогда забирай барахло и вали в общинный дом. Остальное вечером будет.

– Слушай, старче, а что за кличка такая – Ленивец? – Уже на пороге спросила наемница.

– Это у собак клички, а у людей – имена и фамилии. – Хмуро буркнул собирающий с пола гроссбухи старик. – Моше Ааронович Ленвиц. Только народ у нас глухой и тупой. Даром, что правильной крови. Сразу мне фамилию переименовали. А потом прилипло.

– Ну да. – Согласно тряхнула ирокезом наемница. – Прозвище – дело такое. Пристанет, так просто не отдерешь. Дюжину пятидесятих дашь сверху? Обнову пристрелять? И что за правильная кровь?

– Дам, дам... как такой не дать. Знал бы я, что за зверя нанимаю... – Раздраженно махнул рукой староста, с тоской оглядывая разгромленный кабинет. – И это. С «Харона», если рецидив то, чтобы слезть пятьдесят доз может не хватить, восемь десятков у Рабе возьмешь. Скажешь, что Ленивец сказал желтые не давать, только со звездой. Он поймет... Эх... ты пустила меня по миру..

– Щедро... – Довольно фыркнула девушка.

– Да ты тоже... Умеешь, ведь, человека в грязь лицом ткнуть. – Нервно дернул щекой Ленивец. – Вали уже, пока я жалеть не начал. И ты, это... Извини, что ли...

Сколько себя помнила Ллойс, всегда любила воду. Любила плавать в озере, пока в нем можно было плавать. Могла сидеть в горячей ванне или стоять под душем часами. Пока они, ванны и души еще были. Потом жизнь резко поменялась, и горячая вода, а иногда даже вода во фляге стали роскошью, но привычка осталась. Вот и сейчас наемница заморожено наблюдала за стружкой воды, медленно наполняющей большую металлическую емкость, исходящей паром.

Здоровенная, не меньше двух метров в длину, эмалированная ванна, хоть, и была внутри относительно чистой, снаружи была покрыта копотью, будто плавильный котел. Может, ее использовали как огромную кастрюлю или бак для кипячения белья. Какая разница, главное, что покрытое эмалью чудовище было достаточно просторным, чтобы вытянуться в нем во весь рост. Кто-то заботливый оставил в ней даже выскобленный до блеска деревянный подголовник. Половина запеченной в диком меду курицы и сковородка жаренного на сале картофеля наполняла желудок приятной тяжестью. Вторая половина несчастной птицы, уже порядком остывшая ждала ее на столике гостевой комнаты, рядом с запотевшим графином свежего томатного сока. Наемница блаженно прикрыла глаза. Жизнь казалась почти прекрасной. Неожиданно раздался стук.

– Ну и кто смерти ищет?! В интима не нуждаюсь! Благодарности и народных мстителей принимаю завтра после полудня! – Страдальчески скривившись и мысленно отругав себя за то, что позволила себе расслабиться, Ллойс подтянула поближе портупею с карабином и откинулась на высокий бортик.

– Это я. Райк.

– Черт. Черт! Черт! Вали отсюда, Райк! Занято! Баста! – Медленно скрестив пальцы на левой руке, наемница, покопавшись в одежде, выудила очередную сигарету, сделала глубокую затяжку, сосредоточенно представляя, как настырный подросток разворачивается и уходит восвояси. Как ей рассказывали, в таких ситуациях очень хорошо помогают мысленные визуализации. Вселенная слышит и дает тебе желаемое. Особенно, если это такая мелочь, как... Черт!

– Я по делу!

Не помогло, наемница сплюнула от досады. Проследила, как плевок впитывается в выстиранную, выглаженную и сложенную аккуратной стопкой одежду. Закрыла глаза и принялась считать до десяти. Удалось только до шести.

– Я по важному делу!! Делу «Железного легиона»!! – Дурным голосом завыл под дверь подросток. – Открой немедленно!!

– Да открыто! – Крикнула в ответ Ллойс и сунув сигарету в зубы, взяла карабин на изготовку. – Это, ведь, гостевой дом, тут нигде даже шеколд днем с огнем не сыщешь, долбокрой. – Прошипела она чуть тише.

Ввалившийся в душевую скриптор потрясенно застыл. Взгляд подростка сфокусировался на Ллойс, перескочил на направленное на него оружие, вернулся обратно, и поспешно уполз куда-то вбок. Лицо Райка начало наливать уже порядком надоевшей наемнице краснотой.

– Сисек никогда не видел? Или тебе мои татухи не нравятся? – Убрав руку с цевья, наемница смахнула с ресниц некстати набежавшую влагу.

– Э-э-э... А почему ты голая? – Выдохнул, наконец, Райк.

– Во-первых, дверь закрой. Дует. – Убедившись, что в коридоре больше никого нет, наемница отложила в сторону карабин, и откинулась обратно на бортик ванны, почти по подбородок погрузившись в горячую, покрытую сероватыми клочьями мыльной пены воду. – Во-вторых, отвернись. Не знаю, что написано по этому поводу в вашем кодексе, но в приличном обществе глазеть на обнаженную девушку не принято. В-третьих. Это ванная, душевая, помывочная. Называй, как хочешь. Здесь обычно все голые, поэтому на двери табличка «ЗАНЯТО» и висит. Ты читать умеешь?

– Э-э-э... А-а-а... Почему тогда ты сказала: заходи? – Отвернувшийся к стене подросток ссутулил плечи и принялся перетаптываться с ноги на ногу.

– Ну, ты, ведь, сам орал: «Немедленно», «Дело Железного легиона». Как я могла отказать господину скриптору?... – Вытащив сигарету изо рта, наемница рассеяно стряхнула пепел на дощатый пол. – Скоро, ведь, его дружки придут и он им обязательно наябедничает, что я его обижала, не дала посмотреть, как там у меня всё устроено... Смотрю, ногу тебе уже починили?

– Издеваешься, да? – Еще больше сгорбился скриптор. – Откуда ты так много знаешь о легионе?

– В кабаках сидеть люблю, водку пьянствовать да слушать, что люди болтают. – Фыркнула девушка. – А потом делаю выводы. Ты это хотел узнать так срочно? – Выпустив дым через нос, Ллойс, блаженно выдохнув, погрузилась в воду с головой. – Или попрощаться пришел? – Пробурчала она, вынырнув. – Так знай. Объятий и поцелуев не будет. Всё-е. Можешь валить обратно, только дверь за собой закрой..

– Ты в курсе, что это кустари? Они здесь «медшоты» делают! – Райк, подчеркнуто тщательно избегая взглядом жестяной ванны, оглядел помещение, заметил сиротливо стоящую в углу деревянную скамеечку и, радостно ухнув от усилий, подтянул ее к себе. С кряхтением сел, спиной к наемнице. – Всё еще болит, – пояснил он чуть виновато.

– Тебе, ведь, раз в пять больше стандартной дозы вкололи, не меньше, если уже без палки ходишь, – фыркнула Ллойс и, с сожалением осмотрев окурок, щелчком отправила его в сторону слегка покрытого потеками ржавчины душевого слива. – А ты их хочешь сдать. Ведь, так? И наверняка с предвкушением представляешь, что будет дальше. Как придут сердитые ребята в экзоскелетах с пулеметами и гранатометами. Поглядят тебя по головке. Дадут сладкую печенюху с изюмом, а у местных отберут оборудование, порушат теплицы. Врача, что собирал тебя из осколков и приводил в порядок ногу, скорее всего, повесят, как запятнавшего себя грехом работы с запретными технологиями. Всех, кто умеет обращаться с фтороморфом тоже. Ленивца, старика старосту, единственное пожалуй, о чем я жалеть не буду, бахнут в задницу здоровенным шокером, выдернут из него имплантаты и повезут на опыты. Потом заберут половину урожая, почти все оружие и уйдут восвояси. А через пару тройку недель, когда слухи расплзутся, сюда прикатят пара рейдерских грузовиков, и все, кому не посчастливилось выжить, станут обычным мясом.

– Железный легион никогда не позволит себе подобного. Кодекс гласит, что темные технологии должны быть изъяты и сохранены. Мы очищаем землю. Мы несем порядок и процветание...

– Так ты пришел об этом поговорить? – Тяжело вздохнув, наемница плеснула несколько пригоршней воды себе на лицо. – Думаешь я захочу вступить в вашу дружную компанию? Тогда можешь валить, только пожалуйста, еще раз прошу не забудь закрыть за собой дверь. Не катит, пацан. Мне твои проповеди до одного места. Того, где самые большие татухи.

– Да... то есть, нет. – Уши мальчишки предательски налились багрянцем. – Мне нужно в Хаб. Вернее, в его окрестности. Я хочу тебя нанять.

Ллойс расхохоталась. Вода в ванной заходила волнами и потекла на пол.

– У меня есть, чем заплатить. Вернее, сейчас нет, но будет... Потом.

К хохоту наемницы прибавилось несколько истерических ноток.

– Мне нужно в Хаб. Дело Железного легиона. Священный поход не может быть прерван, пока жив хоть один из группы. Если ты не согласишься, я буду вынужден вызвать сюда старших братьев.

Хохот наемницы оборвался, будто обрубленный невидимым, но очень острым ножом.

– Две ошибки, Райк. – Проведя рукой по мокрой щетке волос, Элеум со вздохом выщелкнула из пачки еще одну сигарету. – Первая. Ты считаешь, что мне не наплевать на этих людей. Это не так. Их староста хотел меня кинуть. Видел тех мужиков, что в ворота заходили? Если бы мы встретили их в лесу, то, скорее всего, уже кормили бы местную живность. Причем наверняка наша смерть не была бы легкой. Твоя – потому что ты легионер. Моя... да просто за то, что я баба. А еще в это впуталась... Может быть, ты посчитал, что я добрая, что я тебя пожалела... Это не так. Ты нужен был мне как страховка, гарантия того, что меня не грохнут прямо у ворот. Я не хорошая и не добрая, Райк. И я ничего не забываю и не прощаю. Я могу понять, почему Ленивец так поступил. Могу войти в положение. Осознать логику. Простить – нет. Он

откупился. Но контракт закрыт и новых не будет. Старик, кстати, это тоже понимает. Второе: в гробу я видала твой Легион и его дело. Нет оплаты – нет контракта.

– Каждый, кто слышит призыв должен...

– В задницу такие долги, мальчик. – Рассмеялась девушка. Я здесь проездом. Присягу вам не давала, так что твоя банда может катиться, куда подальше. Бесплатно не работаю. Можешь попробовать, конечно, меня заставить, но у тебя, вряд ли, это получится. И у дружков твоих, если ты их, всё же, позвал. Или ты меня до самого Хаба под стволом вести будешь?

– Почему ты ненавидишь «Железный легион»? – Руки скриптора нервно одернули форму. Наемница с раздражением поморщилась, заметив, что она вычищена и выглажена так же, как и ее собственная одежда.

– Может, потому, что вы – долбанутые на голову фанатики? – Прищурилась Ллойс. – Или потому, что я была в отряде, защищающем Красное? Какое тебе дело, оруженосец?

– Почему, тогда меня не убила? Только не говори опять про страховку. Один пулемет стоит дороже, чем все твое снаряжение, и уж точно больше, чем ты получила со старосты. – Как-то совсем не по детски усмехнулся подросток.

– Сама не понимаю, – раздраженно отбросив окурок, наемница вылезла из воды, наскоро обтерлась лежащем на краю ванны серым от частых стирок полотенцем и принялась натягивать на себя одежду.

– Это потому, что тебе не наплевать на людей, Нежить. – Голос скриптора стал сухим, отстраненным, холодным. На мгновение наемнице показалось, что с ней говорит другой человек. Кто-то более взрослый, опытный, мудрый... жестокий. – Мне жаль, что ты не слышишь голоса разума. Не слышишь призывающий тебя боевой горн. Человечество должно сплотиться и выжить. Любой ценой. Но я не осуждаю тебя. Это твой выбор. Хотя, мне горько, что легион не получит столь умелого бойца. Ты работаешь за награду, что скажешь про такую? Этой платы будет достаточно? – Легионер принялся расстегивать рубаху.

– Эй! Натурой не беру. Так что, слюни подбери и топай отсюда. – Не обращая внимание на стягивающего рубашку подростка, наемница застегнула ремни португеи, приладила чапарехас, проверила, как лежит карабин в перешитой местным портным кобуре, и, видимо, оставшись довольной результатом, шагнула к выходу. Раздалось глухое звяканье. К ногам девушки упала широкая, поблескивающая металлом полоса.

– Нанотех. Пояс с биосетью. Фактически фабрика и лазарет в миниатюре. – Безжизненным голосом пояснил подросток. – Сканирует параметры организма, автоматически вколет дозу заживляющей культуры, если тебя ранят. Встроенный сканер излучений и анализатор токсинов, реанимационный комплекс. Культура временная, срок работы – два часа. Заряжается от тепла тела. Если объективно, от любого тепла. Захочешь ускорить процесс перезарядки, можно кинуть его в костер. Или даже в доменную печь. Ничего с ним не будет. Сейчас баки пустые. Настройки сброшены. Там микрокомпьютер. Он сделает анализ твоей крови и начнет синтезировать то, что тебе нужно. Сложные культуры ему не под силу, но производные аддиктола и медицинских нанитов вырабатывать сможет. Медленно, но сможет. Он не избавит тебя от зависимости, наемница. Во всяком случае, не сразу. Но жестких ломок больше не будет.

– У меня сегодня день рождения? А мне никто не сказал. – Осторожно поддев пояс кончиками пальцев, Элеум со смесью интереса и брезгливости, словно держала в руках не предмет обихода, а ядовитое насекомое, осмотрела прибор. – Баки в пряже? Ты, хоть, знаешь, сколько это стоит?

– Да, – медленно кивнул Райк. – В пряжке. Можешь вставить туда стандартные ампулы, и он сразу начнет синтезировать нужное вещество. И еще раз – да, я знаю, сколько это стоит. Это цена нашего похода в Хаб. Цена твоей верности. А еще – это мой дар от лица Легиона за мое спасение. Носи его с гордостью. И соглашайся. По окончании миссии тебя будет ждать настоящая награда. Гарантирую. Слово Легиона.

– Гарантируешь? Ты? Оруженосец? – Вопросительно вскинула бровь Ллойс.

– Не я. Дело Железного легиона. Священный поход. – На лице подростка не дрогнул ни один мускул.

– Да иди ты в задницу. Ты, Легион, поход и всё остальное... – Девушка тяжело вздохнула и, присев на край скамьи, принялась баюкать в руках пояс. – Черт, черт, черт... Хорошо... – Свернув серебристо поблескивающую ленту, девушка сунула ее за пазуху. – Когда выдвигаемся?

– А? Что? – Недоуменно заморгал Райк. Лицо подростка залила смертельная бледность. Мальчишка покачнулся, страдальчески сморщился. И принялся массировать виски. – Извини, голова заболела. Не расслышал.

– Когда выдвигаемся, говорю. – Хмуро покосилась в сторону скриптора Элеум.

– А... Да... Конечно... Завтра утром. – Слабо улыбнулся подросток. – Это хорошо, что ты не ушла. А то мне второй не нравится. Мутный он какой-то. И глаза у него, как у рыбы.

– Второй? – Уже заранее зная ответ, все же, решила уточнить Ллойс.

– Ну да, – кивнул скриптор. – Слепой Пью.

– Дерьмо, – выдохнула наемница. Остатки хорошего настроения развеялись окончательно.

ПРИМЕЧАНИЯ

8 – Обмен – устоявшаяся форма объявления о мире и ненападении в Пустошах. Одно из немногих правил непреложно (ну или почти непреложно) соблюдающееся всеми людскими и большинством нечеловеческих группировок. Основной постулат обмена – пока не закончен торг, даже самые непримиримые враги должны соблюдать нейтралитет и взаимоуважение. В основном применяется при торговле.

9 – Тут Райк прав. Факт. В стрелки могут войти только «чистые» – не имеющие критичных повреждений генетического кода люди. Объективно говоря, ксенофобия по отношению к мутантам возникла не на пустом месте. Лишенные доступа к большинству ресурсов и благ, многие из них прибилась к многочисленным бандам менее принципиальных в подобных вопросах рейдеров. Так что встреченный на большой дороге шестипалый громила, с третьей, торчащей из плеча рукой, в девяти из десяти случаев окажется обыкновенным разбойником. Существует огромное множество бывальщин и баек о небывалой кровожадности и жестокости мутантов по отношению к «нормальным» людям. Как ни странно, в большинстве своем рассказы правдивы. В города мутантов не пускают. В большинство поселков и общин тоже.

10 – Сканер или, как его часто называют «нюхач» – довольно распространенный до войны медицинский прибор, совмещающий в себе анализатор генетического кода, рентген, гемоанализатор, электроэнцефалограф, спирограф, и многое другое, чудо техники, позволяющее провести почти полное обследование организма, что называется «в одно касание»; после войны используется, в основном, для выявления мутантов.

11 – Лет сорок назад до рождения Ллойс один из старших скрипторов молодого еще «Железного легиона» ввел простую и четкую градацию как человеческих, так и нечеловеческих мутаций. Классы мутантов разделились от F до S в порядке возрастания так называемого «коэффициента полезности» – способности использовать особенности измененного организма в быту или боевой обстановке. Так, например, четырехрукий мутант, умеющий полноценно оперировать всеми конечностями, получал класс C, а такой же, но не способный на подобные трюки – F. Серокожие – как боевые генетические модификанты, имеющие огромное количество преимуществ над среднестатистическим человеком – получили классификацию B. Несмотря на то, что труд признали еретическим, а скриптора изгнали, книга оказалась чрезвычайно популярна и намного пережила своего создателя. Полвека спустя, «рейтинг легионеров» стал повсеместно принятой формой классификации мутантов и тварей.

12 – Это правда – Изначально экзоскелеты создавались, как боевые скафандры для «космических войн». К началу Черных лет человечество начало колонизировать Луну и Марс. Что стало с колониями после падения первых бомб – неизвестно.

13 – Просторечное название мутантов.

14 – Кустарями обычно называют тех, кто занимается производством нанокультур «в домашних» условиях. Кустарей обычно не любят, во-первых, довоенные наниты намного более высокого качества, во-вторых многие из них не прочь, буквально, выпотрошить на предмет копирования обладателя редких комплексов наноботов. Постоянная потребность в «живой», не искусственной человеческой крови, а также некоторых человеческих же органах, доверия к ним также не добавляет.

15 – А вот тут Ллойс немного лукавит. Кодекс-то может и есть, но придерживаться его перестали задолго до ее рождения. Но вот остальное – правда: вольному воля.

16 – Глупость, конечно, таким слоем металла от жесткого излучения не защитишься, но девушка почему-то решила по-другому.

17 – Фтороморф – самый сложный синтез различных колоний видоизмененных водорослей. Используется для переработки биомассы в «основу» – матрицу для создания нанороботов различного назначения. Очень капризен. Может существовать только при строго определенных условиях. В дикой природе не встречается.

18 – 308 Win – коммерческий вариант стандартного винтовочно-пулемётного боеприпаса стран – участниц [НАТО](#). Принят в [1954 году](#) под обозначением Т65, впоследствии неоднократно модернизирован.

Глава 3

Дорога, а вернее широкая, накатанная проходящими через Свиной холм обозами и караванами тропа, обезумевшей змеей выписывала замысловатые петли между деревьями. Путь, конечно, можно было бы сделать и более прямым, но, во-первых, местным для этого пришлось бы валить огромные в пять-шесть обхватов узловатые мутировавшие сосны, а во-вторых, ставить засады и секреты на изобилующем неожиданными поворотами тракте намного удобней. Высушенная полуденным солнцем, несмотря на ливший ночью дождь, покрытая трещинами и пробивающейся кое-где пожухлой травой, колея отчаянно пылила. Где-то в глубине окружающего леса пели невидимые птицы или не птицы. Ллойс совершенно не горела желанием это проверять. Заметив краем глаза движение, наемница фыркнула, зло ощерила зубы и как бы невзначай опустила руку на расстегнутый клапан кобуры.

– Пью, если ты решил полюбоваться моей задницей, то так и скажи. – Ладонь девушки медленно сползла на отполированную рукоять. Кончик указательного пальца почти нежно огладил спусковую скобу и скользнул на курок. – Давай, не стесняйся, ты мне тоже очень понравился. Я в тебя практически влюбилась с первого взгляда. А ты разбил мне сердце. Взял на меня контракт.

– Прости, ну не успеваю я за твоей паранойей, Дохлая, – несколько нервно дернул торчащим кадыком наёмник, высокий, тощий и смуглый, будто его, словно выловленную из реки рыбу, долго вялили на солнце. Холодные и водянистые глаза снайпера мазнули по фигуре Ллойс. Задержались на направленном на него оружии. Неожиданно стрелок широко улыбнулся и, скрипнув кожей длинного дорожного плаща, поправив ремень висящей за спиной громадной снайперской винтовки, поднял руки. – Всё, всё, сдаюсь, не стреляй только. Уж прости старика. Задумался – забыл про твои правила...

– Альцгеймер напал, дедуля? Повторяю еще раз. – Отпустив оружие, Элеум демонстративно вытянула в сторону наемника руку и принялась медленно загибать пальцы. – За спиной не стой, ручками под плащом сильно не шеруди, стволом в меня и Райка не тычь, даже невзначай; как я в кусты хожу – не пялся. Все, ведь, просто. – Покачав оставшимся не загнутым средним пальцем перед лицом стрелка, наемница раздраженно отвернулась.

– Девонька, моя винтовка только в базовом комплекте шестнадцать кило весит [19]. А у меня ресивер усиленный, ствол матчевый удлинённый, оптика, ночник встроенный, сошки складные, дальномер, ложе со стабилизатором, заказной пламегаситель, приклад модифицированный с пружиной, затыльник резиновый... – медленно опустив руки, попытался объяснить снайпер. – Тяжелая она, понимаешь, даже без боекомплекта тяжелая, а я на себе еще полтинник патронов к ней тащу. Чувешь – случайно это вышло.

– Да мне как-то без разницы. – Задумчиво проведя ладонью по упрямо торчащему гребню ирокеза, наемница внимательно оглядела верхушки гигантских сосен, возвышающихся по обе стороны дороги, искривленных, будто вывернутых руками невидимого великана, густо поросших лишайником. – Еще раз ткнешь оружием в мою сторону – наделаю дырок в брюхе и скажу, что так и было. – В руке девушки вызывающе сверкнул длинный, зловеще выгнутый нож. Картинно покрутив оружие между пальцев, Элеум повернулась к снайперу. – Понятно объясняю, сладенький?

– Слушай, Дохлая, я, ведь, уже извинился. Ничего личного. Бизнес. – Седой стрелок, в несколько шагов поравнявшись с девушкой, подчеркнуто медленно принялся перевешивать свое оружие с одного плеча на другое. – Ты, ведь, сама знаешь, как оно в жизни бывает.

– Да я и не осуждаю, – слегка раздраженно почесала переносицу Ллойс. – Но руками, все равно, особо не шебурши, хорошо? И в друзья мне набиваться тоже не надо.

Слепой Пью обиженно поджал губы и отвернулся. Собственно, этого наемница и добивалась. День выдался жарким. Выспаться не удалось, ночью в поселок пришел караван, и общинный дом почти до утра сотрясался от пьяного хохота расслабившихся по случаю долгожданной стоянки торговцев и визга приведенных из борделя девиц. К тому же совершенно не вовремя разыгрались давние страхи. Не помог ни нож под подушкой, ни забитый под дверь, загодя запасенный деревянный клин. Голова гудела от недосыпа. Стесанные костяшки немилосердно чесались. Разговаривать не хотелось. В очередной раз окинув взглядом густой подлесок, Ллойс покосилась в сторону скриптора, хмуро наблюдающего за перепалкой, слегка хромающего и гнущегося под весом собственного снаряжения, но пока что стойко переносящего трудности шестичасового перехода, и начала вспоминать...

– Сколько?! – Возмущенно выпучив глаза, наемница ошарашено переводила взгляд с наполненной густо-коричневой мутью стеклянной бутылки на расплывшееся в самодовольной улыбке лицо продавца и обратно.

– Таки, семнадцать серебром. – Торговец в двадцатый, наверное, за последние полчаса раз смерил оценивающим взглядом увешанную подсумками, патронташами и пулевыми лентами фигуру наемницы, видимо, оставшись не слишком довольным увиденным, осуждающе цокнул и несколько нервно подергал заплетенную в косичку свисающую с виска прядь волос. – Меньше не могу, это, ведь, довоенная технология, сейчас таких не делают.

– Так она еще и старая?! – Возмутилась Ллойс. – Да эта дрянь, наверняка, уже прямо в бутылке стухла!

– Ошибаетесь, любезная, – обиженно затряс толстыми щеками продавец. – Это в пластике газировка тухнет и в тепле, а если в стекле, да в хорошем холодильнике... Мне ее из самого Риноса привозят. Там, сами знаете, уважаемая, склады национального резерва были и настоящий бункер. – Глаза торговца мечтательно закатились. – Рефрижераторы, что от атомных реакторов питаются, говорят, до сих пор работают. Так что, семнадцать, и не граммом меньше. Если хотите, могу предложить местную вишневую по двенадцать.

– За сколько? – Еще больше округлила глаза Ллойс. – Да я в Сити за двенадцать половину ящика купить смогу.

– Это в Сити. Там порт – те же склады. – Пожал плечами продавец. – А нам сахар закупать приходится. Да и само газирование – процесс непростой.

– Ну, хорошо, – громко вздохнув, девушка отставила в сторону тяжелую, выполненную в форме ракеты стеклянную бутылку. – А мясо-то почему такое дорогое? Его тоже покупаете? Скотный двор, – наемница раздраженно мотнула гребнем ирокеза, указывая куда-то за спину продавца, – у вас что, для красоты?

– Конечно, – кивнул торговец. – Это же свинина. Только для пришлых и держим. Но если для вас это слишком дорого, могу предложить питательную смесь. Отличная вещь. Легкая, питательная, не портится, мы ею, правда, собак кормим...

– Вот сейчас не поняла, – нехорошо прищурившись, Ллойс положила руки на карабин. – А ты сиди, пока я из тебя девочку не сделала, – оскалив зубы, прошипела девушка начавшему было вставать с расположенного у входа стула охраннику. Коротко глянув на смотрящий в его сторону ствол оружия, детина с бритой головой, почему-то прикрытой на макушке нелепо маленькой, несущей совершенно неясную функцию шапочкой, оценив калибр, примирительно поднял руки и рухнул обратно.

– Рафаэль, твоя работа – выкидывать буйных гостей, если я не ошибаюсь. – Вопросительно приподнял брови Торговец.

– Вертел я такую работу. – Громила демонстративно скрестил на широкой груди похуже на окорока руки и откинулся на жалобно затрепавшую от навалившейся на нее нагрузки спинку сиденья. – Сам накосычил, сам и разгребай.

– Слышал? – Кровожадно усмехнулась наемница. – Даже твои друзья считают, что ты – грубиян. Так что, можешь начинать разминать булки. Не бойся, сильно не покалечу. И руки из-под стойки убери, пока я их тебе не укоротила. – Не выпуская из правой как рукоять, так и висящего в укрепленной на поясе кобуре короткого карабина, девушка демонстративно покрутила между пальцами массивный выкидной нож, неведомо как оказавшийся в левой руке.

– Савва сожалеет, не подумав ляпнул. И он не врет. Свинына, действительно, дорогая. Мы не растим свиней, Нежить. И не едим. Вера не позволяет. Нам проще человека съесть, чем свинью. – Непонятно, как старосте это удалось, но Ленивец, несмотря на заменяющие ему конечности бионические протезы и скрипучую дверь, умудрился зайти в лавку совершенно бесшумно. Подойдя к стойке, старик тяжело вздохнул и оперся на выскобленные до блеска, навощенные доски прилавка. Снова вздохнул. Побарабанил металлопластиковыми пальцами механической руки по нарядно сияющему полированному дереву и придавил продавца тяжелым взглядом. – Шалом, Савва. Ты, ведь, знаешь, что эта гойка – наш хороший друг? Что она вместо того, чтобы предъявлять нам претензии, подарила нам отличный пулемет? Или твоя мать не объясняла тебе, что такое дружба?

– Моше Ааронович, при всем уважении, знаете, где я таких друзей видал? У Абрамчика до сих пор голова кружится...

– Авраам повел себя, как поц. Вежливее с людьми надо быть, нельзя людям так с ходу оружием в лицо тыкать. Во всяком случае, тем, кто им себе на хлеб зарабатывают. Не для того оно ему дано было. И ты, Аарон, сейчас тоже ведешь себя, как поц. Грубишь гостя. Позоришь общину, портишь мне настроение.

Хозяин лавки и староста несколько секунд сверлили друг друга глазами. Неожиданно плечи продавца поникли. – Две серебром за литр. Свинына вяленная по пять грамм за кило. Пеммикан – два за кило. – Буркнул он еле слышно, и демонстративно скрестив на груди руки, отвернулся.

– Пемми... что? – Нахмурившись, наемница повернула голову в сторону Ленивца. – Это он что, про собачий корм?

– Пеммикан, – улыбнулся старик, – это не собачий корм, это такой сухой паек. Его задолго до войны придумали. Чуть ли не за тысячу лет. Сублимированное мясо, орехи, ягоды и грибы измельчаются, пропитываются горячим жиром и запрессовываются в брикет. Хранится в любых условиях. Не портится. Не плесневеет... почти. Главное – следить, чтоб черви не завелись. Мы им действительно зимой собак подкармливаем иногда, чтобы не болели. Но в основном, его наши охотники берут. Если не веришь, могу при тебе сам кусок съесть. Савва не возражает, правда? – Глаза старосты весело блеснули. Толстый продавец что-то неразборчиво буркнул себе под нос и, достав из кармана жилетки не первой свежести тряпку, принялся смахивать с исцарапанной стеклянной витрины несуществующие пылинки.

Наемница с нескрываемым подозрением посмотрела сначала на старосту, потом на продавца, и неожиданно заговорщически подмигнула сидящему с неприступно-гордым видом на своем стуле охраннику. Здоровяк заметно смутился и покраснел.

– Хватит мне молодежь портить, – слегка раздраженно буркнул староста, – что, думаешь, не знаю, какой погром ты утром в общинном доме устроила? Не знаю, как теперь перед купцами извиняться... Да и девочек напугала.

– Да ладно, не больно-то и хотелось... – Фыркнув, девушка, выщелкнула из пачки, выуженной откуда-то из-за пазухи, сигарету, сунула в рот, но, натолкнувшись на осуждающий взгляд привалившегося к прилавку Ленивца, с тяжелым вздохом убрала сигарету за ухо. – Сам же говорил – все развлечения в борделе, а мне эти уроды спать не давали.

– Это не повод выкидывать людей из окна... – Тяжело вздохнул Ленивец.

– Я выпить спустилась, а он ко мне приставать начал, – пожала плечами наемница. – Я просто объяснила, что он не прав. Потом другие подтянулись. Слово за слово... Ваша охрана,

кстати, прибежала, только когда все кончилось. Не больно-то ты за порядком следишь. Или надеялся, что меня под шумок на ножи поднимут?

– Проехали, махнул рукой старик. К тебе претензий нет. Лечение караванщиков и ремонт мебели за счет общины, а тебе скидка на все товары. В качестве извинения, так сказать.

– Скорее, в качестве благодарности, что не перерезала половину ваших охотников, что к драке подключились, – фыркнула наемница.

– Сказал же, проехали, – фыркнул Ленивец. – Хотя... в свое время я много бы отдал, чтоб такую девку к себе в общину заманить. – В глазах старика заиграли бесенята.

– Моше Ааронович, да что вы такое говорите, – возмутился Савва. – Дикарку, да еще и не нашей веры – в общину...

– Заткнись, а... – Досадливо поморщился староста. – И обслужи, наконец, нашу подругу.

– Литр колы, два кило свинины и килограмм этого пемми... кемпи... пемки... в общем, той собачьей дряни. – Выудив из кармана солидно звякнувшего подсумка горсть весело блестящих на свету монеток, Ллойс с треском припечатала их к прилавку.

– Сейчас, только серебро проверю, а то оно что-то...

– Савва, сходи, погуляй и Рафаэля с собой возьми, подышите свежим воздухом, а то вон какие бледные, я сам нашу гостью обслужу. – Раздраженно перебил торговца староста. Подождав, пока спина возмущенно пыхтящего продавца скроется за дверью, старик с видимым наслаждением поковырял в ухе и развернулся к наемнице. – Олух царя небесного. И кто ему лавку доверил?

– Ты сам, наверное, и доверил, – насмешливо фыркнула наемница.

– Это я, видимо, плохо подумал. Неправильно. Надо будет кого-нибудь другого сюда поставить, – цокнул языком старик. – Как я понимаю, ты нас уже покидаешь? Жаль, девочка. Тебе бы отдохнуть недельку, а лучше – две. Поживешь у нас, развеешься. С парой хороших людей тебя познакомлю...

– Не понравилось мне тут. В борделе мальчиков нет, да и дерьмом что-то слишком воняет. – Отрицательно качнув головой, наемница, немного подумав, извлекла из-за уха сигарету. Громко хрустнуло колесико кремня.

– Мальчиков? Да я тебе, хоть, сейчас десяток организую, – криво усмехнулся Ленивец. – И с общинного дома в нормальный переселю.

– У меня уже есть контракт. – Девушка отрицательно мотнула головой, отчего по комнате, заставив старосту поселка болезненно поморщиться, начали расплзаться облачка сизого дыма. – И смысла от него отказываться я не вижу. Кстати, а чего он на меня так взъелся?

– Так свадьба же скоро, – пожал плечами старик, – а ты его жениху нос сломала.

– А-а-а... хм... ну.. к-ха... да... – поперхнувшись дымом, неопределенно протянула Ллойс. – То-то мне твой телохранитель слишком гладеньким показался. А он как, однолюб? Или ты с ним тоже... отдыхаешь?

– Вот и я о том, девонька, – видимо, с трудом сдержавшийся от того, чтобы не сорваться на крик, староста налился дурной кровью, зло прищурился и снова принялся выбивать по стойке замысловатую дробь. Сервоприводы бионического протеза чуть слышно загудели от необычной нагрузки. – Как от века известно, человек – не скотина. Человеку отдых нужен. А ты с одного дела сразу на другое. Тяжело это, для здоровья вредно. Беречь себя надо. А развлеченья, я уже сказал, если хочешь, мы тебе найдем. И домик получше, чтоб выспаться никто не мешал... – Снова испустив полный вселенского горя вздох, староста вопросительно посмотрел на курящую девушку. – Могу сигарет хороших достать, водки чистой...

– Нет, – отрицательно качнула головой девушка.

– Просто скажи, чего ты хочешь, а? – Вдохнул староста. – Хочешь, Саава тебе каждое утро пятки чесать будет?

– Нет у тебя того, что мне нужно, Ленивец, – выпустив дым через нос, наемница оглянулась вокруг и, не найдя ничего подходящего, стряхнула пепел на сверкающие чистотой доски пола. – Да и не верится мне в твою заботу.

– Жаль. – Разочарованно цыкнув зубом, староста обошел прилавок и начал выкладывать на него завернутые в толстую, провощенную бумагу свертки. – Значит, с потрохами тебя этот малец купил. Он и меня очень ловко обошел, пацан этот. Сопляк – сопляком, а потом раз, и как переключили. Не говорит – вещает. Проповедует, мать его. Да так складно и ловко все поворачивает. Так проникновенно говорит, что я чуть в ноги ему не упал, во всех грехах каясь. А он меня простил. Два кило серебра. Лучшее снаряжение... И все добровольно, и с песней. – Покрытое морщинами и шрамами лицо старика страдальчески сморщилось.

– Яблок сушеных еще возьму. – Ткнула в подвешенную на стене мелкоячеистую сетку, набитую искомым продуктом, наемница. – И рыбки вяленой. Любопытно, а вчера ты мне клялся, что у тебя серебра почти нет. Не сезон, мол.

– Не сезон. И серебра действительно нет. Для тебя нет, – раздраженно отмахнулся староста, – и для него... не было. На новые семена были, на запчасти для ветряков и насосов, на пленку для теплиц... ну и «за охрану» Операторам, конечно.

– Так вы, ведь, на землях Легиона, вроде как? – Сделав очередную затяжку, наемница раздраженно затушила окурок о покрытую лаком стойку и, развернув один из свертков, принялась с недоверчивым видом принимать к содержимому. – Это и есть пеммикан? Тухлым салом пахнет.

– Есть немного, – кивнул староста, – но не бойся, он всегда так пахнет. А что до Легиона... Мы на самой границе. А это значит, что железячники сюда хорошо, если раз в год ходят. Да и то только, чтобы урожай ополовинить. «На нужды священного похода». Нужды... знаю я их нужды, сам по таким в сортир по пять раз за ночь и день бегаю. – Досадливо сплюнул старик. – Даже дежурного «протектора» здесь не оставили... сволочи... – Позвякивая стеклом, Ленивец выставил на прилавок шесть заполненных почти непрозрачной темно-коричневой жидкостью бутылок. – Бери-бери. За счет заведения. В качестве извинений от меня и этих шлемазлов. А Операторы рядом, каждый месяц, считай, заходят. Думаешь, мы медшотами просто так заниматься начали? Кустарями прямо на землях Легиона стали, шеей рискуя? От жизни сытой?

– Да мне как-то...

– Наплевать, – закончил за наемницу старик. – Всем наплевать. А нам выживать надо. Народ хранить, чистоту крови. Веру блюсти.

– А что это за вера такая, – хмыкнула наемница, – что человека съест разрешает, а свинину нет?

– Запрещает. Только... про свинину все помнят, а про человека... Про человека еще до войны многие забыли. Не только наши...

Ллойс согласно покивала головой. Во время Черных лет случалось разное. Сколько бы ни было выпущено ракет, сколько бы радиации и ядов не было вылиты на многострадальную Землю, некоторые территории «накрыло» далеко не сразу. Маленькие городки, крупные поселки, если, конечно, не имели важных производств и военных баз неподалеку, от первых ударов почти не пострадали. Кто поумнее, сразу из них уехал. Подальше, в самую глушь. А кто нет... Несколько лет непрекращающейся зимы и ночи, страшные морозы, дефицит пригодной для питья и полива воды, скученность и эпидемии из-за разносимой радиоактивным ветром заразы превратили подобные места в подобие гигантских котлов, в которых на жирном людском бульоне взрастало нечто новое, намного более страшное. Люди зверели, сплывались, менялись и мутировали, организовывались в банды, часто возглавляемые наполовину сумасшедшими самопровозглашенными пророками и «мессиями», а потом сметающей все на своем пути волной выплеснулись в Пустошь, пожирая все, подобно саранче, воюя, перемешиваясь и

плодя на своем пути еще более странные культы и секты. Сейчас, конечно, все уже давно более или менее успокоилось, но за время своих скитаний Ллойс не раз видела общины, приносящие жертвы зловеще выглядящим идолам, дважды набредала на поселки, живущие в ожидании скорого пришествия «Красного Клауса» – волшебного мужика в красном бронежилете и здоровенной, дурацкой с виду, широкополой украшенной пулеметной лентой шляпе. Согласно вере местных однажды Клаус раздаст им оружие и поведет в бой против неверных. Несколько раз ей довелось встретиться с группами чудаков, требовавших у нее «пожертвовать» всё имеющееся у наемницы «кровавое» серебро на постройку ракеты, которая отнесет всех истинно верующих на Луну, где они начнут строить Новое общество. А пару лет назад девушке еле удалось унести ноги из гостеприимной на первый взгляд деревеньки, где пришлыми кормили «Деда» – гигантского, под тонну весом упыря-переростка, обитающего в подвале разрушенной церкви. Однажды она даже попала в общину желтых монахов – поселок, выстроенный вокруг неразорвавшейся тактики. Впрочем, после осознания этого факта пробыла она там меньше минуты.

– Не нужно тебе это, не забивай голову. – Выложив на прилавок последний брикет сублимированного мяса, староста побарабанил пальцами по столу и раздул щеки. – Во время войны, когда я еще салабоном был... Почти как ты... Тогда нас в центре учебном не только стрелять и сортиры драить учили. Лектор у нас хороший был. С понятием. Имени не помню, только кличку – Пастор. Он тоже... Вещал... Мы все у него, как под гипнозом сидели. Да и вещи он нам полезные рассказывал. Про то, какие дроны, киборги, автоматы и прочая дрянь бывает. Какие имплантаты и где делают. Какой дурью, своей и вражеской можно и нужно в бою колотья, а какой не стоит. И много еще чего полезного. И секретного, ну, по тем временам секретного. Про генные модификации, например. Редкие нанокультуры и их свойства... – Старик горестно покачал головой. – Да уж... Много воды утекло... Почти семьдесят лет, а как будто вчера было...

– Решил устроить вечер воспоминаний, сладенький? – Поинтересовалась, с подозрением осматривая связку сушеной рыбы, девушка.

– Я всю ночь ворочался, думал. Не так что-то с пацаном тем. – Продолжил старик, не обратив совершенно никакого внимания на наемницу. – Ну не мог этот сопляк меня, как фаршмак, по стене размазать. Только под утро вспомнил. Это «Цицерон» – нанокультура класса экстра, сложная технология. Внедряется непосредственно в мозг, перерабатывает банки памяти, временно перестраивает синаптические связи в нейросети, ускоряют передачу сигналов, выбрасывает в кровь определенные гормоны и много еще чего делает. Но суть такова: человек, получивший инъекцию подобной культуры – идеальный переговорщик. Он будет говорить, двигаться, дышать и даже пахнуть так, чтобы ему людишки хотели подчиняться. Постоянно это работать не может – мозги сварятся. Пару минут всего, но...

– Полезная штука: чуть подрастет, и все девки его будут. – Широко зевнув, Ллойс принялась распахивать припасы по поясным сумкам. – Мне бы такую, ни у кого и мысли бы не было меня кидать. Правда, Ленивец?

– Редкая вещь, – пропустив мимо ушей очередную подначку, кивнул собственным мыслям староста. – Очень редкая. Ее только командирам высшего звена ставили, и то не всем. Вот и подумай, откуда у этого щенка такая радость в котелке болгается. Это, ведь, не просто вливание, тут череп надо вскрывать и вводить в строго определенные места. Чипы управления вживлять... Если я правильно помню, операция около пятнадцати часов длится... Объект... Э-э-э... – Ленивец замялся, подбирая правильные слова. – Фиксируют... Да, фиксируют, снимают крышку черепа, а потом вживляют ему в голову «марку» – хранилище бланка и вспомогательные процессоры. И все это время ты должен в сознании оставаться без наркоза. Такую штуку, не имея команды из десятка врачей и аппаратуры экстра класса, не провернуть. Даже для Легиона невероятная трата ресурсов. Так что думай, девонька, думай. И мой тебе совет:

лучше верни задаток, «заболеи», отдохни тут месяц-другой, а я тебя потом с одним человеком сведу. Контракт простой, но долгий и прибыльный. Никакого кидалова. – Старик обезоруживающе поднял руки, заметив, как насмешливо и недобро прищурилась наемница. – Мне за прошлый раз до сих пор стыдно... Через три недели сюда сын мой придет с обозом. Старший. Ему к Большой соли надо, в Сломанные холмы караван перегнать. Охраны и так двадцать рыл, ты – двадцать первой пойдешь, с тройной долей, кумекаешь?

– Да неужели? – Оскалила зубы девушка. – Счастье-то какое, сейчас разрыдаюсь. Может мне от благодарности сразу штаны снять да нагнуться? Заодно и иммунитет к болячкам приобрету. – Запихав в подсумок последнюю бутылку, Ллойс зашагала к двери. – Пока, Ленивец. Счастливо не увидеться.

– Нежить, если ты не поняла, я тебе место в общине предлагаю. Шанс на жизнь нормальную...

– Не предлагаешь, Ленивец. – Покачала головой девушка. – Сам же понимаешь, что я, всё равно, чужой буду.

– Ладно... – Проскрипел, разом осунувшийся и постаревший староста. – Ладно, девка... Только вот что. Мой тебе совет: купи еще бронник, потолще. Такой, чтоб спину закрывал. Этот Пью – снайпер. Он ко мне сам пришел. В кабаке твое имя услышал. Очень интересоваться стал, куда ты пошла. Как ты выглядела, спрашивал. Морду и партаки твои описать требовал. Думаешь, я ему запластил? Это он мне двести грамм отвалил, чтоб узнать, куда ты пошла. Когда узнал, кто в гипермаркете поселился, сказал, что попытается тебя выручить. Но я ему не поверил. Больно уж он спокойным был. И еще, за полчаса до нашего разговора он к Савве заходил. Наручники искал, ошейник покрепче. И поводок.

– Слушай, Ленивец, ты, вроде, как я поняла, солдатом был? – Неожиданно остановившись на пороге, спросила наемница.

– Ну да, – пожал плечам старик. – Не похож?

– Да не, просто спросить хотела. Про Черные дни много баек по пустошам ходят. Только вот никто не может объяснить – кто с кем воевал? И зачем. Что не поделили-то?

– Да кто его знает, – вздохнул староста. – Сначала страны воевали, вроде как, кто-то биологическое оружие делать начал, а это, типа, против мировых договоренностей. Потом корпорации, потому как кто-то чьи-то контракты, вроде как, в нарушение конвенций перехватил, то ли на плутоний оружейный, то ли на гелий третий, что с Луны везли. Потом – все со всеми... Слишком хорошо мы жили, девочка. Вот с жиру и взбесились... А зачем тебе?

– Счастливо, Ленивец, – повторила Элеум, аккуратно прикрывая за собой дверь лавки.

– И тебе не хворать, – тяжело вздохнув, старик, разглядывая брошенный наемницей окур. Плечи Ленивца, бывшего командира элитного штурмового отряда «Зевс» поникли. – И тебе не хворать...

– А задница у тебя, действительно, ничего, отвлек Элеум от размышлений голос Пью. – Можно и прислониться разок.

– Да не вопрос, только прислонялку когда искать будешь, оптику свою не забудь. – Слегка замедлив шаг, Ллойс снова обернулась к Пью. Губы девушки медленно разошлись в дикой, чем то напоминающей оскал волка перед прыжком усмешке. Черты лица поплыли, превращая его в хищную, голодную маску. – Знаешь, встречала я одного умника, который мне объяснил, что мужики очень часто, как бишь его... «компенсируют». – Буквально, пропела, сделав шаг по направлению к стрелку, наемница. – Это значит, что, чем у мужика пушка больше, тем стручок мельче. А судя по твоей винтовке... С другой стороны, такую мелочь и потерять не страшно. – В руках Элеум будто сам собой появился небольшой, зазубренный нож.

– Эй, Дохлая, шуток что ли не понимаешь? – Примирительно подняв руки, сделал шаг назад Пью. – Я ведь, так, разговор поддержать... С дороги!..

Несмотря на кажущуюся худобу, снайпер оказался жилистым и очень сильным. Во всяком случае, достаточно сильным для того, чтобы наподдав плечом, отправить зашипевшую, словно рассерженная кошка, девушку в недолгий полет, кончившийся на дне скрытого лопухами и репейником оврага. Не успела наемница прийти в себя, как ей на голову свалился испуганно верещащий скриптор. Мальчишка, придавленный весом выделенного старостой, великоватого для него бронежилета пятого класса, словно жук, возился в месиве из грязи, палых листьев и сосновых иголок, пытаясь одновременно встать, поправить съехавший на нос, болтающийся на макушке «тактический» шлем, с укрепленным на боку инфракрасным фонарем. В приливе паники он пытался выпутаться из перекрутившегося, обвинившего его горло и, видимо, серьезно при этом придушившего ремня изъятой из арсенала Свиного холма АICW VX3[20]. Прикинув, что случится, если у скриптора получится это сделать, Ллойс навалилась на мальчишку, и предусмотрительно прикрыла его рот ладонью.

– Ну, что за молодежь пошла. – Обнажил в широкой улыбке кривые желтые зубы снайпер, задумчиво разглядывающий распоротый наемницей минимум в четырех местах добротный плащ, прыгнувший в прыжок следом за ними. – Чуть в кусты, так сразу миловаться. Дохлая, а если бы на мне броника не было?

– И слезинки бы не пролила... Как думаешь, заметил? – Прошипела Элениум, продолжая вдавливать в землю отчаянно мычащего подростка, и настороженно выглянула в виднеющийся между помятыми листьями просвет.

– Меня и парня – точно нет: у него форма с размытием тепловой сигнатуры, у меня в рюкзаке подавитель. – Бодро сняв защитные чехлы с оптики, снайпер с громким лязгом передернул затвор. – Тебя – пятьдесят на пятьдесят. И будь добра, не свети гривой... Твой хаер за пять километров видно.

– Ч-ч-что это такое? – Жадно глотая воздух, прохрипел скриптор, наконец-то, освободившийся от душившего его ремня. – По-оче-му?

– Сидим тихо, радость моя, и не квакаем. – Чуть привстав с корточек, стрелок осторожно высунул из оврага голову и тут же нырнул обратно. – Кажись, пронесло.

– Ага, потом штанишки постираешь. – Буркнула девушка и отпустила скриптора. Щелкнув застежкой ножен, высвободила висящий на поясе зловещего вида тесак. И отвернувшись от мальчишки, вонзила нож в землю. Раз, другой, третий.

– Да что...

– Ш-ш-ш, тихо, сладенький. – На мгновение наёмница приложила к губам покрытый грязью палец и продолжила свое занятие. Под ноги ей сыпалась слегка влажная, не успевшая, видимо, просохнуть после недавних дождей земля. Секунд через десять, удовлетворившись получившейся в результате нишей, Ллойс вжалась в нее спиной и принялась забрасывать себе ноги месивом из земли и прелых листьев.

– Вот это ты здорово придумала, Дохлая, – одобрительно кивнул Пью. – Во всяком случае, скан на человека будет не похож.

– А-а-а...

– Хватит мычать, сладенький. Заткнись и слушай, – раздраженно перебила наёмница подростка, все еще сидящего в канаве с растерянным выражением на лице. – И дыши носом, а то сопнешь, как медведь-астматик по весне.

На этот раз скриптор послушался. Замер, даже дышать стал действительно чуть-чуть потише. Из-за поворота дороги раздался едва слышный, будто комариный, писк. Звук быстро приблизился, перерос в еле слышное жужжание, и начал удаляться.

– Дрон, – потрясенно прошептал подросток. – Разведывательный.

– Ага. – Усмехнулся снайпер и, сев на корточки, выставил перед собой винтовку. – И если, это то, что я думаю, сейчас ещё его дружки подойдут.

– Подойдут, даже не сомневайся, – поудобнее перехватив карабин, прошипела наемница. – Только не вздумай палить.

Словно подтверждая ее слова, со стороны прилетевшего разведчика донесся еле слышимый басовитый гул.

– Я, что, похож на идиота? – Вопросительно вскинул бровь Пью. – А кто мне плащ попортил?

– Немного, особенно в профиль, – зло оскалилась Элеум. – Да сам виноват.

– А не сходить ли тебе на...

Куда должна была пойти Ллойс, осталось тайной. Неожиданно далекий, казалось бы, звук раздробился на тысячи отдельных шумов. Рев моторов, металлический лязг гусениц, громыхающий топот, будто по дороге шла какая-то гигантская стальная многоножка. Звуки окружили спрятавшихся в овраге, навалились, придавили. Земля затряслась. Небо закрыла тень. Не далее, как в паре метров от засевшего в овраге отряда, проехало что-то огромное, чадящее пережженным бензином, осыпаясь ржавчиной. За первой машиной показалась вторая, третья, пятая. Обогнув проезжающий по дороге танк, вперед проскакали несколько дронов, больше похожих на безумную помесь собаки и пулеметно-ракетного комплекса, повизгивающих при каждом шаге изношенными сервоприводами Следом за «псами» величественно прошагало нечто, имеющее, по крайней мере, десяток «ног». Снова автоматизированные танки. На этот раз на броне сидели люди. Хотя, вряд ли их можно было назвать людьми в полном смысле этого слова. Тускло блестели металлические поршни заменяющих руки клешней и вставленные в черепа стальные пластины, сияли покрытые хромом клыки искусственных, установленных прямо поверх живой плоти челюстей.

– Ржавые, – потрясенно прошептал скриптор, когда из виду скрылась последняя громыхающая изношенным нутром машина.

– Ага. – Аккуратно разрядив винтовку, снайпер вернул патрон в патронташ и, привстав, оглядел опустевший тракт. – А поселку то – труба.

– Точно. Не будет свадьбы. – Согласно кивнув, уже выкопавшаяся из своего импровизированного убежища наемница принялась ожесточенно выбивать грязь из одежды.

– Чего? – Удивленно хрюкнул снайпер. – Какой свадьбы?

– Потом объясню, – отмахнулась девушка. – Ну, что за день. Все мытье – коту ректально. Суток не прошло, – буркнула, вытаскивая застрявшую в волосах сухую веточку, Ллойс. – Пошли, говорю, пока остальные не пришли. – Кое-как вытряхнув из одежды грязь, девушка неожиданно пошатнулась и с выражением крайнего удивления уставилась на схватившего ее за рукав куртки скриптора.

– Мы должны помочь! Поселок находится под протекторатом Легиона! – Возбужденно выпалил вцепившийся, будто клещ в руку Элеум, подросток.

– Никому мы, парень, ничего не должны, – раздраженно цокнул языком снайпер. – Там сейчас и боевое звено рыцарей не поможет. А мы что? Три ствола, вернее, два с половиной. Курам на смех. Этим, – рука снайпера махнула в сторону опустевшего тракта, – раз плюнуть и растереть. – Махнув рукой, Пью встал во весь рост и принялся зачехлять винтовку.

– Но...

– Он прав, Райк. – С некоторыми усилиями освободившись от вцепившегося в нее подростка, Элеум выщелкнула из пачки сигарету. – Пошли, пока еще в какое-нибудь дерьмо не вляпались... Твою ж мать! – Отпихнув в сторону скриптора, девушка рыбкой нырнула на дно оврага.

За спиной наемницы раздался скрежет сервоприводов, посыпались камни...

– Ох, – выдохнул, с трудом удерживая равновесие, Райк.

Пью предпочел промолчать. Второй раз за день, проявляя удивительную для человека его возраста резвость, снайпер, схватив мальчишку в охапку, сбил его с ног. И тут их накрыло

очередью. Деревья брызнули щепой, на головы посыпались иголки и срезанные пулями ветки, в двух шагах, уронив в овраг не меньше пары тонн иголок, на дорогу рухнула подрубленная на корню сосна.

– Он по тебе лупит! Нас не видит! – Крикнул Пью, вытаскивая откуда-то из-за пазухи громоздкий пистолет с интегрированным глушителем. – У него камеры не работают.

– Зато инфракрасный сканер прекрасно работает! И система наведения! – Отозвалась, неизвестно как успевшая удалиться от них на десяток метров, Ллойс. Наемница сделала еще пару осторожных шагов, привстала. Карабин коротко рывкнул. Раз, другой, третий. От замершего на дороге, похожего на смесь паука и пса, увешанного оружием дрона полетели куски. Потерявшая сразу несколько камер «голова» робота безошибочно повернулась в сторону наемницы.

– Бесполезно, это «Бульдог»: его даже бронебойные не возьмут, – рывкнул Снайпер.

Элеум, кувырком откатившись со своей позиции, обернулась к Пью. Райк с удивлением понял, что девушка улыбается. – Бегите, я вас потом... – остатки фразы наемницы утонули в грохоте крупнокалиберного пулемета.

– Нет! Я сейчас! – Воинственно передернув затвор, мальчишка попытался подняться.

– Вот щенок! Вскочив на ноги, снайпер выплюнул на землю несколько попавших в рот иглиц. – Бежим!!

– Нет! Мы... – Последним, что увидел Райк, прежде чем на его висок опустилась рукоять пистолета, был покрытый грязью и чем-то красным ирокез наемницы, упрямо ползущей по дну оврага...

Прогнавшая солнце ночь обещала быть безоблачной. Звезды, казалось, неподвижно засевавшие в непроглядной, первобытной тьме космоса, весело перемигивались, озорно заглядывали в прорехи листвы, приглашали взглянуть на вечную красоту творения Создателя. Время от времени небесную твердь прорезал длинный след метеора. Человечество оставило на орбитах достаточно мусора, чтобы он, даже спустя больше семидесяти лет, сгорая в атмосфере, мог порадовать выживших довольно красивым, хотя, и немного жутковатым зрелищем. На небольшой полянке, около почти прогоревшего костра сидело двое. На небо никто не смотрел.

– А она...

– Вряд ли, парень, вряд ли. – Отрицательно качнув головой, седой снайпер достал из-за пазухи небольшую, металлическую фляжку, скрутил колпачок, сделал небольшой глоток, крикнул, скривился, то ли от удовольствия, то ли от горечи напитка и, спрятав фляжку, повернулся к апатично смотрящему на огонь скриптору. – Боец она знатный, по всему видно, настоящий стрелок, мать его, но чтобы «собаку» разобрать, тут пушка нужна. И не одна. А это не просто пес – это «бульдог», тяжелый автономный боевой дрон с усиленным бронированием. Будь нас не трое, а хотя бы пятеро да еще пара крупнокалиберных пулеметов, шансы бы еще были, а так...

– Она четырех Серокожих в одиночку, – шмыгнул носом подросток.

– Смогла, – кивнул наемник. – Сам трупы потрошил. Говорю же, девка – огонь. Даром, что на голову стукнутая. Но это не мутанты. Это боевой робот, парень. Понимаешь? Тут гранатомет нужен. Можно, конечно, попытаться разбить затворную раму пулемета, повредить систему наведения, пытаться повредить гидравлику конечностей, ну, а дальше что? Эта пакость и без оружия с человеком разберется. Сбросит поврежденные узлы, разложит резервные манипуляторы, а дальше в ход пойдут ножи, пилы, клешни, псевдочелюсти. Так что, нет больше Ллойс – Нежити. Померла Дохлая, мир ее праху. – Стрелок тяжело вздохнул. – Жалко, конечно...

– Не верю, – покачал головой скриптор, – все равно, не верю. – Шмыгнув носом, подросток, сгорбившись, спрятал лицо в ладонях. – Почему мы не могли помочь? Дрон, ведь, слепой был, сам же сказал.

– Слепой – не значит тупой, парень. – Равнодушно сплюнув в огонь, седой стрелок достал из-за голенища сапога штык-нож. – Там, ведь, помимо тепловых сканеров чего только нет. Эхолоты, радары, детекторы массы. Вычислил бы он нас, все равно бы вычислил. По звуку, по запаху, по сердцебиению. А у девочки и шансов-то не было. Я еще четыре выстрела, когда тебя оттуда нес, слышал. Потом очередь, выстрел, еще очередь, потом грохнуло сильно – видать, «пес» ракету пустил. И тишина. Плохо это, конечно, когда отряд бойца в самом начале теряет. – Совершенно не обращая внимания на вскинувшегося было подростка, снайпер открыл рюкзак, достал из него поблескивающий металлом пакет и, вскрыв упаковку сухого пайка, положил ее на угли. – Но я бы на твоём месте не особо расстраивался. Теперь, хоть, спать можешь спокойно. Никто тебя во сне не зарежет.

– Это ты о чем, Пью? – Над вскрытым пакетом начал подниматься парок. Остро запахло кашей и мясом, скриптор невольно слотнул слюну и перевел взгляд на меланхолично полирующего здоровенный штык наемника.

– А ты, что, не знал? – На секунду прервав свое занятие, снайпер коротко глянул на парня и захохотал. – Действительно не знал. Вот умора. Ладно, расскажу тебе сказочку. – Неожиданно посерьезнев, стрелок отбросил в сторону покрытую маслом тряпку, убрал нож за голенище сапога и, подтянув ноги, склонился над углями костра.

– Ты ее одежду видел? Штаны, портупея, гамаши эти дурацкие. Брезент, кожа да баллистическая ткань. Ничего необычного. А вот поверх всего этого куртка кожаная. Кожа, видел чья? Знатная шкурка. Мягенькая, как перчатка, да только не всякая пуля ее возьмет. А на плечах да локтях наоборот, как у ящерицы – грубая, морщинистая. Давно, до войны еще, далеко-далеко отсюда жил один народ глубоко в лесах. А еще в тех лесах жили кошки. Кошки были большими, очень большими, кило под триста, и полосатыми, вроде. До войны они вымирали. Почти и не осталось их, котов этих. Но у того народа, все равно, было для них название. Они называли их «амба», смерть на их языке. Да уж... – осторожно поддев кончиками пальцев упаковку с концентратом, снайпер пододвинул ее в сторону подростка. – Ты ешь пока. Я потом. Так на чем я остановился? – Запустив в седые волосы пятерню, Пью задумчиво поворошил веточкой угли костра. – Ах, да. А потом пришли Черные годы. Людей тех не стало, и коты, которых уже некому было «беречь», начали плодиться и меняться. Облысели, клыки вырастили. Больше выросли, как без этого. Намного больше. Сам знаешь, это у нас, людей: чем хилее и мельче, тем больше вероятность, что мутант оформился. У зверья все наоборот. И мутации устойчивей. Эволюция, мать его, – сука бессердечная. – Снайпер снова с раздражением плюнул, обиженные угли тут же зашипели. – Теперь их можно встретить по всему северу пустой. От Светящегося моря до Костяной гряды, от Ямы до Большой соли. На наше счастье их, все равно, мало. Они, ведь, даже поопасней ледяных ящеров будут. Ящер-то что: большой да тупой, а коты хитрые и мстительные, поэтому никто с ними не связывается. Специально на них только одна банда охотилась. Шизанутые на всю голову были, отправлялись за этими котами с одним ножом или не с одним. Может, и брешут люди. Банда та так и называлась – «Атомные коты», а узнать их можно было по таким вот замечательным курточкам. Основа – кот-мутант, а на плечах да локтях шкура снежного ящера. Они их тоже, вроде как, чуть ли не голыми руками ловили. А главная база у этой банды была рядом с селом одним. Красное – община называлась, уж не знаю почему. Там тоже народец был нездоровый. Вместо того, чтобы мутантов разных взашей гнать, подбирали их по всей округе да к себе тащили. «Свобода и равенство. Для людей – ради людей», выдумают, ведь, – Пью фыркнул. В глазах стрелка отразился свет костра. – Путников задарма кормили, раненых просто так, без платы лечили. Будь ты рейдер, мутант или еще какая тварь, им все равно. Заштопают, выходят, а потом, хочешь – оставайся, хочешь

– катись на все четыре стороны. У них даже оружие в поселке запрещено было. Шизики. Ну, а «Коты» их тоже почему-то не трогали. Кодекс, блин. «Помогай близким». «Люди – братья». «Мягкое крепче твердого». Дурачье. Даже данью не обложили, но защищали. А драться они умели знатно. Мало того, что каждый второй в банде мутант, и не просто мутант, а С или даже В класса, так еще они перед боем еще химией всякой обкалывались и обнюхивались до умопомрачения. Говорят, лучше них ножами никто владеть не умел. Но... – Почесав скулу, снайпер с неудовольствием посмотрел на так и застывшего над едой подростка. – Ешь, давай, пока не остыло.

– Да, конечно. – Шмыгнув носом, скриптор достал из нагрудного кармана разгрузки одноразовую ложку и зачерпнул порцию, аппетитно пахнущей мясом и жиром каши. – Расскажи дальше.

– Да что рассказывать, – хмыкнул наемник. – Сколько веревочки не виться... Разрослась община, слухи по пустошам поползли, так что, весть потихоньку до Легиона тоже долетела. Ваши поверили, сразу поверили, что как-то даже странно. Видимо, судьба. Оправили в Красное боевое звено. А те придурки вместо того, чтобы разбежаться да по норам отсидеться, им хлеб с солью на блюде вынесли. Представляешь, идет мутант с двумя головами, скалится в шестьдесят четыре зуба, пятью глазищами хлопает, лапами по брюху лупит и тащит на блюде каравай. «Железному легиону» каравай. – Светло-голубые, водянистые, окруженные сеточкой морщин глаза снайпера на секунду крепко зажмурились. – Как болтают, его прямо там на месте огнематами сожгли вместе с хлебом. А вот дальше вышло уже совсем нехорошо. В общинном доме оказалось, что «Коты» сидели. Если верить байкам, свадьбу справляли. Кто-то вышел поглядеть, что за шум. Кто-то кого-то не так понял. Восемь десятков, накачанных самогоном и боевой химией рейдеров, двадцать рыцарей в боевой броне. Никто не ушел. Легионеров тех, кто еще дышал, на главной площади из их же огнематов подожарили. Несмотря на протесты местных. А потом началась война. Атомные коты, четыре сотни боевиков-мутантов, против легиона. Ну, еще несколько отрядов из стрелков. Из тех, кто жадный и глупый, или из тех, кому то, что Красное обижают, сильно не понравилось. Коты оказались богатыми, очень богатыми. Никто не ожидал, но приехали их старшие в Хаб впятером на двух грузовиках. А уехали с целой армией. Два грузовика с серебром, представляешь? Конвои месяц из города уходили. Пушки, боеприпасы, люди. Сколько народу там полегло, не скажу, знаю только, что почти четыре месяца вся эта партизанщина продолжалась, пока кому-то в Легионе все это сильно не надоело и не грохнули они по Красному тактикой. Знатно получилось: ни Красного, ни банды, ни стрелков. Пять тысяч погибших. – Пью задумчиво почесал за ухом, в очередной раз плюнул в костер и ухмыльнулся. – Это официально. Большая часть выживших, тех, кто с мутациями, в Стаю ушла. Как жарко стало, сразу принципы свои мирные забыли да человечинкой причастились[21]. Из остальных, кого постреляли, кто до сих пор по лесам скачет – железячникам мстит, а кто в стрелки пошел. Матерые посоветовались и взяли, а что такого? Коты людоедами не были, бойцы неплохие, а сканером мы каждого проверяем, кто клеймо [22] получить хочет. Только есть одна деталь. Легионеры поклялись Котов под самый корень извести и слово свое исполняют. Аккуратно и методично, как только железнолобые и умеют. А Коты, даже бывшие, при любой возможности рыцарей режут. Уж не знаю, что в тебе та девка нашла, почему сразу кишки не выпустила, только, думается мне, недолго бы это продлилось. Счетец кровавый больно велик. Так что сегодня, – весело прищурившись, снайпер подтянулся к пакету с кашей, – у тебя, считай, смерть со спины свалилась. Ну, давай, – стрелок снова извлек из-за пазухи небольшую фляжку, – помянем, душу ее язви...

В темноте хрустнула ветка.

– Обо мне, небось, треплетесь? – Ухмыляясь во все тридцать два зуба, вышедшая к костру наемница оглядела застывших мужчин. Выглядела Ллойс плохо: белая как мел, вся покрытая грязью, копотью и потеками машинного масла, с коркой запекшейся над бровью крови.

Девушка с трудом сохраняла стоячее положение. Глаза Элеум лихорадочно блеснули. Половина подсумков куда-то пропала, исчезла одна из пересекающих крест на крест грудь пулеметных лент, а также кобура с карабином. На бедрах болтались оставшиеся от чапсов лохмотья. – О, кашка! – Выдернув из рук оторопевшего снайпера пакет, наемница опрокинула его содержимое в широко открытый рот и практически не жуя, проглотила парящую смесь. – Армейские, довоенные, сухие пайки – лучшие в мире! Витамины, минералы, и судя по вкусу, перемолотые ношенные носки! Вкуснятина! А это, что? – Безошибочно повернувшись к фляжке, наемница шумно втянула ноздрями воздух и поморщилась. – Самогон на керосине? Или авиационное топливо? Нет, Пью, ты, конечно, истинный друг, но я, пожалуй, откажусь. Ну... если только немного. – Вырвав флягу из рук поспешно прячущего ее за пазухой снайпера, девушка жадно присосалась к горлышку.

Стрелок длинно и замысловато выругался. Скриптор икнул.

– А жизнь-то потихоньку налаживается, – объявила наемница и, отдав опустевший сосуд снайперу, уселась рядом с Райком. – Слушай, Райк, – голос наемницы стал вкрадчивым, – а подари мне автоматик свой, а? Ты, ведь все равно, из него стрелять не умеешь. А мне он нужен. У меня злой дрон, представляешь, какое несчастье, карабин сожрал. Не, ну ты представляешь, так вот НЯМ!! – клацнув зубами перед носом отшатнувшегося мальчишки, Элеум как бы невзначай положила руку на цевье винтовки и потащила ее к себе. – И нет, у меня больше пушки.

– Она под кайфом, судя по поведению – амфетамины или что-то похожее, иначе бы давно упала, – со вздохом пояснил стрелок. – Сейчас лучше с ней не спорить.

– Под ка-а-айф-о-о-м. – Растянув губы в широкой улыбке, наемница потянулась к автомату второй рукой. – Как грубо, Пью. Ну, если совсем чуть-чуть-чуть-чуть. Меня уже почти отпустило, правда... Но пока еще хорошо... Райк... А, Райк. – Практически пропела наемница, – отдай винтовку, а я тебя поцелую. Тебя ведь, наверняка, кроме мамки никто не целовал? Ты не бойся, тебе понра-а-вится...

– Не отдам. – Вцепившись в винтовку, подросток, с силой потянув оружие, вырвал его из рук с трудом удержавшей равновесие, явно не ожидавшей такого отпора девушки. – Боец железного легиона никогда не расстается с оружием, – выпятив челюсть, продекламировал подросток. – Оружие бесполезно без меня, я бесполезен без оружия. Таких много, но это – моё. Я его часть, оно часть меня...

– Тьфу. Железячник. Всю романтику момента убил. Не обломится тебе, Райк. Меня от проповедей легионеров только блевать тянет. – Мгновенно потеряв интерес к автомату скриптора, Ллойс, обиженно оттопырив губу, задумчиво посмотрела в сторону Пью.

– У меня лишних стволов нет, – отрезал перехвативший ее взгляд снайпер. – Поцелуями не интересуюсь. Не хватало еще заразу какую-нибудь от тебя подцепить. Достаточно того, что самогон весь выдула.

– Злые вы. – Хмыкнула девушка и, покопавшись за пазухой, выудила оттуда мятую сигарету. Тяжело плюхнувшись на землю, принялась рыться в поисках зажигалки. – И что мне теперь делать?

– Ножами пользуйся. Ты умеешь. У тебя вон их три штуки. – Злорадно оскалил зубы Пью.

– Восемь, – поправила его наемница, откинувшись на спину и, глубоко затянувшись, выпустила в бледнеющее небо струю дыма. – Нет... теперь пять... А дрона я все-таки расколупала. Он меня километров десять по лесу гнал. Мозоли натерла, задницу ушибла, поцарапалась вся. Аплодисментов не требую, лучше, дайте автомат, не оставляйте несчастную девушку беззащитной..

– Соберись, – буркнул снайпер. – Давай, попытайся сосредоточиться и выкладывай, что сказать хотела.

– А... Да, – коротко хохотнув, девушка провела по лицу ладонью, окончательно размазывая по нему смесь из крови, грязи и масла. – Умыться бы... По дороге дальше пути нет. Такое ощущение, что ржавые сюда всей кодлой приперлись.

– Набег? – Недовольно нахмурился снайпер.

– Не знаю. – Пожала плечами Ллойс и, запустив руку за пазуху, принялась ожесточенно скрести кожу на животе. – Как же чешется! Чёрт, чёрт! Здесь клещей нет?

– Не отвлекайся, – зло скрипнул зубами Пью.

– Может, и набег. – Не прекращая своего занятия, проворчала девушка. – Я не спрашивала. А может, их кто-то сюда гонит.

– Выдавить сильнейшую банду Пустоши с обжитых территорий? Не смехи мои подошвы. – Отмахнулся стрелок. – Кстати, в двадцати метрах на север родник. Вода не фонит, ядов нет. Искупаться, может, и не получится, но барахло постирать и рожу вымыть сможешь.

– Спасибо, ты – истинный боевой товарищ... – Задумчиво кивнув, нашедшая все же зажигалку девушка прикурила сигарету и сделала глубокую затяжку. – Вопрос в другом. Напрямки в Хаб нам не пробраться. Здесь оставаться тоже нельзя. Возвращаться назад, опять же, не вариант. Через пару дней в здешних лесах от дронов будет не продохнуть.

– Дай-ка подумать. – Пью почесал скулу. – Попробуем с запада обойти?

– Там земли Операторов, и горячих мест, как у него на заднице прыщей, – скептически хмыкнув, наёмница ткнула в сторону скриптора, продолжающего прижимать к себе автомат и настороженно поглядывающего в сторону Ллойс. – Загонят в два счета. Если хочешь оказаться на рабском рынке, тогда давай, вперед.

– Не прямо на запад, а на северо-запад. Через земли Стаи. – Досадливо поморщился снайпер. – Там, ведь, проблем не будет?

– Не будет, – согласилась Ллойс после некоторой паузы. – Какие проблемы – сразу в котел, да сожрут со вкусом.

– Понятно, – медленно кивнул стрелок. – Предлагаешь на восток?

– Ха! Еще больше «горячих» мест, пара городов-могильников, мутанты, стаи упырей, радиоактивный туман... – Девушка вытянула губы трубочкой и глупо захихикала. – Ну, кто откажется от такой замечательной прогулки?

– У тебя от твоей дури крыша едет. Западный путь безопаснее, – покачал головой Пью. – Даже если у тебя нет дружков в Стае...

– А с чего им там быть? – Опасно прищурилась наемница.

– ...Все равно мы идем на запад. – Закончил свою мысль снайпер.

– Это ты идешь. – Тщательно прицелившись, Элеум щелчком отправила окурок в костер. Промахнулась. – А мы с Райком идем на восток.

– Я сказал...

– Мои воины хороши в бою, но забывчивы. – Ровный безжизненный голос скриптора прервал разгорающийся спор настолько неожиданно, что на мгновение в лагере повисла звенящая тишина. Казалось, даже огонь стал гореть совершенно бесшумно. Ни треска веток, ни еле слышного гула пламени. – Я вас нанял, а значит, мне решать, каким путем идти. Если мы пойдем на запад, сколько дней будет потеряно? – Немигающий взгляд подростка буквально впился в лицо снайпера. – Говори, воин.

– Пять, может, шесть, но в любом случае не больше недели. – Нервно дернув торчащим кадыком, стрелок попытался отвернуться, освободиться враз от гипнотического взгляда подростка. Не получилось...

– Теперь ты, – плавно повернулся к наемнице скриптор.

– Не знаю. – Казалось, мгновенно протрезвевшая девушка, так же не моргая, не сводила глаз с переносицы подростка. – Крюк километров триста. Болота, туманы. На границы Мертвых земель обычно не суются. Если верить байкам охотников и торговцев, там полно заражен-

ных мест, а упыри и волколаки бродят целыми стаями. Еще там настоящий рассадник диких мутантов и беглых рабов, но, по-моему, торгаши всегда любят приврать, на самом деле, похоже, там не слишком опасно. Две-три недели минимум.

Некоторое время подросток внимательно изучал напряженное, покрывшееся испариной лицо наемницы, потом медленно кивнул.

– Идем на восток, – заключил он и, пошатнувшись, начал падать головой в костер.

– Эй, Райк, ты чего? – С невероятной скоростью вскочившая на ноги Ллойс, спасая лицо скриптора от соприкосновения с углями, дернула парня за шиворот и повалилась вместе с ним на спину.

– А? Что? – Непонимающе заморгал опаленными ресницами подросток. – Голова закружилась, простите. Что-то мне нехорошо.

– Ага. – Кивнула не спешащая встать наемница. – По всему видать, что нехорошо. Было бы хорошо, ты бы угли тогда пастью не черпал... Мы только что решили, что на восток пойдём. А еще ты обещал мне отдать свое оружие. – Широко улыбнувшись, Ллойс повернулась к стоящему на четвереньках подростку и хищно покосилась на упавший в траву автомат.

– Да... восток... точно.., – нахмурился Райк, – помню. А оружие... – лоб мальчишки страдальчески сморщился, – ... нет, не помню.

– Да как не помнишь, вон он свидетель, хочешь, тоже подтвердит!? – Возмущенно ткнула в сторону Пью, с ухмылкой наблюдающего за разыгрывающейся перед ним сценой.

– Нет, я... – скриптор несколько раз моргнул, – ...я, наверное, имел в виду запасное оружие. – Открыв клапан разгрузки, подросток извлек из него Ruger SR9 [23]. – Мне его еще Дядька... то есть, Искатель Данс подарил. У меня к нему, правда, патронов нет, но там в обойме еще девять осталось. Так что, держи. Ты права. Нехорошо, когда совсем без оружия...

– Вот дерьмо. – Вздохнув, наемница взяла пистолет, покрутила его перед носом и убрала в карман куртки. – И что мне с этой пукалкой делать? Застрелиться?

– Вообще-то, двадцать второй калибр очень даже неплох, – ворчливо заметил скриптор. – Звук тихий, отдача маленькая, точность невероятная, а убойная сила – на человека с лихвой хватит.

– Ага, то-то ты его в разгрузку сунул, – проворчала Элеум и глубоко вздохнула. – Как я понимаю, одеялом никто с бедной замерзшей девушкой тоже не поделится...

– Ну, почему, красавица, – вскинул брови снайпер. – Добро пожаловать, у меня спальник большой. Заодно и самогон отработаешь.

Элеум устало тряхнула головой, провела ладонью по залитому свернувшейся кровью гребню ирокеза и широко улыбнулась: – Заманчиво. Но лучше я у тебя его просто отниму, – вяло буркнула она.

– Можешь попробовать, – весело ощерился стрелок. – Возможно, нам это даже понравится. Мне уж точно.

– У меня тоже спальный мешок двухместный, – неожиданно заявил скриптор и тут же покраснел до корней волос. – С подогревом от солнечных батареек.

– Круто. Учись у молодых, дедуля! – Демонстративно покачивая бедрами, наемница села рядом с подростком и обняла его за плечи. – Вздумаешь распускать руки, отрежу ухо, – заявила она шепотом.

– Да я не... Мне просто... Нельзя на голой земле спать... Сама не заметишь, как застудишься... Особенно, если амфетамины... – Покраснев еще больше, подросток сбросил с плеча руку девушки. – Только одежду все же сними, и умойся, а то все внутри испачкаешь. Кстати, ты где такую колет взяла? Кожа странная...

– Кожа... Ну да... – Рассеяно посмотрев на потертый, испачканный травой рукав куртки, Ллойс задумчиво улыбнулась. – Хорошая кожа, не мокнет, не трескается. Еще и подкладка из кевлара, а в самых уязвимых местах стальные пластины вшиты... Мне ее парень один подарил.

Вернее, я ее на автомат трофейный обменяла... Он веселый был, но не беспредельщик... Как банда-то их называлась? – Девушка зевнула, так широко открыв рот, что было непонятно, как она не вывихнула себе челюсть. – А... да... – Сонно моргнув, наемница навалилась на плечо скриптора. – Какие-то коты. То ли рейдеры, то ли просто бродяги... На самом деле классные ребята. Чистейшим винтом платили... И парень красивый был... И добрый. Улыбался часто. Анекдоты любил рассказывать. Не помню его имени. Года два уж почти прошло... На куртке еще лычки какие-то были, но я спорола, чтоб за рейдера не принимали... И так прическа...

– Понятно, – осторожно кивнул, скриптор. На лице подростка медленно расцвела улыбка. – Тогда понятно.

Ллойс не ответила. Видимо, стимулятор прекратил свое действие. Уснувшая, где сидела, девушка что-то неразборчиво бормотала и громко сопела, положив голову на плечо легионера. Из уголка рта, впитываясь в тканую основу бронежилета Райка, протянулась тонкая ниточка слюны.

– Скинь, а то, наверняка, заблует, – посоветовал снайпер. – Она почти пол литра спирта высосала. Да еще и амфетамины. Всё равно, не проснется.

– Я посижу... жалко... – тихо ответил Райк и покраснел до корней волос...

ПРИМЕЧАНИЯ

19 – Есть у автора такое подозрение, что вооружен снайпер винтовкой Gruvelo SR в комплектации под патрон 20x82мм, которая собственно уже не столько оружие снайпера, сколько противотанковое ружье.

20 – AICW (Advanced Infantry Combat Weapon – передовое боевое оружие пехоты) – перспективная система «оружия XXI века», разрабатываемая в Австралии. Концепция схожа с американской [OICW](#): в одном оружии объединяются автоматический гранатомёт и автомат. Отличия от американской системы – использование в гранатомётной части ствола-магазина позволяет упростить устройство оружия, а также даёт возможность применять гранаты различных калибров. Стрелковая часть обладает более длинным стволом, что увеличивает [эффективность стрельбы](#) обычными пулями. Также в AICW используется электронный прицел-дальномер. Изначально разрабатывалась под калибр 5,56x45 мм NATO, но потом, когда малая эффективность боеприпасов подобных калибров против беспилотных аппаратов, военных роботов и боевых экзоскелетов была признана официально, появились модели и под калибр 7,62x51.

21 – Стая – одна из крупнейших банд, известная своей невероятной, даже по меркам рейдеров жестокостью, подражанием поведению животных, и склонностью к каннибализму.

22 – При инициации стрелкам делают татуировку: череп, пробитый пулей. Самовольное нанесение подобной татуировки ничего кроме неприятностей рискнувшему сделать подобную глупость не принесет. Как минимум, срежут вместе с мясом.

23 – Ruger SR9 – самозарядный [пистолет](#) производства американской фирмы [Sturm, Ruger & Company](#). Изначально разработанный под патрон [9x19mm Parabellum](#) и позже адаптированный под другие наиболее популярные калибры – [.40 S&W](#), [.45 ACP](#) и [.22 LR](#). При толщине рукоятки 30 мм рекламируется фирмой-производителем как один из самых тонких пистолетов с двухрядным магазином. Серия пистолетов SR позиционируется, как оружие для скрытного ношения и самозащиты для гражданского населения и полиции.

Глава 4

Идти становилось все труднее. Сначала исчезли безжалостно обдираемые наемницей прямо на ходу кусты малины и заросли можжевельника. Потом в густом, казалось бы, задушившем всю остальную флору папоротниковом ковре, стали все чаще попадаться проплешины. Деревья покрылись толстым слоем мха. То тут, то там стали видны обросшие странными, ярко фиолетовыми, явно мутировавшими растениями поваленные стволы. Почва зачавкала под ногами, напитавшись влагой, начав выталкивать из себя задорно торчащие метелки хвоща.

– Если так и дальше пойдет, то скоро нам придется плыть. – Посетовала наёмница и грациозно оттолкнувшись от земли, ловко перепрыгнула через полусгнивший ствол огромного, обхватов в пять-шесть поваленного дерева и, подняв целую тучу брызг, приземлилась уже на другой стороне. – Черт.

– Если бы я здесь жил, то поставил бы там растяжку или мину. Как раз для таких удальцов. – Прокомментировал прыжок наемницы, осторожно перелезающий через очередное препятствие снайпер.

– Поцелуй меня в задницу, Пью, – зло прошипела выдирающая ботинки из вязкой жижи девушка.

– Не заинтересован. По этому поводу тебе лучше обратиться к нашему стойкому командиру. – Обнажив кривые желтые зубы в широкой ухмылке, стрелок кивнул на скриптора, с кряхтением форсирующего преграду.

– Больше я его рюкзак не потащу, – поморщилась наемница. – У меня и так все болит.

– А ты ширнись чем-нибудь позабористей, и сразу отпустит, – сочувственно покачав головой, посоветовал стрелок. – Или давай я рюкзачок потащу. Но ты уж будь добра и вечером со мной рассчитайся.

– Пусть сам рассчитывается, – фыркнула всё же освободившаяся из грязевого плена девушка.

– Нет, девонька, не пойдет, – еще шире вытянув руку, наемник принялся демонстративно загибать пальцы. – Во-первых, я не по этой части. Во-вторых, у вас с нанимателем такая дружба, что меня аж завидки берут. В-третьих, это по твоей милости мы по этим хлябям топаем, а в-четвертых... В-четвертых, нечего было на мой спальник блевать.

Покачав перед носом Ллойс получившейся фигурой, стрелок, победно улыбнувшись и уперев руки в бока, повернулся к скриптору, – ну, долго ты там, командир?

– А? – Сражающийся не столько с деревом, сколько со своим не слишком грамотно подогнанным снаряжением, подросток вопросительно вскинул голову и уставился на наемников. От резкого движения сучок, за который держался скриптор с хрустом обломился, объемистый рюкзак качнуло в сторону, массивный «тактический» бронешлем с торчащей на виске коробкой микрокомпьютера и встроенного дальномера-целеуказателя, будто ожидая именно этого момента, сполз на нос, надежно перекрыв мальчишке поле зрения. Не удержав равновесия, бравый воин Железного легиона, вскрикнув, взмахнул руками, уронив попутно автомат, и плюхнулся аккурат в середину скопившейся под поваленной сосной лужи. Поднявшаяся в эпицентре бедствия на добрых три метра волна брызг с шумом опустилась вниз, покрыв все в радиусе поражения ровным слоем, отдающим гнильем и хвоей грязевым покровом. – Ох! – Выдохнул Райк.

– Слушай, командир, а тебя снаряжение вообще подгонять учили? – Страхнув с лица влагу, вкинул бровь стрелок.

– Отвяжись от парня! – Успевшая с невероятной скоростью убраться из «зоны поражения» наемница хихикнула, шагнула к подростку и, протянув руку скриптору, что возился на дне изрядно обмелевшей лужи, с кряхтением водрузила его на ноги. – Слушай, Райк, вот скажи

мне, на кой ляд тебе бронезилет и шлем? – Вопросила она легионера елейным голоском, попутно поднимая заляпанное грязью плексигласовое забрало.

– Не отдам, – буркнул скриптор и, предприняв несколько попыток оттереть лицо, но сообразив, что только размазывает грязь, обреченно махнул рукой.

– А мне-то эта фигня зачем? – Насмешливо фыркнула Ллойс. – Просто не пойму, зачем тебе все это таскать? – Броник тебе велик, шлем... да ты даже подбородочный ремень не застегнул.

– Если застегнуть, то разговаривать неудобно. – Покраснел скриптор.

– Ага, – кивнула наемница, – лучше ведь, когда он с башки при каждом шаге свалиться пытается? И у рюкзака твоего неподъемного лямки расслабить наверняка очень удобно, ну и что, что плечи давит и по спине на каждом шагу бьет, зато как круто смотрится.

– Это ты его утром несла. Я просто обратно под себя подгонять не стал.

– В надежде, что через пару часов я над тобой сжалюсь и снова его потащу, – понимающе кивнула девушка, окончательно вгоняя скриптора в краску. – Но зато свой автомат я лучше всех таскать буду. Стволом вверх да еще на левом плече. Вон, Слепой Пью, по всему видно – крутой дядька, – палец наемницы ткнул в хмыкнувшего стрелка, – свою дурищу так носит, и ничего. Значит, и я буду. А что в грязи оружие утопил, так это не страшно совсем – это ведь не какая-нибудь охотничья винтовка, это ведь довоенный автоматно-гранатометный комплекс, что ему от грязи-то будет...

– Ну... – Смущенно потупился скриптор. – Я это... Спасибо, в общем. – Тяжело вздохнув, подросток начал застегивать ремень шлема.

– Автомат ближе к вечеру вместе переберем, – покачала головой наемница. – А пока, если что, то не вздумай палить. Считай, что это просто железная дубинка. Здоровенная, неудобная и очень дорогая.

– Голубки, мать его. – Зло сплюнул снайпер.

– Не рефлексируй, сладенький. – Наемница мерзко ухмыльнулась и послала снайперу воздушный поцелуй. – Всё равно, скоро по уши измажемся. Как пить дать.

– М-н-нда-а-а... – Озадаченно почесав щеку, Слепой Пью в очередной раз окинул взглядом расстилающийся до самого горизонта, лишь кое-где нарушенный зарослями камыша, искореженными избытком влаги скелетами деревьев и зеркально черными окнами бочагов слегка колышущийся зеленый ковер. И повернулся к усевшемуся прямо в грязь, тяжело дышащему скриптору. – Пришли, точней, приплыли.

– Берегов не видно, но вон там какие-то большие заросли, похожие на лес, а вон там, вроде как, большой холм с парой построек. – Ткнула пальцем куда-то в сторону горизонта, прячущая в подсумок монокуляр, наемница.

– И что с того? У тебя, что, тут катер недалеко припрятан? – Хмыкнул стрелок.

– Лучше – у меня веревка есть. – Элеум провела ладонью по задорно торчащему, несмотря на все случившиеся с хозяйкой в последние дни злключения хохолку ирокеза, покопалась за пазухой и вытащила на свет измятую, слегка надломленную у основания сигарету. Лизнув бумагу, залепила дыру пальцем, прикурила. – Ты, сладенький, можешь прогуляться с ней до ближайшей осины, а мы с Райком обвяжемся, нарежем шестов и пойдём.

– Как два пальца, пиявок нахватаем, – тяжело вздохнул не обративший никакого внимания на подначку снайпер. – Или еще чего похуже. Не нравится мне это место. Тут, вроде, раки-мутанты водились... Вот вцепится такая тварь тебе в самое мягкое место и что делать будешь?

– Есть другие варианты? Предлагаешь обходить? Попадемся напрямиком в лапы к ржавым. Мокроступов наплести? Так тут не болотоходы, тут лодка нужна. – Наемница с видимым наслаждением затянулась, и выпустив дым через нос, повернулась к никак не могущему отдышаться скриптору. – Райк, да брось ты этот рюкзак, и хватит на земле валяться, застудишь еще чего.

– Бывал я в этих местах года четыре назад, но тогда воды тут поменьше было. – Сняв с плеча винтовку, снайпер, укоротив до предела ремень, пристроил оружие на шее. – Резинок нет? Или все с мальцом истратила?

– Чего?! – Поперхнувшись дымом, продолжавшая с задумчивым видом смотреть на болото девушка с удивлением повернулась к стрелку. – Ты что, с дуба рухнул?

– Я хоть ствол Труви прикрою, – с тоской пояснил баюкающий на руках свое оружие стрелок. – А то, ведь, провалимся, как пить дать, провалимся. И не раз.

– А-а-а. Ну ясно теперь, кто тебе жена, любовница, и боевая подруга. – Покопавшись в нагрудном кармане куртки, Ллойс метко кинула в протянутую руку стрелка цветастую упаковку. – Должен будешь. Я их по двадцать серебряков за штуку брала. «Труви», надо же... Снимай рюкзак, Райк. – Задумчиво почесав переносицу, наемница отбросила в сторону погасший бычок, подтянула шнурки окованных по носу железом высоких ботинок, и принялась застегивать замки на куртке. – Жилет свой дурацкий тоже выкидывай. Штука, конечно, полезная но, все же неохота, чтобы ты, когда нырнешь, а ты ведь нырнешь, парень, всех нас за собой уволок.

– Не надо, – покачал головой не на шутку обеспокоенный подросток.

– Надо, Райк, не спорь, – нахмурилась наемница, – понимаю, жалко добро, но пешком по болоту только налегке пройти можно...

– Не надо. – Повторил скриптор и, скинув рюкзак, принялся копаться в его содержимом. – У меня есть лодка.

– Святые Атомы! Ты что, все это время на себе лодку пер? – Чуть не выронил от удивления свое оружие снайпер.

– Лодку, палатку теплую, на случай сильного похолодания, опреснитель и дезактиватор воды, набор инструментов, две аптечки армейские ротные, зимнюю одежду, смену обуви, запас носков, запас масла, газовую плитку, набор складной посуды, сухпак на три месяца и еще кое-что по мелочи. – Подросток гордо развернул плечи. – Собираясь в поход, боец Легиона должен быть готов к любым трудностям!

– Райк, – голос наемницы стал ласковым, вкрадчивым. – Скажи, а у тебя зубной щетки там не завалилось? И расчески? А то, я как-то, – девушка красноречивым жестом потербила грубо связанные узлами в местах разрывов ремни своей обожженной и потрепанной портупеи, – свои потеряла.

– Зубную щетку и расческу? Сейчас! – Широко улыбнувшись, скриптор еще глубже погрузился в недра рюкзака. – Сейчас... Сейчас... Где же они... Так... Набор для чистки обуви... машинка для стрижки волос... пена для бритья, комплект для маникюра... А... вот. – Сияя, будто новенькая, только что вышедшая из-под пресса печатного завода Сити, серебряная [24] монетка, Райк протянул найденные предметы девушке, – вот, еще тюбик зубной пасты, но ты, это... не трать особо. У меня их всего четыре. Если подстричься хочешь, то у меня есть зеркальце и набор ножниц. Но лучше я сам... Мне на базе говорили, что я от Бога парикмахер... Эй, ты чего?

– Восемь... девять... десять... – Пью, распотрошишь его рюкзак? Хорошо? – Несколько раз сжав и разжав кулаки наемница открыла глаза и, широко улыбнулась подростку. – А я пока схожу розги сделаю.

– Да ладно тебе, – фыркнул с трудом сдерживающий смех снайпер. – Ну, сколько ты его рюкзак тащила? Часов шесть, не больше. А лодка нам действительно пригодилась.

– Ты прав, тяжело вздохнула девушка после долгой паузы. – Мне надо было, еще когда мы от Свиного холма отходили, шмотки этого долбоклоя проверить.

– Хорошо, что не проверила, – хмыкнул снайпер. – А то, так бы и куковали тут на берегу. Рюкзак мы, конечно, перетряхнем, но мой совет, давай пока ничего выбрасывать не будем – вдруг пригодится, – Снайпер задумчиво оглядел расстилающееся перед ним пространство и

сплюнул. – Тут, вроде, если память мне не изменяет, поселение мутантское было, в крайнем случае, им продадим.

Наемница скептически оглядела объемистый рюкзак, посмотрела на предательски шмыгающего носом, обиженного, похоже, в лучших чувствах Райка, и раздраженно сплюнула под ноги. – Я это на горбу не потащу, – проворчала она, скрестив на груди руки. – Зеркальце, паста зубная... Я что, похожа на лошадь?

– Немного, особенно, если в профиль. – Пожал плечами Пью. – Но вообще тебя никто и не просит, по воде ведь пойдем, а там видно будет...

– Интересно, почему вода поднялась? – Скорректировав мощным толчком шеста курс лодки, уверенно раздвигающей резиновым носом толстый слой ряски, снайпер обеспокоенно повертел по сторонам головой. – И что в ней водится?

– Если картам верить, тут здоровенная плотина была. Наверняка, все еще стоит, такие штуки на века делали, так что, болото будет и дальше расти, пока через край не польется. Или дамба не рухнет. Что касается местной фауны... Будем надеяться, что этого мы никогда не узнаем. – Вольготно расположившаяся на носу надувного шестиместного судна, девушка опустила окуляр, перевела взгляд на устроившегося в середине лодки, усердно чистящего автомат, старающегося не встречаться с ней взглядом подростка, и устало покачала головой. – Жратвы на три месяца взял, а рожок только тот, что к тарактелке своей примкнул и два в разгрузке. И одна коробка патронов. Одна! Зато есть электрическая машинка для стрижки волос в носу...

– Но насос-то он не забыл. – В очередной раз придав лодке ускорение, снайпер с усмешкой поглядел на втянувшего голову в плечи и попытавшегося стать как можно меньше и незаметней скриптора. – Если бы не насос... – Покрытая следами застарелых шрамов и буграми мозолей рука стрелка нежно похлопала по высоким, поблескивающим металлом армированной ткани бортам. – Мы бы ее и за неделю не накачали. Жаль только – весел нет.

– Весла у нее большие, тяжелые, а лодка пять кило всего весит, – попытался оправдаться натирающий пропитанной маслом тряпкой какую-то мелкую деталь автомата Райк. – Я, когда собирался, строго по уставу рюкзак старался комплектовать. И то половина не влезла... Вот я подумал и выложил самое тяжелое: весла там, патроны лишние.

– Патроны лишние... Долбоклюй... – Отвернувшись от скриптора, девушка поднесла к глазам монокуляр и снова принялась внимательно всматриваться в горизонт. – Уставы твои дурацкие, Райк, написаны для ваших паладинов в силовой броне. Им лишних сорок-пятьдесят килограмм ради личного комфорта – дело не принципиальное. Да и если передвигаешься на байке или квадроцикле, то твой набор с некоторыми поправками, конечно, очень даже к месту. Я и сама не против комфорта, но когда ты своими ногами топаешь... А воевать как, если понадобится? – Левее, Пью. Там из дна арматура торчит.

– Но, ведь, в учебке...

– Вас, когда тренировали и кирпичи вам в рюкзаки, наверняка, подкладывали, чтобы бегать да прыгать веселее было, – раздраженно сплюнула в воду наемница. – Жаль, что своей башкой думать не учили..

– Но ты, ведь, сама мой рюкзак несла... – Виновато втягивающий голову в плечи подросток, лязгая железом, принялся собирать оружие, – Почему сразу не сказала?

– Думала, что у тебя в рюкзаке патроны и жратва. Самое, что ни на есть главное. Видимо, чем-то заинтересовавшись, Ллойс навалившись животом на борт утвердила локти на поблескивающей металлическими нитями арамидной ткани и принялась медленно крутить торчащее сбоку монокуляра колесико, настраивая резкость.

– Вот тут ты, Дохлая, не права. – Криво ухмыльнувшись, снайпер, подняв шест, с силой оттолкнулся от невидимого в черной воде дна. – И за борт не плюй. Сама сказала, мало ли кто тут водится. Учует еще, мать его...

– Почему не права? – Вяло поинтересовалась продолжающая что-то высматривать вдалеке наемница.

– «Самое важное» у каждого свое. – Философски пожал плечами стрелок. – Про репоедов, тех, кто на земле сиднем сидит, говорить не будем. У них самое важное – это крыша над головой да вода. Потому что без воды чистой урожай не взойдет. Поговорим лучше про нас, бродяг.

– Уже смешно, сладенький, – хмыкнула девушка, – еще чуть левее. Продолжай..

– Для торговца, – кивнул в знак того, что услышал, снайпер, – самое главное, это его хлам, что он в своем тряском ящике от поселка к поселку таскает. А для рейдеров – бензин, пожалуй, даже поважнее оружия будут. Потому как без машины с мощным движком он торговца с его барахлом попросту не догонит. А хороший движок бензина требует много. Что до нашего брата, людей, оружием себе хлеб добывающих... – Наемник почесал покрытую неприятной на вид сыпью тощую шею и поочередно ткнул покрытым грязью пальцем в себя, подростка и наемницу... – У каждого своя правда. Это специализацией называется, ну или стилем... У тебя вот, девонька, стиль твой на лбу написан – скорость и натиск. Штурмовик ты. Бой на коротке предпочитаешь. Броню не уважаешь, потому что быстрота важнее. Вернее... – Хитро прищурившись, Пью снова оттолкнулся шестом. – У тебя просто денег на бронник нормальный нет. Чтоб и пулю держал, и двигаться позволял нормально. А вот оружие мощное и патронов побольше, это действительно важно. Чтоб раз – и в ключья. Видел я даже таких, кто автоматам и карабинам слобойные охотничьи штуцера предпочитает или даже гладкостволы нереальных калибров типа четвертого. А что, сто грамм свинца в брюхо – не то, что человек, дрон тяжелый не всякий сдюжит. Второго выстрела обычно не требуется. На самом деле не лучшая тактика, как по мне. Дрянной выбор. Штурмовики, они обычно, долго не живут. И платят им немного. Но зато трофеи они собирают первыми. Ты, кстати, с «пса» того блоки управляющие сняла? Как я понял, ты его ножами раскромсать умудрилась, а значит, вся трубуха электронная у него должна была сохраниться.

– А тебе какое дело? – Убрав оптику в подсумок, наемница, перевернувшись на спину и положив голову на пружинистый борт, словно это была подушка, скрестила на груди руки. – Или считаешь, что имеешь право на долю?

– Значит, сняла. – Удовлетворенно кивнул стрелок. – Это правильно. За схему «виртуального интеллекта» в Сити семь кило серебром дают. Если она, конечно, не сильно покоцанная. Двух рабов можно купить...

– А на кой ляд мне рабы? – Вскинула бровь девушка. – Что я с ними делать буду?

– А что хочешь. – Пожал плечами наемник. – Будут барахло за тобой таскать или пятки чесать на привалах. Если мужики крепкие – на плантации отдашь, если баба не старая или парнишка гладенький – в бордель, на проценты от прибыли жить можно неплохо. А если слишком буйные попадутся, тогда можешь руки-ноги им отрезать и у храма на паперть поставить, типа, калеки убогие, но это уже не то. Если раб беспокойный и драться не дурак, то ему самое место в «ямах». Арена дело такое, что даже на смертниках можно двойную цену выручить, а если твой товар еще и драться обучен, то на ставках, говорят, сильно подняться можно. Азартное место ямы – болтают, мол, даже рабы на себя и друг на друга ставят, некоторым, бывает так везет, что они себе свободу потом выкупают... Но это, конечно, редко.

– Ты про «специальности» свои не закончил. – Широко зевнув, девушка прихлопнула севшего ей на шею здоровенного, чуть ли не в палец величиной комара, задумчиво растерла трупик насекомого между пальцев и щелчком отправила в воду. – Ты продолжай, интересно, ведь...

– Хм, действительно. – Настороженно проследив за расходящимися на воде в том месте, где только что плавал комариный труп, кругами, наемник перевел взгляд водянисто-холодных глаз на внимательно прислушивающегося к разговору скриптора. – Про тебя я уже сказал,

Дохлая. – Криво усмехнувшись, Слепой Пью опять заработал шестом. – Парня недоучили, конечно, но тут и так понятно. Делали из него универсального командного бойца, такого, что и вдалеке и вблизи работать сможет. На скорый контакт никто не рассчитывал. А вот на долгую перестрелку или кучу-малу, где осколков и рикошетов полно, вполне. Потому и цепляется так пацан за свой бронежилет и шлем. Верит, что они ему жизнь спасти могут. По большому счету он, конечно, прав. В помещениях самая опасная сволочь – именно рикошет, а грамотная команда почти с любой задачей справится. С другой стороны, недостатков тоже полно. Во-первых, ты от многого зависишь: от базы своей, от командира, от товарищей. Перед старшими прогибайся, со всеми дружи, каждого с полуслова понимай... Дисциплину блюди. Про Алладина, например, слышала?

– Это тот, который за нарушение приказа помидоры бойцам своим отстреливает? – Поинтересовалась наемница.

– Ага, про него самого. – Кивнул снайпер. – Но вообще то, у него яйца отстреленные – это так, цветочки. Месяца три назад слышал, что он своего помощника катком заживо раскатал. Будто бы тот после боя патроны в общак обратно не сдал... Хмурым наширял, чтоб раньше времени не скопытился и переехал потом. У того, болтают, уже кишки горлом лезли, а он еще ручонками шевелил – уползти пытался. Так что, кому-то такая жизнь нравится, но на мой взгляд...

– А как тогда лучше всего? – Обижено засопев, Райк пристегнул к автомату магазин и, вытравив до предела ремень, принялся пристраивать оружие так, как недавно показала наемница: на груди, стволом вниз и прикладом под правым плечом.

– Да что тут гадать? – Почесав переносицу, явно раздраженная чем-то Ллойс покопалась за пазухой и, видимо, не обнаружив искомого, глубоко вздохнув, положила под голову руки. – Зуб даю, что он сейчас себя пяткой в грудь бить начнет. Снайпер – мол, самая вершина и элита, голубая кость, белая кровь. Один выстрел – один труп. И все такое. Скажет, что шансов словить шальную пулю у грамотного стрелка почти нет, а платят им намного больше, чем рядовым бойцам.

– Наоборот. – Нахмурился скриптор.

– Что наоборот? – Лениво вскинув бровь, поинтересовалась девушка.

– Кость белая, а кровь голубая, – пояснил подросток.

– Да наплевать. – Рассеяно почесав живот под задравшейся футболкой, протянула Элеум. – Никогда еще ни человека, ни мутанта с голубой кровью не встречала, у всех красная. – Видимо, вспомнив о чем-то неприятном, наемница досадливо поморщилась и снова плюнула за борт. – Ты лучше слушай, какие снайпера крутыши...

– Была бы у меня сладкая булочка с маком, девонька, я бы тебе ее подарил. Догадливая больно. – Широко улыбнулся меланхолично работающий шестом Пью. – Что, будешь спорить? Скажешь, что это неправда?

– Правда, конечно. – Равнодушно кивнула Ллойс. – С пары километров врагу в череп пулю всадить не всякий сможет. Я, например, в ваших градиентах, углах, плотности, настильности и прочих премудростях в жизни не разберусь. Для меня метров пятьсот-шестьсот уже предел. Даже с хорошей винтовкой. Неподвижно пару суток пролежать, листьями обвешавшись да дерьмом обмазавшись или на дереве просидеть, в штаны себе нужду справляя, тоже, наверное, не смогу. Грамотный снайпер действительно десятка рядовых бойцов стоит. Он и в одиночку хорош, и в отряде. И без работы такие ребята почти никогда не остаются. Только, вот, одна закавыка есть. Большая часть мутных заказов именно им и идет. Шишку какую-нибудь грохнуть, конкурента несговорчивого припугнуть, беглого поймать. Платят, конечно, немало, но...

– Брезгуешь? – Прищурился Пью. – Зря. Мне, знаешь, сколько за последний заказ заплатили? Сорок восемь кило, если в серебро перевести. Я одним заказом себя на всю жизнь, счи-

тай, обеспечил. Дом купил с водокачкой, землю плодородную, яблони посадил. У меня шесть рабов теперь. А дел-то всего было – одного нехорошего человека подстрелить. Правда, осечка вышла. Больно уж осторожной эта сволочь оказалась. Даже к любовнице своей в бронетранспортере с двумя десятками охраны ездил. Пришлось по штурмовому работать, в дом к нему лезть. Ох, и намучался я тогда по вентиляционным шахтам ползать, охрану работать... Не поверишь, четыре обоймы ушло. Глушитель чуть не пережег... последних пришлось ножом дорабатывать. Грязно получилось. Я думал, он один живет, уж больно скользкий гад, а у него оказывается семья. Жена и дочка. Старшенькая меня посмешила, конечно. Вся в папашу пошла, видать. Башковитая, етить ее налево. Рядом труп ее мамки лежит, младшая сестренка еще кровью с горла рассеченного булькает, папаня в соседней комнате остывает, а она мне говорит, типа, отпусти – отблагодарю, и ночнушку с себя стаскивает.

– А ты? – Привстав на локтях, Ллойс подтянула ноги и, придав телу сидячее положение, окунула пальцы в воду. – Гнилью несет, пить нельзя, – заключила она, тщательно обнюхав руку. Райк, будь другом, подай флягу.

– А что я? Пырнул в печень, да отымел, пока подыхала. – Оскалился стрелок. – Девка-то действительно красивая была. Чистенькая, гладенькая. Ангелочек просто. Чего добру зазря пропадать. – Водянистые глаза Пью опасно прищурились. – Что, Дохлая, осуждаешь?

– Да нет, – безразлично пожав плечами, девушка выдрала из побелевших пальцев подростка флягу и сделала несколько больших глотков. – Я и не с такими уродами работала, сладенький. – Аккуратно завинтив крышку, наемница бросила наполовину опустевший сосуд под ноги скриптору и, потянувшись, зашарила за пазухой. – Черт, сигареты кончились.

– У меня самосад есть, если не брезгуешь, – порывшись в одном из многочисленных карманов дорожного плаща, Пью извлек на свет небольшой кожаный мешочек. – Сам-то не курю, но табак неплохо собак со следа сбивает.

– Нет уж, Пью, спасибо. Больно уж, форма кисета характерная, – брезгливо скривилась наемница. – В Сити, небось, покупал? Там такие штуки в моде.

– Не, это я сам сделал – женушки хахаля... запчасть, – пояснил снайпер. – Поводился один хмырь «в гости» к благоверной моей шастать, пока я работаю. Да не смотри ты так, парень, я что, зверь? – Перехватив остекленевший взгляд скриптора, стрелок криво усмехнулся. – Я его даже убивать не стал. Более того, ужин на двоих им организовал. При свечах, с вином и фруктами. Себе, вот только шкурку с главного блюда и оставил. – Подбросив на руке кисет, наемник убрал его обратно в карман. – Запомни, парень: с людьми по-другому нельзя – сожрут. С мутантами, кстати, тоже. Учти, мы, ведь, к ним в гости идем.

– Мутанты? – Нахмурился Райк.

– До Хаба далеко, сладенький, – пояснила наемница. – А на крюк мы не рассчитывали. Надо будет пополнять запасы. Если бы мы вышли на тракт, то закупались бы в поселках, но сейчас там слишком опасно. Ты сам видел ржавых, Райк. Так что, по всей южной дороге сейчас такое начнется... Операторы не позволят другим хозяйничать на их землях. А потом подойдет Железный легион, и начнется полноценная война. С реальными такими танковыми клиньями, ковровыми бомбардировками и прочей радостью. Как бы до тактики опять не дошло...

Словно в подтверждение ее слов над болотом разнесся звук далекого взрыва.

– Геликоптер, – задумчиво заявил снайпер, – или тяжелый танк. Боезапас рванул. Километров в двадцати.

– Побольше. – С сомнением качнула головой девушка. – На воде звуки лучше разносятся, скрадывая расстояние.

– Боец Железного легиона скорее отрежет себе руку, чем протянет ее мутанту. – Неожиданно продекламировал сидящий на дне лодки подросток.

– Ну и дурак, – откликнулась девушка. – Где же он столько рук наберет? Или отращивать будет? Тогда он сам мутант. Класса С, если не ошибаюсь...

– Мы не на землях легиона, парень. – Раздраженно дернув головой, стрелок так сильно толкнул лодку шестом, что судно опасно накренилось. – И ты почти исчерпал мое терпенье. В этих болотах и за ними почти не встречается нормальных людей. Основная часть населения мутанты. Ты их не любишь. А они еще меньше любят тебя. Не из-за того, что ты легионер, нет. Но из-за того, что ты родился нормальным. А если он узнают, что ты имеешь хоть какое-то отношение к фанатикам, поверь, твоя смерть будет очень неприятной. Если местные проявят воображение, она даже может растянуться на несколько месяцев. По большому счету, мне на это плевать. Но так получилось, что какая-нибудь твоя выходка может ударить и по мне. Поэтому договоримся о следующем, мой мальчик. Никаких цитат из вашей библии. Никаких легионерских закидонов. В присутствии незнакомцев лучше вообще не разговаривай. А если ты неожиданно решишь, что я зря сотрясаю воздух... – Глаза стрелка на секунду превратились в две исчезающе узкие щелочки, – то я сделаю с тобой то же, что проделал с девчонкой на своем последнем заказе. Понял?

– Выпятивший было упрямый подбородок подросток встретился взглядом со стрелком и стушевался. – Ладно, – неохотно выдал он из себя, наконец, – я понял. Цель похода превыше всего.

– Вот это я понимаю, подход к воспитанию. Я так не умею. – Широко улыбнувшись, Ллойс почесала переносицу и, прищурившись, огляделась по сторонам. – Пришлось бы его долго бить. Чуть правее, Пью. Между камышами и вон той кочкой пойдём, а то слева что-то, больно, подозрительное, как бы днище не пропороть.

– Ага. – Коротко кивнув, снайпер мощным толчком отправил лодку по указанному наемницей курсу.

– Одного только не пойму, – застегнув, куртку наемница принялась неторопливо закатывать рукава. – Что ты – человек обеспеченный, женатый, если не врешь, делаешь здесь, с нами посреди болота. Сидел бы дома. За рабами приглядывал, яблоки бы свои растил.

– Ну я, ведь, не спрашиваю, почему ты, свою флягу имея, у пацана воду берешь. – Ухмыльнулся стрелок.

– Потому что в моей не вода. – Вернула усмешку снайперу Ллойс. Некоторое время наемники сверлили друг друга глазами. Воздух, буквально, зазвенел от напряжения в лодке.

– Не о том мыслишь, дохлая. Заводик я хочу построить. – Мечтательно прикрыв глаза, наконец, улыбнулся Пью. – Мыловаренный. Да и заказец мне знатный подвернулся. Почти на центнер в серебряном эквиваленте.

– Ого, хмыкнула, зачем-то поднимаясь на ноги, девушка. – Это где ж такие контракты дают?

– Где дают, там уже нет. Но мир не без щедрых людей, – снисходительно небрежно бросил стрелок и снова улыбнулся. – Но дело не в этом. Задержался я в дороге, потратился слегка, решил халтурку взять на беглого одного, тоже кстати, не кислую, а потом раз и весть приходит – мол, сорвался мой заказ. Бывает. Так что сейчас я домой возвращаюсь. А тут, – Пью указал подбородком на угрюмо тискающего свой автомат Райка, –какая-никакая, а подработка. Я и подумал, всё равно, по пути почти, ну сделаю я небольшой крюк, зато не с пустыми руками домой вернусь...

– Это правильно. С пустым кошельком домой возвращаться – последнее дело. – Медленно подняв руки, Элеум заложила их за голову и развернулась к небольшому островку камышника. – Обмен!! Не стреляйте!! Свои!! Торг!! Обмен!!

– Какой, ыть, обмен?! Руки в гору! Дернешься, ыть, дырок наделаю! Обмен... – Донеслось откуда-то из глубины зарослей.

– Да куда выше?! – крикнула в ответ наемница. – У меня кроме пары ножей и нет ничего, видишь же?! Торг!! Мир! Свои!

– «Свои»!.. Я, ыть, тебе покажу «свои». Свои кок крашенный на голове не носят! Покру- тись давай, только медленно!.. Мелкий вон, ыть, пусть руки тоже подымает, тощего, ыть, это тоже касается! «Свои» они! Обмен, тля.. И руки, руки, ыть, чтоб видно было! У меня тут авто- матическая турель стоит, будете дурить, всех положит!.. Я вам покажу «обмен»...

Скриптор поспешно вскинул руки. Стрелок, бросив убийственный взгляд, на медленно поворачивающуюся вокруг своей оси девушку, последовал ее примеру.

– Слушай. Ты, ведь, уже налюбовался, да? У меня руки быстро затекают. Может, закон- чим с формальностями и поторгуем? – Закончив очередной оборот, обратилась к невидимому собеседнику наемница.

– Я тебе, ыть, поторгую! Я тебе, ыть, так поторгую, мама родная не узнает, – в камышах послышалась непонятная возня, металлический лязг, плеск, а потом стебли раздвинулись, и на путешественников уставилась пугающая своими размерами, густо заросшая волосом, чума- зая физиономия. Густая, клочковатая брода незнакомца зашевелилась, спутанные космы разо- шлись в стороны, обнажая рот в подобии то ли оскала, то ли улыбки. На, огромном, покры- том синими прожилками носу ярко блеснуло пенсне с треснувшими стеклами. – Ну вот, ыть, а говорили, что свои, – удовлетворенно пробурчал незнакомец. – Свои дома сидят... Ладно, ыть, подгребай. Сейчас только мостки скину.

– Ага, руки-то опустить можно? – Недовольно сплюнув в воду, проворчал снайпер. – А то копытами грести неудобно.

– Шутник, ыть, да?! Обожди, говорю! – Из кустов снова раздался непонятный лязг. – Вот. Теперь, ыть, можно, – закивал снова показавшийся из зарослей обладатель пенсне, – теперь всё можно. Кроме, ыть, стрельбы и резких движений. Турель в «желтом» режиме, понял? Знаешь, ыть, что такое?! Объясняю для неграмотных и шутников: кто цапнет пушечку свою или ножик решит достать, или ко мне ближе, чем на три шага подойдет – Бабах и всё. Ливер по всей палубе. Мне уборка, а баянистам – корм!

– Каким еще баянистам?.. – проворчала Элеум, опуская руки.

– Неплохо ты устроился, только вывеску надо бы повыше повесить и краской размале- вать. А то ее из-за камышей видно плохо, – прочавкала, жующая кусок источающего пар мяса, расположившаяся на легком плетеном креслице наемница. – Вкусно.

– Это да, – блеснул треснувшими стеклышками очков, высокий, болезненно толстый, буквально, вываливающийся, словно тесто из кастрюли из своего заляпанного маслом синего рабочего комбинезона мужик. – Обведя хозяйским взглядом здоровенный, метров пятнадцать в поперечнике, сваренный из железных профилей с привязанными к ним проволокой много- численными пластиковыми бочками плот, на одном конце которого возвышалось небольшое, слегка кособокое деревянное строение, видимо, служившее хозяину жилищем, а на другом, мерно гудя и помигивая желтым огоньком светодиода, водила стволами опутанная проводами и непонятными механизмами спарка здоровенного, крупнокалиберного пулемета. Оставшееся пространство палубы занимали несколько неясного назначения приборов, заваленные разно- образным инструментом вперемешку с металлической стружкой и деталями слегка траченные временем и ржавчиной станки, а также сваленный в кучу разнообразнейший хлам. – Магази- чик, ыть, у меня, хороший. Ты кушай, ыть. Кушай. Баянист свеженький, ночью ко мне вылез.

– Баянист? – Вскинула брови, потянувшаяся за следующей порцией наемница. Это, ведь, рачьё мясо.

– А это рак и есть, – насмешливо прищурился снайпер, развалившийся в кресле-близ- неце того, в котором расположилась девушка. – Только мутант. Головогрудь побольше, хвост поменьше. Почему так называют, не знаю.. Знаю, что эта пакость размером с собаку вырастает...

– Больше, – покачал головой хозяин плота. – Намного больше. Вода, ыть, прибывает... Всем известно: больше воды, ыть, – больше баянист. Сейчас метра полтора, ыть, бывает, встречаются. А бывают и весом за два центнера. А кличут их так потому, что если доведется, какого-то живьем в кипяток окунуть, рулады, ыть, ну, чисто гармонь выдавать начинают.

– Этот, значит, не слишком крупный. – Прищурилась девушка, крутя в руках кусок исходящего паром мяса.

– Ну да, – хозяин плавучего дома развел ладони на расстояние около полуметра, – на крысиную тушку большого не поймаешь... таких мы пальцекусами зовем...

– Крысиную? – С подозрением уставилась на предложенное угощение девушка..

– Это, ведь, членистоногие, жрут, в основном, дерьмо и падаль, – не обращая внимания на насупившегося толстяка пояснил девушке стрелок, – их мясо даже мутанты местные только с голодухи едят, а тут где-то могильники затопленные недалеко. Какая дрянь в воде плавает никому неизвестно.

– Понятно, – хмыкнув, Ллойс подхватила с тарелки очередной истекающий соком ломоть и впиалась в него зубами. – Фкуф-фно!!

– А то, ыть, мяско-то первый сорт, а заразы не бойся, баянисты, ыть, прямо в теле антитоты вырабатывают, да и смыло давно всю активную органику и неорганику с этих мест. – Довольно улыбнувшись, хозяин подхватил с тарелки последний оставшийся на стоящей посреди небольшого пластикового столика измазанной подливой широкой тарелке бледно-розовый кусок, открыл больше смахивающий на жерло потухшего вулкана рот... – Лучше, ыть, вареного с укропом баяниста закуски не найти. – Огладив покрытую жиром бороду, толстяк бросил слегка смущенный взгляд на жующую девушку и снова широко разулыбался.

– Здесь и укроп есть? – Насмешливо вскинула бровь девушка.

– Ну... Растет... бывает, – Слегка смутился толстяк.

– Пью, ты, вроде, про город говорил.

– Город дальше на севере...

– Не, Крысятник уже лет пять как паводком смыло, – испуганно замотал головой толстяк. – А вы туда шли?

– Примерно... Нам туда, где рынок есть... Припасы пополнить надо. – Задумчиво протянула девушка.

– Тогда, ыть, считай, что вам повезло, – довольно оскалился толстяк. – Кстати, как вас звать-то?

– Меня Дохлой кличут. – Сыто икнув, наемница со слегка осоловелым видом откинулась на спинку кресла, провела ладонью по гребню ирокеза, а потом поочередно ткнула пальцем в сторону напарников. – Вот этот, мелкий, что на тебя, будто волк, смотрит, наш бравый командир Райк. Не смотри, что от горшка два вершка, лучшего бойца на пустошах не сыщешь. С серокожими жил, представляешь? Меньше чем за десять кило серебра даже не чихнет, потому он такой молчаливый. Я его сама иногда боюсь. А тот – любитель природы, что про баянистов мне лекцию прочел, это элита всех вольных стрелков, Слепой Пью. За километр у комара на лету крылья отстрелит, да что там крылья, фальцетом жужжать заставит..

– Пью – пират, ыть, что ли? – Перебив наемницу, скептически хмыкнул жирдяй и поправил сползшее на кончик носа пенсне.

– Почему пират? – Удивилась девушка.

– Да так. Не бери, ыть, в голову. Вспомнилось как-то... – Отмахнулся лопатообразной ладонью хозяин плота. – Это я так, ыть, с дуру ляпнул, какие сейчас пираты... А меня, как вы, наверное, уже поняли, Ыть звать.

– Ыть?

– Ыть, Ыть, – захохотал довольный произведенным эффектом толстяк, – думаю, почему Ыть, объяснять не надо?

– Не обязательно, – задумчиво почесав переносицу, Ллойс запустила было руку во внутренний карман куртки и болезненно поморщилась. – Чем торгуешь, Ыть?

– Да всем, ыть, помаленьку, – пожал плечами торговец, отчего его брюхо заколыхалось, словно под тканью комбинезона была не человеческая плоть, а огромный кусок желе. – В основном, ыть, тем, что местные приносят или сам собираю. Ни с земли, ыть, тоже товар есть.

– Пушки имеются? – Наклонилась вперед девушка. – Только нормальные.

– Конечно, ыть, – сверкнув покрытыми трещинами стеклами, солидно кивнул жирдяй, – сейчас принесу. – С трудом выпроставшись из намного более капитального, чем предложенные гостям, вырубленного, похоже, из цельного пня, покрытого затейливой резьбой кресла, торговец скрылся в пристройке.

– Ты что творишь, Дохлая, совсем берега потеряла? – Как только хозяин плота отошел на достаточно далекое расстояние, – зашипел развернувшийся к девушке наемник. – Ты же нас чуть не угробила!

– Если сам еще не дотумкал, почему камыши в болоте, будто по линейке кто высадил, я тебе потом на пальцах объясню, сладенький, и даже схему нарисую. А пока подумай, почему этот хмырь тут поселился. – Девушка задумчиво почесала переносицу, и прикрыв рот ладонью сыто рыгнула. – Извините, буркнула она внимательно наблюдая, как из будки появляется основная часть, а потом и сам хозяин плота. – Переела слегка.

– Вот! – С гордостью поставив перед путешественниками глухо звякнувшую железом сумку, заявил торговец. – Смотри! Sturmgewehr 90 – хорошая, ыть, машинка, почти новая, считай. – Бородач, потряс в воздухе автоматом, слегка кривоватым, судя по всему, вырезанным вручную, усеянным зарубками и непонятными надписями ложем. – От Светящегося моря, ыть, ко мне пришла! Или, вот AR-15 под семь шестьдесят два от «Фаерармс», тоже, ыть, интересная штука. – Перед наемницей легла покрытая камуфляжными пятнами, ажурная, будто игрушечная, каркасная штурмовая винтовка. – Этот, перст продавца, больше похожий на железно-дорожную шпалу, чем на палец, указал на исписанный надписями автомат, – за шесть сотен отдам. А эту красавицу, – торговец кивнул в сторону смертоносного металлического кружева, – меньше, чем за восемь, ыть, даже не подумаю.

– Дешево, – хмыкнул снайпер. – Товар, конечно, дерьмо, но дешево.

– Товар нормальный. – Насупился жирдяй. – Ты бы видел, ыть, что мне приносят. Я каждую, ыть, железяку вот этими руками, – толстяк обиженно потряс перед лицом стрелка огромными, словно ковшы карьерного экскаватора, лапищами, – перебираю, до ума довожу. Так что учти, у меня даже самое кривое дерьмо бьёт прямо и клинов, ыть, почти не дает. А дешево потому, что торга, ыть, у меня нет. Цена окончательная.

– Не люблю я эти трещотки, Ыть, – поморщилась наемница, – еще что есть?

– Так, ыть, выбирай что ли? – Пододвинул к ногам девушки сумку торговец. – Нет, обожди секунду, – выудив из нагрудного кармана комбинезона прикрученный к деревяшке кусок опутанной разноцветными проводами микросхемы, торговец ловко расцепив пару соединений, прижал большим пальцем крупную красную кнопку. За спиной путешественников что-то глухо лязгнуло. Огонек на турели, сердито моргнув, сменился с желтого на зеленый. – Только, ыть, не балуй, пояснил не выпускающий из рук деревяшку торговец. – Я сейчас контактную пластину прижимаю. Отпущу, и всё, ыть, сразу красный режим.

– Вот эти почему? – На деревянный столик перед наемницей легли ничем не примечательная кроме, разве что варварски опиленного под пистолетную рукоять приклада, охотничья двустволка и огромных габаритов, явно кустарного производства, револьвер.

– Дробадаш, ыть, за триста отдам, револьвер – за триста пятьдесят. Но учти – он одиночного действия, шустро не постреляешь.

– Это я поняла. – Кивнула девушка. – А калибр сорок пятый?

– Ага, – гордо улыбнулся толстяк. – Сорок пятый, видишь, какой барабан длинный, хоть кольцовские [25] суй, хоть, 45-70 [26], хоть, ыть, Магнумы, в общем, всё, на что, ыть, воображения да силенок хватит. Лягается, конечно, здорово, но бьет тоже так, что у любой твари дух вон! Моща! Мне некоторые с ружейным ложем такие заказывают. Могу показать.

– Так ты их сам делаешь? – Удивленно вскинув брови, Ллойс принялась осматривать со всех сторон револьвер. – Встречала такой у одного. Круто, мужик, а я думала, что это на заводе каком, кустари клепать начали. Вроде, как у Ржавых..

– У Ржавых? У ржавых, ыть, дрянь, которая не стреляет, а плюется, а у меня смотри, какие нарезы: каждый ствол на сотню метров в ладонь бьет! – Зарделся от смеси гордости и злости жирдяй. – Сам помаленьку строгаю. Потому товар – высший сорт. Смотри, какая рама, какой ствол! У меня все до сотой доли грамма выверено. Барабан, шильды, всё усиленно до предела. Толще металл ставить, так его уже не поднять будет. И так два кило, почти. Сталь ружейная, хорошая, лично на фрезе точил. Механизм, сама понимаешь, у машинки одинарного действия ломаться нечему. Можешь вместо кувалды им пользоваться, а потом стрелять! Гарантия, ыть!

– Дай-ка взгляну, – протянув руку, снайпер, грубо выдернув из рук девушки револьвер, повертел, взвесил в руках, откинув в сторону барабан, зачем-то долго заглядывал в дуло и, уважительно хмыкнув, вернул обратно. – Тяжеловат.. С карабинным прикладом тоже, говоришь, есть?

– Есть, – радостно кивнул торговец. – Есть с откидным, есть с деревянным.

– А с глушителем?

– Тоже есть, только, ыть, это, – толстяк нахмурился, – глушители, если честно, у меня не очень, никак расстояние между пластинами не подберу и толщину: барабан отстреляешь и всё, считай, выгорел глушак напрочь. Так что, если берешь, то бери, минимум, пару. Четыреста пятьдесят это будет. Могу еще коллиматор поставить, но тогда, ыть, с тебя еще полтинник.

– Патроны почему? – Согласно кивнув, поинтересовался снайпер.

– Четыре монеты штука, заводские, с гарантией. Мне их, ыть, с земли завозят. Две за, ыть, просушенные, что местные наловили.

– Нормально. А двенадцатый? – спросила Ллойс, несколько раз переломив, а потом защелкнув ружье.

– Картечь и пулевые по двадцать восемь грамм по монете. Магнумы – две. Возьмешь на сотню – патронташ подарю, кожаный, красивый. И воротник меховой, из водяной крысы. Как раз на твою курточку. – Коротко глянув на наемницу, почему-то покраснел до корней волос торговец.

– Беру с коллиматором и пять десятков заводских, – небрежно бросил стрелок и, вытащив из кармана плаща солидно звякнувший, туго набитый мешочек, бросил его на стол. – Здесь ровно. Можешь пересчитать.

– Зачем пересчитывать? – Кустистые брови торговца удивленно приподнялись. – Взвесим. У меня тут универсальный сканер лежит. – А ты, Дохлая, что брать будешь?

– Буду, – твердо кивнула девушка. – Пью, в долг есть?

– Нет, – отрезал снайпер и злорадно ухмыльнулся.

– Райк?

– У меня только пятьдесят монет осталось, остальное я ему как аванс отдал, – развел руками скриптор. – Пью, а ты не...

– Нет, я сказал! – Раздраженно рявкнул снайпер. – И даже не пытайся на мне свои штучки пробовать! – Пристрелю, на хрен, и скажу, что так и было!

– Все нормально, Райк. – Наемница провела ладонью по жесткой щетке ирокеза и широко улыбнулась. – Ыть, у меня серебра нет. Бартер устроит?

– Ну-у, – неуверенно замялся жирдяй, – тут, ыть, смотреть надо... – Покопавшись в нагрудном кармане комбинезона, торговец извлек из него сигаретную пачку, неловко прикурил свободной рукой и, перехватив жадный взгляд наемницы, смущенно улыбнулся. – Угощайся, ыть, если хочешь. Только они крепкие. Прямо из Хаба. У меня, ыть, и на продажу есть. Двадцать – пачка. Сто восемьдесят – блок. Знаю, что дорого, но это довоенные. Не делают сейчас таких.

– Делают, делают. – Хмыкнул снайпер. – К твоему сведению, первые фабрики с этим дерьмом даже раньше консервных заводов запустили.

– Только суют в них всё, что попало, только полы, разве что не метут, – блаженно улыбнувшись, дохнула дымом не преминувшая воспользоваться предложением торговца Ллойс.

– Будто до войны по-другому было, – пожал плечами снайпер.

– А ты-то откуда знаешь? – Удивленно обернулась к Пью девушка.

– Читал, – хмыкнул стрелок. – Да и на обоняние не жалуюсь. Что то дерьмо, что это. Воняет почти одинаково.

– А... – Тут же потеряв всякий интерес к стрелку, наемница обернулась к толстяку. – Слушай, Ыть, в блоке, ведь, десять пачек?

– Скидка, ыть, за опт! – Многозначительно подняв палец, заявил Ыть. – Все для удовлетворения клиента. – А командир у вас, ыть, почему такой молчаливый? – Покосился торговец в сторону скриптора, продолжающего сверлить его подозрительным взглядом.

– Он не молчаливый, он стеснительный, – хохотнула девушка. – Он, кстати, у тебя патронов тоже купит. Пять пятьдесят шесть есть?

– Так, ыть, хоть жри, хоть в задницу пихай. – Хохотнул собственной незамысловатой шутке жирдяй. – Взял, ыть, я в свое время партию большую, а его никто и не берет почти. Сотня монет пачка.

– Вот, он возьмет. Коробок восемь. – Ллойс ткнула пальцем в сторону оторопело кивнувшего подростка.

– Заказ большой, – солидно кивнул торговец, – а что в обмен? Я бы, конечно,.. Но серебра-то у тебя нет. – Виднеющаяся из-за бороды часть шеи, лицо, и торчащие из копны волос кончики ушей торговца медленно налились пунцовой краской. – Ты, ыть, не обижайся... – Взгляд торговца вильнул куда-то в сторону, лапищи поднялись в защитном жесте. – Приглянулась ты мне, Дохлая... Ты не подумай, нет. Я, ыть, это... – окончательно засмутился торговец, – ну, просто... Один я живу, вот и... Если не хочешь, то, конечно... А так... Ты только не обижайся...

– Кхм... нет, милый, это мы как-нибудь в другой раз обсудим, – с видимым трудом сохранив безразличное выражение лица, наемница щелчком отправила догоревший до фильтра окурок за край плота и скинула с плеча патронную ленту. – У меня к тебе другое предложение, сладенький. Для начала сотня пятидесятого БМГ, черные носики, бронебойные, значит, для твоей малышки, – фиолетовый хохолок ирокеза качнулся в сторону помигивающей зеленым индикатором турели, – в самый раз, как мне думается, будет. Кстати, это подарок. Нечего такому хорошему агрегату пустым стоять.

– Вот, ыть, – выпучил глаза торговец. – А как ты, ыть, догадалась? Лента, ведь, в коробе..

– Когда старые «Марковские» автономники режим переключают, у них затвор передергивается – детская болезнь. На новых моделях такого не бывает, но в новых и калибр поменьше. Лязг я слышала, а патрона вылетевшего не увидела.

– Ыть, – обреченно махнул рукой торговец и отложил в сторону возмущенно заморгавший красной лампочкой прибор. – Подарок не подарок, а половину цены ты уже, ыть, скинула, что еще будет?

– Еще? Палатка на четыре места, утепленная, с электрическим подогревом, опреснитель и дезактиватор воды «Эней-200», пятьдесят литров в день перерабатывает, набор инструмен-

тов из трехсот предметов. – Принялась загибать пальцы Ллойс. – Обувь зимняя, два комплекта, одежда зимняя два комплекта, два литра ружейного масла, газовая плитка и к ней шесть баллонов сжиженного газа, набор складной посуды, сухпаек армейский соевый, двадцать коробок, машинка для стрижки волос, триммер для усов и бороды, бритвенный набор и шестьдесят сменных лезвий, девять брикетов мыла с запахом сирени, четыре коробки крема для обуви, шампунь, три упаковки, три тюбика с зубной пастой «Мятной», щетка зубная, крем для рук увлажняющий, ну вот, пожалуй, и все.

– Мыло, – неверяще прошепел толстыми губами толстяк, – паста зубная, шампунь... Сверху пушек – барабаны в моих малышках на шесть патронов... – значит, шестьсот дам сорок пять на семьдесят. Бронебойных, с латунными пулями. Любой бронник накоротке, как бумагу шьет. И двести пулевых на двенадцатый калибр, магнумовских. Идет? Сейчас, сейчас... только патронташи под тебя подгоню... Чтоб по фигуре, значит...

– Сто пятьдесят пулевых, остальное – картечь. – Покачала головой наемница.

– Тогда, – огромная рука в очередной раз нырнула вглубь комбинезона и грохнула на стол револьвер, – брат-близнец первого. Его бери! «Кулак» его зовут. Первенец мой. Во всем, ыть, как этот, но лучше. Стреляет точнее, бьет злее, отдача меньше и так далее. Рукоять под твою ладонь за полчаса подгоню. В расчете?

– Это вряд ли, – покачала головой наемница. – Пропуска, ведь, мы еще не купили?

– Пропуска? Какие, ыть, пропуска? – Слегка неискренне удивился толстяк. На мясистом лице отразилась напряженная работа мысли. – Я, ведь, говорил, смыло Крысятник. Паводком смыло...

– Ну, сладенький, болото большое. В жизни не поверю, что здесь только один город был. К тому же, эти блокпосты в камышах... Вышки на заброшенные не слишком похожи.

– В Некрополь, значит, идете. – Скривился толстяк.

– Некрополь? Это так та навозная куча называется? – Кивнула наёмница в сторону скрывающегося в болотном мареве горизонта. – Получается, что так.

– Дохлая, ну разве так можно? Хоть немного такта бы проявила... – Осуждающе цокнул языком снайпер.

Райк до рези в глазах всматривающийся в указанную наемницей сторону, так ничего и не разглядев, недоуменно покрутил головой и решил промолчать.

– Не надо вам туда, – после долгой паузы покачал головой жирдяй, – вы нормальные, а там, ыть, нормальных не любят. Там, ыть, и меня-то терпят потому, что я один из Крысятника, местный, значит, и с большой землей торгую. А еще чинить могу всё, что хочешь. Хоть мясорубку, хоть, ыть, модуль спутниковый.

– Ну, можем и обойти мы твой Некрополь. – Хмыкнул Пью. – Нам на другую сторону надо. Дальше на восток. Блокпосты, ведь, по всему болоту в камышах стоят? – Стрелок повернулся к наемнице. – Почему сразу не сказала?

– Во-первых, сладенький, я увидела очень привлекательную вывеску и как любая приличная женщина не смогла обойти стороной магазинчик с надписью «Распродажа». – Зло ощерилась в ответ Ллойс. – Во-вторых, о секретах я только догадывалась, уж больно хитро камышник разросся. В-третьих, ну, сам подумай, милый, не могла же я прерывать столь мудрые и увлекательные рассуждения о специфике работы в далеко не чуждой мне области...

– Сука злопамятная, – вздохнул стрелок. – Ну, на хрена ты ее нанял, Райк? На сиськи и задницу ее повелся? Так сиськи и лучше бывают. Будем в Сити, я тебе такие покажу... Эх. – С раздражением сплюнул снайпер. – Пошли бы на запад – уже бы у границы опасных земель были, осталось бы только Килотонну и Светящийся лес обойти, а там и...

– А сильно надо? – Прервал рассуждения стрелка торговец. – На ту в сторону, в смысле.

– Почти до смерти, сладенький, – хмыкнула внимательно разглядывающая самодельный револьвер Элеум.

– Тогда, все равно, ыть, в город придется, – поправил пенсне толстяк. – Вам, ыть, проводник нужен будет, чтобы между могильников пройти. – Крякнув от усилий, торговец, буквально, выдрался из кресла. – С вами пойду. Сам я за Некрополь, конечно, не ходил, но нужного человека знаю.

– Ты не обязан. – Покачала головой наемница.

– Нет, – покачав головой, жирдяй искоса смерил взглядом фигуру девушки и снова залился краской до корней волос. – Он с чистыми даже разговаривать не будет, а мне должен сильно. С вами пойду. Только соберусь и помоюсь. С мылом... – мечтательно закатив глаза, Ыть, громко топя, скрылся в своей будке.

– Вот не пойму. – Задумчиво снайпер покрутил так и оставленный на столе торговцем автомат. – То ли я стал свидетелем чуда большой и чистой любви с первого взгляда, то ли этот комок сала и вправду лет десять женщин только на картинках видал... У него, ведь, от одного твоего вида все мозги в штаны ушли. Прямо как у этого, – стрелок ткнул пальцем в Райка, опасно изучающего хищно водящую ствол из стороны в сторону турель.

– Пошел ты, Слепой Пью. – Вяло отмахнулась о чем-то напряженно размышляющая наемница. Райк не ответил, только поспешно отвернувшись, сделал вид, что внимательно разглядывает густые заросли камыша. Уши скриптора алели, словно два заката в пасхальный вечер...

ПРИМЕЧАНИЯ

24 – У читателей наверняка уже давно назрел вопрос: почему денежные расчеты идут, в основном, в серебре. И где же золото. Так вот, золото еще задолго до войны научились добывать из морской воды. К тому же, серебро имеет прикладное применение, так как необходимо при изготовлении большинства нанокультур. Потому-то в пустошах роль денег играют обычно измеряемые в граммах украшения, монетки и слитки. Также большинство торговцев примет в качестве оплаты патроны, как наиболее востребованную «непреходящую ценность».

25 – .45 Colt или 11,48×33 мм R – патрон, созданный в 1872 г. для использования в револьвере, известном как Single Action army или Peacemaker («Миротворец»). Боевые характеристики: масса пули – 17,3 грамма, начальная скорость пули – 260 м/с, дульная энергия – около 570 Дж.

26 – 45-70 или .45-70 Government – [винтовочный патрон центрального воспламенения](#), разработанный специалистами [Спрингфилдского арсенала](#) под винтовку [Springfield Model 1873](#) на основе боеприпаса [.50-90 Sharps](#). Изначально создавался для нужд [американской армии](#) на замену устаревшего патрона [.50-70 Government](#). Боевые характеристики: масса пули – 19,44 грамма, начальная скорость пули – 487 м/с, дульная энергия – около 2300 Дж.

Глава 5

– Впечатляет, кошкину мать, – озадаченно взъерошил волосы на затылке стрелок, расположившийся на носу аэролодки, довольно бодро волочащей за собою надувное судно путешественников, несмотря на небольшие размеры.

– А то, – гордо тряхнул многочисленными подбородками услышавший, несмотря на громкий треск винта, комментарий снайпера толстый торговец. – Некрополь, ыть, на болоте – самая большая община. Тут у нас все: заводы, производство ништяков разных, сады с гидропоникой, мясные фермы, кабаки, рынок, гостиный двор. У нас, ыть, даже парикмахерская есть.

– Бордель тоже есть? – Насмешливо вскинул бровь снайпер.

– А как, ыть, без него... – меланхолично почесав нос, согласился толстяк, видимо, чувствуя себя намного более уверенным после прохождения цепочки блокпостов – скрытых в камышах вышек со скучающе проводившими их взглядами часовыми. – Но тебе там, наверное, не очень понравится. Ты, ыть, с историей города знаком?

– Не доводилось. – Отрицательно качнул головой Пью, внимательно оглядывающий постепенно приближающийся поселок. – Я в этих краях бывал, в Крысятник этот ваш заходил, но про Некрополь первый раз слышу. Откуда, кстати, такое название?

– Крысятник – не Некропольский. Крысы вообще на особицу жили. Сами по себе. – Наставительно воздев толстенный палец жирдяй с одобрением глянул на стрелка. – А историю этих мест знать надо. Иначе ничего и не поймешь. – Почесав покрасневшую, покрытую пятнами кожу, оголившихся после знакомства с новой бритвой складчатых подбородков, торговец шумно высморкался и, обтерев ладонь о штанину, откинулся на спинку штурманского кресла. – Как, ты наверняка знаешь, тут, ыть, город недалеко был. И водохранилище. А еще, ыть, институт и научный городок. – Начал рассказ толстяк. – А здесь поселок, обычный, ыть, ничем не примечательный Мухозасиженск тысячи на две населения. Обычный, ыть, если бы не одно небольшое обстоятельство. Даже два. Первое: глиноземный слой в триста метров, из-за которого воду сюда приходилось фурами возить. И второе: убежище. Не такое, ыть, конечно, как у крупных городов, но и не маленькое – на двести тысяч, мать его яти, бункер. Всё честь по чести. Пятьдесят, ыть, натуральных лет автономного существования. Яйцеголовых, ыть, чтоб в случае глобальной войны вместе с семьями попрятать. Стройку в тайне пытались удержать, естественно, но сам понимаешь. Рабочих, ыть, куда-то селить надо. Обслуга опять же, начальство, то, се. Отгрохали, ыть, в результате вокруг нехилый такой городок. Тысяч на триста.

– Брешешь, – покачал головой наемник, – ну, зачем ради одного бункера такой городище вокруг строить?

– Как, ыть, зачем? – Искренне удивился торговец. – Это, ведь, деньги. Делали-то, ыть, с понятием, с толком. С переделками, ыть, с обновлениями да ремонтами. С комиссиями и инспекциями. Лет на двадцать, ыть, стройка затянулась. Первые тактики, ыть, уже падать начали, а она все шла да шла. Всем, ыть, хорошо. Работягам подряд и зарплата. Их начальникам, ыть, тоже... приработок, сам понимаешь, – толстяк мечтательно закатил глаза, – не выгребную яму, ыть, рыли. Представляешь, какой рекой сюда денежки текли? Даже этим... ыть, из научного городка хорошо. Знай, ыть, бродяга, что о тебе позаботились, да трудись дальше на благо Родины. Помни, ыть, – в случае чего, ждут тебя да детишек твоих сорок восемь комфортных, автономных уровней под двумястами метрами насыпного грунта. – Слегка пошевелив рычагом управления, жирдяй скорректировал курс аэролодки и горестно покачал головой. – У тех, кто эту махину строил, детишки уже не то, что народиться, ыть, подрасти изрядно успели да своих детей завести, когда все началось. А дальше, ыть, как всегда, все пошло не по плану. Во-первых, когда боеголовки ракет, ыть, прямо на головы народу сыпаться стали, оказалось, что никто не продумал, как яйцеголовых из города в бункер транспортировать. Во- вто-

рых, работяги, ыть, что убежище строили, вполне логично прикинув, что собственная шкура несколько дороже, решили это самое убежище захватить. В– третьих, солдаты, объект, ыть, охраняющие, тоже рассудили, что своя рубашка к телу ближе... А автоматов, ыть, у них тогда было больше всех. А потом на общее, ыть, веселье выжившие из города подошли... Вон тот холм видишь? – Указав в сторону виднеющейся километрах в трех циклопических размеров насыпи, толстяк пожевал губами и криво усмехнулся. – Это, ыть, остатки костей тех, кто в бункер лез.

– Да ну, – неверяще протянул снайпер.

– Кости, ыть, кости. Даже не сомневайся. – Подтвердил толстяк. – Просто не все. Только те, ыть, что сгрести решили, чтоб под ногами не мешались. Тут вся область про бункер знала, вот и ехали... Ты, ыть, лучше дальше слушай. Дальше интересней все будет.

– Куда уж интересней... Убежище, небось, без жратвы оказалось? – Пью, прищурившись, посмотрел на возвышающийся вдалеке костяной холм, покачал головой, зло сплюнул и отвернулся.

– Нет, отрицательно покачал головой толстяк, с этим, ыть, как раз, на удивление все в порядке было. Склады, ыть, полные, фильтры для воды работают, даже топлива для генераторов полно. Все, ыть, в убежище есть, кроме главного... Гермозатворы, мать их, установить не успели...

– Святые Атомы, – невольно вырвалось у стрелка. – И что дальше?

– А то, – хмыкнул торговец. – Забаррикадировались, ыть, заварили да засыпали вход, как смогли, подождали, пока снаружи стучаться перестали, и давай дальше жить. Только, ыть, гамма-рентген удержать – не в кусты сходить пописать. Сначала на верхнем уровне жить нельзя стало, потом, ыть, ниже. Так и повелось, каждые пару лет на уровень вниз. В тесноте, ыть, как говорится, да не в обиде. А потом еще хуже стало. Грунтовые воды подниматься начали, да так быстро, что насосы перестали справляться. Уж не знаю, то ли умники, что, ыть, проект бункера делали, намудрили, то ли заработать кто-то решил да пожадничал, а может, ыть, просто и не думал об этом никто, но убежище стало заливать водой. Вот и представь: снизу, ыть, вода токсичная да «горячая», будто из прохудившегося реакторного контура вытекла, сверху тоже Гейгер трещит да лучевухой не по детски пугает. Две мегатонны – не шутка..

– Какие мегатонны? – Насторожился Пью.

– Так, ыть, те, которые на город из космоса уронили, – безразлично пожав могучими плечами, толстяк небрежно махнул рукой в сторону окружающего их пейзажа. – До войны сам, ыть, наверное, в курсе, на орбите полно спутников моталось, вот и такие тоже были... с бомбами, значит. Откуда, ыть, ты думаешь здесь такая радость? – Торговец широким жестом окинул расстилающийся вокруг унылый пейзаж. – А потом, ыть, уже и могильники отходов поплыли. Но это уже ыть, свои... Не так, вроде, и обидно.

Торговец надолго задумался. Пью, воспользовавшись паузой, в очередной раз посмотрел в сторону медленно приближающейся цели их путешествия – густо заставленный неказистыми, цветастыми, льнущими к немногочисленным угрюмым, ошетилившимся частой гребенкой труб, бетонным коробкам, лачугами, уродливо торчащий из болота пологий холм, больше похожий на лениво дымящуюся мусорную кучу.

– А дальше-то, ыть?

– А ты, ыть, меня не сбивай, – встряхнулся жирдяй. – Ты, ыть, самое интересное не дослушал. Еще одна проблема была, как позже выяснилось. Даже две.

– Это, какая же? – Зябко пожившись снайпер, поплотнее запахнул дорожный плащ, и поправив слегка сползший ремень винтовки, снова принялся изучать окрестности.

– Не догадываешься? – Прищурился толстяк.

– Ну, почему, догадываюсь. – Гадко ухмыльнулся снайпер. – Радиацию не видно и не слышно. Только страшно становится, когда кто-нибудь рядом зубами плевать начинает.

Жратва и вода есть. Значит, первичные нужды удовлетворены. Выживание, худо-бедно, состоялось. Но два базовых инстинкта осталось. Размножение и доминирование... Кто главнее? Высококобый инженер или солдат? А, может, простой работяга с кувалдой? Кому вон та девка сисястая да на лицо симпатичная достанется? Бригадиру строителей или бравому вояке с блестящими на погонах звездами, а, может, какому-нибудь начальнику лаборатории? Кстати, как мне подсказывает опыт, – похлопал по висящему на груди новоприобретенному самопальному карабину наемник, – кратчайший путь решения подобных проблем только один.

– Ну ты, ыть, загнул, – хохотнул толстяк. – «Базовые инстинкты», «кратчайший путь». Нет, чтоб сказать – понял мол я, ыть, что, кто командовать будет так и не решили, а солдатня баб не поделила. Да и сколько их было-то, баб этих. В армии, ыть, женщины сам понимаешь, редкость. Они рожать должны, а не стрелять да по глуши шарахаться... Семью хранить...

– Ты только при ней не ляпни, – мотнул головой в сторону увлекаемой на буксире лодки стрелок. Судя по бурной, изобилующей неприличными телодвижениями жестикуляции, раздраженно жующей незажженную сигарету, расхаживающей туда-сюда по лодке наемницы и мотающему из стороны в сторону головой, словно довоенная игрушка – «Баблхед» шей-пружинкой, сидящему на корме подростку, между девушкой и скриптором шел какой-то ожесточенный спор. – А то за последствия не ручаюсь. Девка бешеная.

– Красивая. – Тяжело вздохнул торговец. – Давно знакомы?

– Не слишком, – криво усмехнулся снайпер. – Но достаточно, чтобы понять – от нее одни проблемы.

– А она, ыть, что, с этим щеглом?.. – Изобразить безразличие у толстяка не получилось. Выдали чуть прищурившиеся глаза.

– Это ты верно заметил, – после долгой паузы с серьезным видом кивнул снайпер. – Днем лаются, а ночами мирятся. Я тоже сначала удивлялся. Мелковат еще парень для таких дел. Но потом как-то привык. В пустошах взрослеют быстро.

– Жалко, ыть. – Опять глубоко вздохнув, Ыть ссутулил заплывшие салом плечи. – А у них, ыть, серьезно?

– Наплюй, – подав пример, стрелок громко хрюкнув, выплюнул за борт здоровенный ком желто-зеленой слизи. – Мордаха, не спорю, симпатичная, фигурка... на любителя. Я лично мускулистых баб на дух не перевариваю. Как с парнем спать... Прическа еще эта дурацкая... К тому же извращенка явная. С малолеткой спуталась. Партаков разноцветных набила – не всякий рейдер столько носит. Живого места нет. Язык ее заметил – проколотый – прикинь? Язык себе проколола и железку вставила. Нормальные так не делают. О вкусах, Ыть, конечно, не спорят, но мой тебе совет – наплюй. От таких, как она, обычно одни неприятности. Сходи вон в бордель, да забудь. Ну, зачем тебе девка, которая с тобой сначала милуется, а потом вот так вот, – кивнув в сторону лодки злорадно хохотнул Пью.

Обернувшись назад, жирдяй удивленно приоткрыл рот. Опасно накренив надувное судно, наемница навалившись на перегнувшегося через борт скриптора, и вцепившись ему в волосы, увлеченно макала подростка головой в воду. Периодически вытаскивая отплеывающегося, жадно хватящего воздух легионера из воды, девушка методично и буднично несколько раз прикладывала его покрытым разводами тины лицом о пружинистый резиновый борт, что-то зло шипела ему в ухо, а потом снова окунала в покрытую ряской жижу. Пускающий пузыри, чем-то напоминающий сейчас придавленную жабу, Райк вяло отбивался.

– И так каждый день, – прокомментировал стрелок. – Она тащиться, а он терпит. Извращенцы. Все в толк не пойму, у кого из этой парочки яйца... Так что, брось эту затею. Лучше историю дальше расскажи.

– А что, ыть, рассказывать? – Задумчиво протянул продолжающий наблюдать за дракой толстяк. Видимо, удовлетворившись увиденным, торговец снова глубоко вздохнул и, судя по неожиданно расслабившемуся, заплывшему жиром загривку, придя к какому-то решению

продолжил. – Начальников, ыть, комендантов, офицеров, смотрителей, прочих шишек и их прихвостней в первые же дни собственными портянками передушили. А охрана даже ухом не повела. Эти дебилы, ыть, приказали еду и воду экономить. При полных складах, на пятьдесят лет рассчитанных... А потом... неожиданно оказалось, ыть, что порядок поддерживать некому, оружия у армейских полно, а что дальше делать, по большому счёту, никто не соображает. Сам армейских знаешь. Без приказа и пальцем не пошевелят. А анархия вещь такая... Как ты озверевшему от страха и скуки мужику с автоматом объяснишь, что это твоя жена? Или, что дите, ыть, твое или чужое до взрослых игр не доросло? Триста пятьдесят тысяч в бункер вошло. Армейские, строители, яйцеголовые. Из тех, ыть, кто прорвался. Пять тысяч женщины. Это если, ыть, старух детей и подростков считать. А через десять лет, когда радиация до приемлемого, ыть, уровня упала, вышло из него двести.

– Двести тысяч? – Ошарашено вскинул брови стрелок. – В Некрополе двести тысяч человек? Да даже в Сити не больше тридцати!

– Не двести тысяч, просто, ыть, двести, прикинь. Сто девяносто три мужика и семь баб. Девятнадцать – из первого поколения. Основатели. Остальные – дети подземелий. – Пробурчал толстяк. – Сейчас, ыть, конечно, народу намного больше. Все же больше тридцати лет с Дня исхода... Кто из пришлых придет, посмотрит, да остаться решит... Бабы рожают опять же... Но у нас, ыть, до сих пор к женщинам отношение особое... Всё, приехали. – Заглушив мотор, торговец ловко подвел свое стремительно теряющее скорость суденышко к пирсу и неожиданно ловко для своей комплекции спрыгнув со штурманского кресла, накинул петлю из тонкого стального тросика на вбитую в гнилые доски причала проржавевшую арматуру, после чего развернулся к путешественникам. – Добро пожаловать в Некрополь. – Широко разведя руки, провозгласил толстяк.

– Мн-н-да, – скептически хмыкнул наемник, окинув взглядом раскинувшуюся на добрых полкилометра вокруг дымящего трубами, возведенных на холме массивных железобетонных конструкций, соединенную хлипкими мостками мешанину из наполовину затонувших барж, ржавых катеров, деревянных лодчонок, стянутых проволокой бочек, и покоящихся на криво вбитых сваях, готовых, казалось, в любую секунду развалиться домов. – Замечательный город.

– А то, ыть. Самый лучший город на земле! – С серьезным видом кивнул толстяк. – Пойдемте, в гостиницу провожу.

– Слушай, Дохлая, ну нельзя, ведь, так с людьми, – ухмыльнулся стрелок, наблюдающий за отплевывающимся, хлюпающим носом и утирающим то и дело выступающие на глазах слезы Райком. – Командир отряда все-таки, наниматель твой.

– Просто небольшая лекция о субординации во время похода. Определении, так сказать, приоритетов и рациональном использовании наемного труда. О правах сторон. В том числе и нанимателя. – Описав дымящейся сигаретой замысловатую дугу, балансирующая на хлипких досках девушка, гибко изогнувшись, взмахнула руками и перепрыгнула на находящийся в добрых пяти метрах от нее причал. – А еще о вредных аспектах жадности. Могу и тебе прочитать, сладенький.

– Обойдусь, – рассмеявшись, затряс головой снайпер. – Просто, вода тут... – Стрелок поморщился. – Не подхватил бы пацан чего... Ыть, это, что – утопленник?

В источающей невыносимый смрад жиже, под мостками действительно покачивалось нечто бледное и раздутое, отдаленно напоминающее человеческое тело.

– Ну, может, и не утопленник, – жирный торговец с необъяснимой для такой туши грацией разминувшись с замотанным в непонятные тряпки, опирающимся на два костыля одиноким прохожим, коротко глянул в указанную снайпером сторону, – но покойник точно. Может, пьяный или наркolyга, а может просто, кто-то с кем-то чего-то не поделил...

– А убрать, что, сложно было? – Посмотрев в указанную стрелком сторону и брезгливо скривившись, Элеум смешно семеня, совершила короткую перебежку по опасно прогнувшейся под ее весом доске и, подхватив под локоть с растерянным видом застывшего над трупом подростка, потянула его вперед. – Пойдем, командир, насмотришься еще на покойников... Парень – настоящий маньяк, если в день хоть одного жмура не увидит, в буйство впасть может. – С доверительной улыбкой пояснила она опешившему от такого заявления толстяку и, отпустив бледного, как простыня скриптора, перепрыгнула на слегка покачнувшееся скопление кое-как стянутых ржавой проволокой пластиковых бочек.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.